

Россия и Македония
от прошлого к будущему

К 100-летию
журнала «Вардар» (1905)

Российская академия наук
Институт славяноведения

Македонская академия наук и искусств

РОССИЯ И МАКЕДОНИЯ: К 100-летию журнала «Вардар» (1905)

Материалы международной
научной конференции
(13 сентября 2005 года, Москва)

Москва
2008

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук К. В. Никифоров (ответственный редактор),
академик Б. Ристовский,
кандидат филологических наук, доцент Е. С. Узенёва,
кандидат филологических наук, доцент Н. В. Боронникова,
кандидат филологических наук, доцент М. Б. Проскурнина

Рецензенты:

доктор исторических наук Е. Ю. Гуськова,
доктор филологических наук М. И. Никола

Россия и Македония: от прошлого к будущему. К 100-летию журнала «Вардар» (1905). — М.: Институт славяноведения РАН, 2008. — 208 с.

Предлагаемый вниманию читателей труд — подготовленное по итогам конференции «Россия и Македония: от прошлого к будущему. К 100-летию журнала «Вардар» (1905)», прошедшей в Институте славяноведения РАН 13 сентября 2005 г. Это совместное издание Института славяноведения РАН и Македонской академии наук и искусств, включившее статьи как македонских ученых, так и российских славистов и македонистов.

В книге представлен широкий спектр исторических, политических, культурологических, языковедческих и литературоведческих вопросов, важных и актуальных сегодня для плодотворного обсуждения учеными обеих стран.

От редколлегии

Культурное и научное сотрудничество России и Македонии в последние годы заметно расширилось, приобретя новые аспекты и краски. В сентябре 2005 г. прошли подготовленные Федеральным Агентством по культуре и кинематографии (Роскультура) и Министерством культуры Республики Македонии Дни культуры Македонии в России. К этому событию была приурочена и состоявшаяся 13 сентября 2005 г. в Институте славяноведения Российской академии наук македонско-российская научная конференция «Россия и Македония: от прошлого к будущему. К 100-летию выхода в свет первого журнала на македонском языке «Вардар» (1905)». Конференция была проведена совместно Институтом славяноведения РАН и историко-филологическим отделением Македонской академии наук и искусств (МАНИ), что обусловило традиционный для научных мероприятий подобного рода комплексный взгляд исследователей на проблемы исторического, политического, культурного взаимодействия Македонии и России на протяжении многих лет. В работе конференции приняли участие представители македонской науки из МАНИ, Университета имени свв. Кирилла и Мефодия, Института македонского языка имени К. П. Мисиркова, а также сотрудники Института славяноведения РАН, Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Предлагаемый вниманию читателей труд — это не просто публикация материалов конференции. Сборник статей «Россия и Македония: от прошлого к будущему. К 100-летию журнала «Вардар» (1905)» представляет собой впервые подготовленное Институтом славяноведения РАН совместное издание, включившее статьи как македонских ученых, так и российских македонистов. Последний факт особенно радует, поскольку российская македонистика как наука — явление относительно молодое и, увы, еще недостаточно развившееся, поэтому участие в книге молодых российских македонистов не может не внушать оптимизма. Широкий

спектр исторических, политических, культурологических, языковедческих и литературоведческих вопросов, важных и актуальных сегодня для совместного плодотворного обсуждения учеными Македонии и России, позволил редакционной коллегии пригласить для участия в труде не только ученых, выступивших с докладами на конференции, но и исследователей, чьи научные интересы оказались созвучны заявленной в названии книги проблематике (речь идет о македонистах из Пермского государственного университета, Кубанского государственного университета, Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского).

Само разнообразие тем, распредившихся по трем частям книги — «К 100-летию журнала К.П. Мисиркова «Вардар» (1905)», «Россия и Македония: от прошлого к будущему», «Россия и Македония: культурные и научные связи», — не могло не породить и многообразие подчас дискуссионных точек зрения авторов статей на такие сложные проблемы, как «македонский вопрос», кодификация македонского литературного языка, роль России в исторической судьбе Македонии, национальная идентичность македонских славян и пр. Наличие противоречивых мнений по данным и иным вопросам наглядно демонстрирует не только их важность для истории македонского народа, но и сохраняющуюся научную актуальность для македонистики. Редакционная коллегия не сочла необходимым проводить унификацию позиций авторов сборника, чтобы диапазон проблем современной македонистики обозначился во всей полноте и, возможно, подвинул как исследователей, так и широкий круг читателей к их дальнейшему и углубленному осмыслению.

**I. К 100-летию журнала
К. П. Мисиркова «Вардар»
(1905)**

Б. Ристовский,
МАНИ, Скопье

Место и значение журнала «Вардар» К. П. Мисиркова в македонистике и славистике

Ровно сто лет назад македонский славист Крсте П. Мисирков в Одессе подготовил к печати первый и единственный номер первого журнала на современном македонском языке «Вардар». Это событие имеет огромное историческое значение не только для македонской национальной истории и культуры, но и для развития македонско-русских научных и культурных связей, а также для славистики вообще. Данное периодическое издание имело задачу представить мировой славистике стандартизированный македонский язык тогда еще не признанного славянского народа. В связи с этим в 2005 г. в Республике Македонии отмечалось столетие окончательной кодификации современного македонского литературного языка и шестидесятилетие его законодательного принятия Министерством просвещения нового македонского государства (1945 г.).

У македонцев и раньше существовали регулярные издания, выходившие на других языках. Молодой «Македонский литературный кружок» в Софии в 1892 г. пытался издавать журнал «Лоза» в болгарско-македонском варианте с македонской (фонетической) орфографией. Однако кружок сразу был назван сепаратистским и вскоре был ликвидирован властями Стамболова¹. Десятилетием позже «Македонский клуб» в Белграде некоторое время издавал на сербском и французском языках еженедельник «Балкански гласник» (1902), где печатались материалы, в которых македонский язык провозглашался отдельным славянским литературным языком с фонетической орфографией. Но вскоре и этот журнал был запрещен сербскими «патриотами»². В 1903 году в Софии выходили на болгарском и русском языках неофициальная газета «Македонского научно-литературного кружка» под названием «Балканъ»³ и газета «Курьеръ», которые, к сожалению, не нашли в России своих читателей.

С момента основания «Македонского научно-литературного кружка»⁴ Мисирков мечтал о создании независимого македонского периодического издания. Он попытался реализовать эту идею на собственные средства

в Софии в сотрудничестве со Стефаном Й. Дедовым и Ефтимом Спротрановым тогда, когда вышла книга «О македонских проблемах» (1903)⁵. В Софии Мисирков основал «Македонский научно-литературный кружок» и готовился к осуществлению своего замысла, но был подвергнут жестокой критике и издевательствам, из-за чего был вынужден тайно бежать в Россию⁶. После многочисленных перипетий Мисирков получил там место учителя.

Спустя четыре месяца после назначения учителем гимназии в Бердянске, Мисирков попросил перевести его на службу на юге России в Одессу и там (вновь на свои средства) он опубликовал первый неофициальный македонский научно-литературный вестник петербургского кружка. 15 марта 1904 г. Мисирков обратился к вице-директору Первого департамента российского Министерства иностранных дел Д. К. Сементовскому-Курило, с которым был знаком еще со студенческих времен, будучи студентом историко-филологического факультета Петербургского университета, однако особенно сблизился с ним после Илинденского восстания, вернувшись из мятежной Македонии. Мисирков был другом русского консула А. А. Ростковского и свидетелем его убийства в революционной Битоле. В своем письме в МИД Российской империи Мисирков пишет:

«Опубликовав книгу «О македонских проблемах», я приехал в Одессу, где был назначен г-ном попечителем местного Учебного округа учителем женской гимназии в городе Бердянске Таврической губернии. По окончании сего учебного года я намерен уехать в Одессу и там учительствовать, одновременно готовясь к магистерскому экзамену по славянской филологии. Готовясь к этому экзамену, я должен буду ознакомиться с целым рядом вопросов по истории, литературе и лингвистике южных славян. Некоторые выводы, к которым я приду при этом, могут отличаться от существующих, так что могут иметь некоторую научную ценность, а другие, хоть и не отличающиеся оригинальностью, тем не менее также могут быть весьма интересны. Вот почему и те, и другие идеи мне хотелось бы опубликовать на моем родном языке в печатном издании, в котором могли бы появиться и некоторые другие статьи, согласные с духом российской политики относительно македонского вопроса. Средства для издания я буду покрывать сбережениями от моего жалованья учителя...

⁵ Оригинальное название — «За македонските работи». Здесь и в последующих статьях название дается на русском языке (Ред.).

Ходатайство о разрешении мне издавать в Одессе периодический журнал на македонском языке, посвященный изучению Македонии с исторической, географической, лингвистической, историко-литературной и общественно-экономической сторон, я намерен направить на имя Господина Министра внутренних дел через г-на Одесского, то есть в первой половине июня сего года, когда я уже буду в Одессе.

Издание будет преследовать цели, изложенные в вышеупомянутой книге, однако не побуждая население и интеллигенцию к бунтам, к недовольству реформами и т. п. Оно будет, напротив, направлено на то, чтобы отклонить население от целей, или же совсем неосуществимых, или же требующих больших жертв, но дающих мало пользы. Оно подготовит почву для объединения южных славян, напрямую и не говоря об этом.

Как бывший Ваш питомец, глубокоуважаемый Дмитрий Константинович, имею честь покорнейше просить Вас не отказать распорядиться известить меня до начала июня с. г. о том, не встретит ли издание македонского научно-литературного журнала в Одессе препятствий со стороны Министерства иностранных дел?»⁷

После многочисленных зондирований и консультаций было получено первоначальное согласие министерства. 11 октября 1904 г. Мисирков послал министру внутренних дел полную и чрезвычайно сложную программу будущего ежемесячного журнала:

«Желая послужить своей родине Македонии в развитии национального славянского самосознания, имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство разрешить мне издание на центральном наречии македонских славян в г. Одессе подцензурного ежемесячного научно-литературного журнала со следующей программой:

Стихотворения, повести, романы и драматические произведения на темы из местной жизни.

Обнародование памятников древней письменности и устной народной словесности Македонии.

Рассмотрение вопросов об общем македонском литературном языке. Характеристика отдельных македонских наречий. Характеристика языка македонских литературных памятников, как древних, так и новых.

Рассмотрение памятников устной и письменной македонской словесности с точки зрения их содержания и связи с народной жизнью. Литературные школы и направления.

Описание нравов, обычаев, костюмов, народной жизни, полевых и домашних орудий, приемов и способов деятельности, домашнего порядка и воспитания, быта, культурного уровня народа.

Современная жизнь македонцев в культурно-историческом контексте. Всестороннее освещение современной народной жизни с беспристрастным указанием на ее положительные и отрицательные стороны: выделение истинных и мнимых друзей народа, характеристика национальной и религиозной пропаганды, имеющей место в Македонии. Экономические интересы народа. Сельскохозяйственные советы. Духовная жизнь македонцев: церковь, школа и письменность. Национально-религиозное воспитание. Истинный патриотизм и интеллигенция.

Исследования и статьи по древней и новой истории Македонии в связи с историей соседних стран и народов.

Сведения о новейших явлениях в жизни славянских народов.

Журнал будет называться по наименованию главной македонской реки «Вардар»⁸.

В дополнение к программе 31 октября 1904 г. указано, что редактором журнала будет К.П. Мисирков, что в нем будут публиковаться и статьи на русском языке, а цена издания составит 4 рубля или 12 франков в год⁹. Проведя все проверки и собрав «сведения о нравственных качествах и общественном положении г. Мисиркова», 1 марта 1905 г. министерство дало разрешение¹⁰, и редактор начал усиленную подготовку первого номера журнала.

Содержание первого номера журнала, как и план программы, были даны во введении и полностью отразили программу, принятую соответствующими российскими органами власти. Цели и задачи журнала Мисирков выразил в четырех основных пунктах:

«Итак, задачей журнала будет: 1. Определить известные соотношения между ним, его программой, его последователями — македонскими национальными сепаратистами — с одной стороны, и его противниками — всеми балканскими народностями, заинтересованными в македонском вопросе, — с другой. 2. Он должен научными доводами бороться со всеми теми славянофилами и славяноведами, которые, опираясь на историю и филологию, отрицают существование отдельной славянской — македонской — народности; другими словами, «Вардар» должен рассмотреть все научные историко-лингвистические вопросы о народности македон-

цев и подвергнуть их строгой научной критике, опираясь на новые лингвистические материалы и теории. И, наконец, третье и самое главное, «Вардар» не только должен заложить научные основы македонского национального сепаратизма, но и показать наглядно, что наш язык самобытен, не является ни сербским, ни болгарским и способен к литературному развитию. Наряду с достижением этих задач «Вардар» представит своим читателям целый ряд интересных научных и беллетристических материалов и тем самым заложит основы македонской самостоятельной науки и литературы.

Благодаря новым научным материалам «Вардар» попытается представить интерес не только для македонцев или заинтересованных македонскими вопросами с политической точки зрения иностранцев, но и для тех из последних, которым интересна наша родина с чисто научной точки зрения. Статьями на русском языке «Вардар» попытается познакомить широкие русские круги с Македонией и македонским вопросом.

Чтобы поднять научный уровень журнала не только в македонской среде, но и в международных кругах, Мисирков обращается к своим друзьям и коллегам с предложением сотрудничать. Так, например, 26 июня 1905 г. он пишет профессору Я. Бодуэну де Куртенэ:

«С 1 августа с. г. я начинаю издавать в Одессе ежемесячный подцензурный журнал «Вардар», посвященный интересам Македонии и преследующий также и чисто научные цели в области изучения южных славян и Балканского полуострова. По возможности, «Вардар» будет стремиться удовлетворить балканских читателей и тех, кто интересуется македонским вопросом, а также Македонией в этнографическом, лингвистическом, географическом, филологическом и историческом отношении. В каждом номере будет помещаться краткая информация о последних наиболее важных событиях в жизни славянских народов, политической ситуации, жизни и смерти выдающихся деятелей политики, искусства, науки. Эти сведения могли бы быть подготовлены на основании раздела «Хроника» других журналов, издающихся на славянских языках.

Для достижения этих целей покорнейше прошу Вас, глубокоуважаемый Иван Александрович, не отказать присылать мне статьи по общему языкознанию и спорным вопросам из области южнославянского языкознания, а также сведения о значимых событиях в жизни польского на-

рода. Сведения о западных славянах будут для меня особенно ценными, так как у нас на юге имеются весьма неясные, чтобы не сказать не имеющие никаких представлений о том, что происходит на славянском западе. За сведениями о литовцах я обращусь к Э. А. Польшеру.

Хотел бы верить, что моя просьба будет уважена и что до 15—20 июля я получу от Вас хоть какой-либо материал для первой книжки «Вардара», имеющей выйти 1 августа с. г.»¹¹.

Однако первый номер журнала был подготовлен почти целиком самим Мисирковым. Слишком мало было времени, чтобы ожидать быстрой реакции Бодуэна де Куртенэ, Лаврова, Будиловичча, членов «Македонского научно-литературного кружка» в Санкт-Петербурге. Единственным подписавшимся сотрудником первого номера журнала был член кружка Филипп Николов(ский)¹², который в то время был переведен в Одесский университет.

Но вскоре положение усложняется. Еще 2 ноября 1904 г. Мисирков пишет вице-директору Первого департамента Российского МИД Семеновскому-Курило, что проинформирован о том, что его «лишь через несколько лет службы переведут в Одессу в частное учебное заведение на небольшое количество часов и только потом дадут в каком-либо учебном заведении достаточное число уроков. Для меня эта постепенность чрезвычайно неудобна ввиду того, что я сразу после перевода сюда должен располагать достаточным числом уроков, не менее 20, в мужской школе, чтобы иметь средства, необходимые не только для существования, но и для издания журнала «Вардар». Я прекрасно знаю, что подписчиков на этот журнал ни в России, ни за границей почти вовсе не будет и что, следовательно, он сможет существовать лишь при готовых средствах для его издания. Я понимаю также, что «Вардар» сможет играть какую-либо роль лишь в том случае, если его существование будет обеспечено по крайней мере на несколько лет вперед, причем ему удастся подробно познакомить славянский мир с интересами македонских и южных славян. При этом я знаю, что в Болгарию, Сербию и, по всей вероятности, в Турцию доступ журналу будет закрыт, по крайней мере для македонцев, связавших свои интересы с интересами балканских народов. Журнал может встретить сильнейшее противодействие со стороны македонской интеллигенции, неспособной трезво оценивать интересы своего народа. Кроме того, я не могу не понимать, что не только издателем и редактором, но и главным

сотрудником и корректором должен быть я сам, не возлагая особенно много надежд на других, по крайней мере в первый год существования журнала»¹³.

Имея в виду важность и сложность задачи, которую Мисирков добровольно взял на себя, он надеется на «необходимую поддержку в тех российских учреждениях, которые заинтересованы в улучшении жизни южных славян», и на то, что министерство поспособствует предоставлению ему «места преподавателя истории и географии в одной из Одесских мужских гимназий»¹⁴.

Мисирков был переведен в Бердянск. 9 июня 1905 г. он прибыл в Одессу, но не получил обещанного места в государственной гимназии. Ему были даны лишь дополнительные уроки в двух, а позднее и в трех частных женских гимназиях, а его заработная плата была уменьшена в три раза: вместо 1800 рублей он стал получать 600 рублей.

Выход первого номера «Вардара» Мисирков планировал на 1 августа, а второго — на 1 сентября. Невзирая на очень сложные обстоятельства, он все же подготовил к изданию первый номер и передал его в цензуру. Но вопрос о финансировании остался открытым. Поэтому 6 сентября 1905 г. разочарованный Мисирков пишет обстоятельное письмо Семеновскому-Курило, прилагая к своему посланию корректуру первого номера «Вардара», подчеркивая, что этот номер может оказаться последним: «О продолжении издания “Вардара” я не могу и думать, потому что мои намерения служить интересам моей Родины и славянству довели меня до критического положения, из которого я сам не знаю, как выйти». В конце своего длинного письма Мисирков заключает: «Об осуществлении задач “Вардара” я могу сообщить Вам следующее: 1. “Вардар” должен выходить два или три года подряд; 2. издание “Вардара” должно быть обеспечено заранее на указанный срок; 3. “Вардар” должен иметь научное значение и изменить или поколебать существующие мнения о македонцах как среди ученых, так и среди самих македонцев и широких кругов русского и западно-европейского общества; 4. редактор “Вардара” должен иметь научную репутацию среди славистов, местного общества и балканских славян; 5. решение задач, поставленных перед “Вардаром”, было бы облегчено, существуй в Одессе македонский научно-литературный кружок.

При содействии Министерства иностранных дел я думаю реализовать главные цели “Вардара”. Я пользовался репутацией серьезного студента у профессоров Санкт-Петербургского и Новороссийского университетов. Подготовкой к магистерскому экзамену по славянской филологии, который даст мне право на приват-доцентуру в университете, надеюсь поддержать хорошее мнение обо мне, что может усилить научное и политическое значение “Вардара”. Преподавание в мужской гимназии не только обеспечило бы мое существование, но и поддержало бы выход журнала. Вместе с тем это могло бы сыграть свою роль и в укреплении моей репутации в глазах балканских славян как показатель солидности моего положения в России. Это очень важно и для моего экзамена и публикации моей магистерской диссертации. Далее, работа в мужской гимназии могла бы создать мне репутацию хорошего преподавателя, что увеличило бы значение “Вардара” в глазах местного общества и печати. Моя квартира могла бы стать местом собраний македонского кружка, прямое или косвенное руководство которым я хотел бы взять на себя»¹⁵.

Однако ситуация в Одессе все больше усложнялась. В городе уже существовал тайный македонско-одринский кружок, находящийся под влиянием Софии¹⁶, а в самой Болгарии создалась нервная атмосфера неприятия Мисиркова и его македонского журнала. Разгорался и сербско-болгарский спор вокруг идеологии Мисиркова («мисирковщины»). Спор был связан и с готовящимся к печати журналом, а также со стремлением председателя петербургского кружка Димитрия Чуповского организовать в Македонии школы на македонском языке¹⁷. Кроме того, на улицы Одессы хлынули волны русской революции, от которой могла пострадать и молодая семья Мисиркова. Обострились и отношения Мисиркова с попечителем Одесского учебного округа, так как Мисирков, возможно, нервно и грубо отреагировал на затянувшуюся, несмотря на обещания министерства, ситуацию с решением вопроса о его статусе преподавателя и позволил себе предъявить жалобу на попечителя Одесского учебного округа в Министерство иностранных дел и Министерство народного просвещения.

Мисирков вновь энергично потребовал своего назначения на вакансию учителя в государственной мужской гимназии в Одессе, и 24 сентября в Министерстве иностранных дел были предприняты усилия для решения этой проблемы¹⁸. Но 28 октября 1905 г. Одесский учебный округ

дал весьма неблагоприятные отзывы о личности К. П. Мисиркова и его преподавательской деятельности. Именно эта характеристика и решила судьбу «Вардара». Окружной одесский инспектор Иван Соловьев в своем письме проинформировал Департамент просвещения в Санкт-Петербурге:

«Что касается вопроса о предоставлении Мисиркову, согласно его просьбе, должности преподавателя в одном из мужских среднеучебных заведений г. Одессы с большим количеством уроков, то считаю необходимым донести, что господа начальствующие среднеучебных заведений, коим по закону предоставлено право выбора способных учителей во введенные им учебные заведения (т. XI ч. 1 ст. 1507 и 1728), не признали возможным предложить Мисиркову должности преподавателя истории 1) вследствие отсутствия вакансий, 2) ввиду отсутствия положительных сведений о педагогических способностях Мисиркова, которые оправдывали бы назначение его на должность преподавателя в упомянутые учебные заведения и 3) ввиду неудобства поручить преподавание истории, в особенности отделов ее по русской истории, ему как лицу нерусского происхождения, турецкоподданому¹⁹ македонцу».

«Вместе с сим, — продолжает инспектор, — имею честь присовокупить Департаменту, что в Управлении округа имеются сведения о личности Мисиркова как педагога и человека отрицательного свойства. Так, по сообщению начальства Бердянской гимназии, преподаватель Мисирков русским языком владеет плохо, делает неправильные ударения в словах, ведет преподавание истории без знания элементарных сведений по дидактике и методическим приемам, по характеру своему он человек нервный, крайне подозрительный, хитрый, с большим самомнением; вследствие проявления Мисирковым упомянутых черт характера в педагогическом коллективе гимназии возникали нежелательные недоразумения»²⁰.

Это письмо вводит в заблуждение многие надлежашие государственные учреждения. После длительных консультаций лишь 25 ноября 1905 г. министр народного просвещения граф И. Толстой оповестил Министерство иностранных дел, «что ввиду сообщенных в том донесении сведений о г. Мисиркове, я не нахожу со своей стороны возможным настаивать на удовлетворении изложенного ходатайства»²¹. С этого времени на протяжении всего дальнейшего пребывания Мисиркова в России распространялись только отрицательные сведения о нем.

В Одессе разгорелась пламя революции, из-за чего были закрыты школы, и, подавленный нищетой, Мисирков был вынужден уехать из Одессы вместе с супругой и временно, до января 1906 г., искать приют у ее родителей в Луге. Таким образом, первый неоплаченный номер «Вардара» остался в одесской типографии А. Шульце. Неизвестно, каким тиражом он вышел из печати, но сам Мисирков позднее свидетельствовал о том, что некоторые македонцы говорили ему, что читали его журнал²².

Сейчас можно с уверенностью утверждать, что в 1934 г. молодой советский славист С.Б. Бернштейн первым обнаружил в одесском архиве неполную корректуру первого номера журнала «Вардар»²³. Это открытие оказывает сильное влияние на него как автора статьи о македонском языке в первой Большой советской энциклопедии (1938)²⁴ и на формирование мнения Бернштейна по этому вопросу. В решающий момент его позиция²⁵ оказывается существенной и в дискуссиях, посвященных вопросу кодификации современного македонского литературного языка и орфографии (1944²⁶ и 1945²⁷).

Первое полное фототипное издание журнала «Вардар» вышло в 1966 г. в Институте македонского языка им. К. П. Мисиркова в Скопье²⁸ опять же благодаря помощи русских славистов — Марианны Бершадской из Ленинградского университета и Юлии Беляевой из московского Института славяноведения и балканистики.

Таким образом, спустя шесть десятилетий после выхода из печати «Вардара» македонская и международная научная общественность имела возможность ознакомиться не только с содержанием первого научно-литературного журнала, подготовленного к печати на современном македонском литературном языке, но и с внесшей огромный вклад в развитие македонистики и славистики вообще точкой зрения Мисиркова на национальную жизнь в значимый для русско-македонских культурных связей исторический период.

Примечания

¹ Ристовски Б. Македонски летопис. Раскопки на литературни и национални теми. I. Скопје, 1993. С. 42—122; *Стаматоски Т.* Во одбрана на македонскиот литературен јазик. Скопје, 2001. С. 44—61.

² *Ристовски Б.* Македонскиот клуб во Белград и весник «Балкански гласник» Свечен собир по повод стогодината од излегувањето на весникот «Балкански гласник» одржан на 11 јули 2002. Скопје, МАНУ, 2002., С. 5—31; *Ристовски Б.* Македонски летопис. I. С. 237—255.

³ *Ристовски Б.* Македонски летопис. I. 255—279.

⁴ *Ристовски Б.* Димитрија Чуповски (1878—1940) и Македонското научно-литературно другарство во Петроград. Прилози кон проучувањето на македонските врски и развитокот на македонска национална мисла. I-II. Скопје, Култура. 1978.

⁵ Български исторически архив. София. Ф. 324 (Е. Спространов). Арх. ед. 1 (I Дневник). Л. 180.

⁶ *Ристовски Б.* Димитрија Чуповски. I. С. 258—263; *Свещ. Юр. Ангелов.* Споменни околу издаването на книгата «Што сме напраиле и што треба да прайме» од К. Мисирков на македонски език. «Македонско знаме». 61, София. 1946. 9.IX. 2.

⁷ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ), Ф. Славянский стол. Д. 5227. ЛЛ. 17—18.

⁸ Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург) Ф. 779. Оп. 14. Ед. хр. 185. ЛЛ. 1—2.

⁹ Там же. Л. 9.

¹⁰ Краевой Одесский исторический архив. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 401. Л. 1: Свидетельство 2097. Марта 1 дня 1905 года.

¹¹ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 102. Оп. 2. 211. Л. 4.

¹² «Вардар». I, 1. 1905., 1 Септемвриа. 30.

¹³ АВПРИ. Ф. Славянский стол. Д. 5227. Л. 17 с об.

¹⁴ Там же. Л. 17 об.

¹⁵ Там же. ЛЛ. 30—31 об.

¹⁶ *Ристовски Б.* Крсте П. Мисирков (1874—1926). Прилог кон проучувањето на развитокот на македонската национална мисла. Скопје. Култура. 1966. С. 345.

¹⁷ Там же. С. 383—429; *Ристовски Б.* Димитрија Чуповски (1878—1940). I. С. 311—323.

¹⁸ АВПРИ. Ф. Славянский стол. 1903—12. Д. 5227. Л. 63.

¹⁹ Мисирков принял русское подданство уже 29 декабря 1904 г.

²⁰ АВПРИ. Ф. Славянский стол. 1903—12. Д. 5227. Л. 65 с об.

²¹ Там же. Л. 64. На полях приписка: «Да! Странно! Кто рекомендовал Мисиркова?»

²² *Мисирков Крсте П.* Одбрани страници // Приредил Б.Ристовски. Скопје. Мисла. 1991. С. 474—475.

²³ *Бернштейн С. Б.* Из истории македонского литературного языка. «Вардар» К. П. Мисиркова // Славянская филология. Сб. статей. Вып. третий. Под редакцией проф. С. Б. Бернштейна. М., 1960. С. 70—71.

²⁴ Большая советская энциклопедия, XXXVII. М. 1938. С. 743—744.

²⁵ *Ристески С.* Создавањето на современиот македонски литературен јазик. Скопје. Студенски збор. 1988. С. 222—225.

²⁶ Там же. С. 228—338.

²⁷ Там же. С. 339—451.

²⁸ *Ристовски Б.* «Вардар» научно-литературно и општествено-политичко списание на К. П. Мисирков. Кн. 4. Скопје. ИМЈ. Посебни изданија. 1966.

Г. Тодоровский,
МАНИ, Скопье

Крсте Мисирков о славянских соседях Македонии

Отмечая столетие журнала К. Мисиркова «Вардар» (Одесса, 1905 г.), мы хотим обратить особое внимание на его очерк «Формирование и восприятие болгарской и сербской теории о народности македонцев», тем более что перед нами текст, в котором Мисирков высказывает свои основные идеи о нашей самобытности. Даже если речь идет о незаконченном произведении и о положениях, в сущности, представляющих собой дополнение к основным идеям, уже высказанным в книге «О македонских проблемах» (София, 1903 г.), мы полагаем, что данный очерк очень важен для более целостного понимания программных идей Мисиркова. Наша попытка дать трактовку названного весьма значимого текста может быть воспринята как скромный вклад в освещение значения журнала «Вардар» и основных взглядов отца македонской нации.

В течение более чем двух десятилетий Крсте Петков Мисирков целенаправленно и систематически формировал свою македонскую теорию. В первом номере «Вардара» в сентябре 1905 г. он специально сосредоточился на проблеме отношения Сербии и Болгарии к македонскому вопросу, поскольку именно сербы и болгары изначально имели к нему самое непосредственное отношение. Это было время, когда два балканских государства организовано и, как нам кажется, очень агрессивно настаивали на уничтожении македонской идеологии еще в зародыше, используя все возможные тогда средства: финансы, вооруженные вторжения, пропаганду, школы, церкви и даже подкуп македонской интеллигенции. В этот период Македония все еще находилась в рамках Османской империи, а до роковых балканских войн оставалось семь-восемь лет.

Два славянских государства на Балканах — Сербия и Болгария — являлись не только идейно первыми и самыми сильными противниками македонизма и государственной независимости Македонии, но и основными носителями систематического отрицания идеи самобытной ма-

македонской нации. Открыто и агрессивно они мобилизовали все силы, чтобы сделать невозможными любые попытки Македонии начать самостоятельную жизнь. До трагического разделения Македонии в 1913 г. и верификации этого разделения в 1919 г. оставалось мало времени. Македонская политическая и экономическая эмиграция была слишком слабой и беспомощной, чтобы стать весомым фактором защиты своей Отчизны. К сожалению, пророчеств Крсте Мисиркова, этого македонского мечтателя, оказалось явно недостаточно, чтобы активизировать македонскую общественность. Причем жители Македонии не имели возможности и почвы для формирования устойчивого общественного мнения, поскольку все значимые события происходили вдалеке от македонских границ. Люди в Скопье, Битоле, Охриде, Водене, Солуне, Банско не обладали полной информацией обо всех решающих событиях, происходивших преимущественно в Сербии и Болгарии. Мисирков же, будучи всесторонне информированным, осознавал, что первые проявления македонского сопротивления должны быть направлены на устранение сильнейшего влияния в этом вопросе двух славянских соседей. Именно поэтому он всего лишь по истечении двух лет после появления его знаменитой книги «О македонских проблемах» продолжил снова и снова разъяснять свою главную идею, связанную с энергичным сопротивлением ассимиляторскому влиянию славянских соседей.

Как приверженец идей эволюционизма и реформизма и девизу «С книгой — к свободе», Мисирков выступил против той точки зрения, что свобода достигается быстрее с оружием в руках, и за эмансипацию македонцев через процессы культурного развития. Этот тезис Мисиркова имел и своих приверженцев, и противников. Значительная часть македонцев уже стали революционерами. Гёрге Петров, Димо Хаджи Димов и Петар Поп Арсов не разделяли взгляды Мисиркова о необходимости реформ и не восторгались его пророчествами. В связи с этим лидеры антитурецкого блока сопротивления в Македонии не нашли общего языка до Балканских войн (1912-1913 гг.), тем самым ускорив раздел Македонии и разразившуюся вскоре после этого трагедию.

Все эти тяжелые обстоятельства, названные народом «черным временем», Мисирков ощутил еще раньше, поскольку был способен, вероятно, к более широкому и системному мышлению, чем его современники. Однако, к несчастью, это не повлияло благоприятно на его трагическую

судьбу. В дискуссии, о которой мы ведем речь, Мисирков остановился на болгарском национализме в отношении Македонии и сделал важные выводы, обладающие всеобъемлющим характером. Он сформулировал основные понятия, которыми будут пользоваться следующие поколения македонцев. Выступая в роли македонского пророка, Мисирков ощутил себя подготовленным к такой исторической миссии именно в России, где македонской проблемой занимались ученые весьма высокого ранга (Никодим Кондаков, Павел Милюков, Петр Лавров, Александр Пыпин, Владимир Ламанский, Николай Дурново, Бодуэн де Куртенэ и др.). Кроме того, такие ученые, как Петр Драганов, Владимир Качановский и Иван Ястребов, обращались в своих исследованиях к проблемам македонской этнической самобытности.

Мисирков размышлял о движении македонской истории, которое было направлено на то, что его великий предшественник Григор Прличев (1830—1893) обозначил в качестве национальных приоритетов: самопознание, самоуважение и самозащита. Мисирков был убежден в том, что эти приоритеты должен осознать каждый македонец. Он осознавал близость македонцев и болгар и говорил, что «пробудившиеся болгары и македонцы как на территории Османской империи, так и вне ее преследовали единые цели: стремились к духовному возрождению народа, страстно желали сбросить политическое турецкое и духовное греческое ярмо». Существование общих противников сближало в сопротивлении болгар и македонцев и объясняло их стремление к объединенной жизни. Но все-таки, по мнению Мисиркова, после Берлинской коррекции Сан-Стефанского договора 1878 г. начался процесс, связанный с осознанием этими народами национальных различий, и отделение македонцев от болгарско-македонской этнической целостности постепенно стало становиться реальностью.

Специальное внимание Мисирков уделил и реформам Вука Караджича, которые, по его мнению, имели особенное значение для македонского вопроса, причем он напомнил, что сербский реформатор считал македонцев болгарскими (имеются в виду его высказывания в «Дополнениях к Санкт-Петербургским словарям», 1822). Автор македонского национального «евангелия» — книги «О македонских проблемах» — настойчиво призывал обратить внимание на одно точное указание Караджича на то, что долговременное болгарское культурное влияние в Македонии

является причиной того, что в европейских землях полагают, будто македонцы и болгары — это один народ. Поэтому Мисирков предлагает славяноведению как науке обратить особое внимание на следующие обстоятельства: «панславизм в большей степени именно морально поддерживал стремления поработенных славян сбросить духовное и политическое ярмо, сблизиться и объединиться». Это процессы интеграции. Проявление македонского сепаратизма как запоздавшего феномена совершенно не вписывалось в них. Именно это, конечно, и было одной из причин того, что македонская этническая и языковая самобытность встречали активное сопротивление.

Крсте Мисирков, будучи высокообразованным человеком и всесторонне ознакомленным с проблематикой, которой он занимался, изложил в русской среде свои идеи о Македонии и ее историческом пути. Этот факт сам по себе свидетельствует о глубокой серьезности его инициативы.

Г. Старделов,
МАНИ, Скопье

Великий странник

Подготовка к печати первого номера журнала «Вардар» в 1905 г. на македонском литературном языке последовала спустя два года после выхода знаменитой книги Крсте Мисиркова «О македонских проблемах» в 1903 г. Не было случайным и то, что журнал Мисиркова появился именно в России. Здесь родилась поистине сходная с прометеевым подвигом книга, утвердившая радикально новую философию македонского исторического пути к свободе, стратегию и национальную программу, которую сам Мисирков назвал *новым македонским видением*. Однако то, о чем говорил Мисирков, было несовместимо с общим революционным духом времени в России. После разгрома восстания в Крушево в 1903 г. Мисирков утверждал, что если Македония останется неразделенной (такой, какой она входила в Османскую империю), то она должна будет отказаться от революционных преобразований, пойти по пути эволюции и отнестись с полным доверием к реформам, предложенным Россией и Австро-Венгрией. Следовательно, вместо вооруженной борьбы Мисирков предлагал немедленно приступить к проведению обещанных реформ. Его позиция совершенно ясна: время революций в деле освобождения Македонии прошло и теперь на повестке дня стоит творческая эволюция, духовное и культурное возрождение народа и всей страны. А это означало, что необходимо немедленно приступить к новой просветительской миссии, к возобновлению того просветительского начала, которое было сформулировано св. Климентом: *«Через просвещение — к спасению»*. Конкретно речь шла о внедрении македонского языка в качестве главного предмета во все турецкие и иные школы в Македонии, учреждении македонской автокефальной церкви в лице возрожденной Охридской архиепископии. Это был единственный способ укрепления национального и религиозного единства македонского народа, что, кстати, не всегда осознается даже сегодня. Такой подход мог бы, по мнению Мисиркова, погасить враждеб-

ную национальную и религиозную пропаганду и способствовать конкретному обозначению сугубо македонских интересов в сопоставлении с интересами других балканских государств. Сегодня, подчеркнем, налицо новая попытка разрушения национального единства македонского православного народа, поэтому сейчас, как никогда, Македонии нужна опора, поддержка и духовная солидарность с ней других народов. Для проведения в жизнь этой новой стратегии, обозначенной Мисирковым, необходимо было, утверждал он, установить свободную македонскую печать, убедить всех воевод из Комитета в том, что Македонии больше, чем другим балканским странам, необходимо своеобразное «культурное восстание», которое могло бы положить начало культурной борьбе, ведущейся при помощи книг, причем эта борьба по сути своей является гораздо более тяжелой, чем борьба с оружием в руках. В связи с этим Мисирков требовал прекращения революционной борьбы, которая, по его мнению, никогда не приносит добра, разрушает, а не созидает. Поэтому реформы должны привести к тому, чтобы все материальные и духовные силы народа были направлены на македонское национальное возрождение. Ибо только подъем культуры сможет спасти Македонию от грозившего ей раздела. Он требовал, чтобы наука и культура стали определяющим фактором в развитии нового самосознания народа. Мисирков говорит о том, что свобода Македонии может быть воздвигнута именно на поприще культуры. Таким образом, Мисирков обозначил путь, по которому в начале XX в. Македония вошла в новую эпоху, когда на передний план выдвинулась не революционная, а культурная деятельность, ибо только культура может открыть глаза македонскому народу на самого себя и помочь понять, что политическая борьба сама по себе беспредметна, если каждый народ (как и каждый человек) не способен осознать свои собственные корни. Именно тогда, в самом начале века, это особенно тревожило Мисиркова, ибо завтра, считал он, будет поздно, чтобы начать активную духовную деятельность: основывать журналы и македонские научно-литературные кружки, которые будут постулировать мощное культурное и духовное македонское возрождение. Именно тогда, полагал он, станут очевидны фабрикуемые различными балканскими общественно-политическими институтами исторические недоразумения, связанные с македонским вопросом.

Однако в этот драматический час Мисирков не был услышан. Его знаменитую книгу сожгли, чтобы она не оставила никаких следов. И сам он оказался один на македонском историческом и культурном поприще уверенный, что против его журнала выступают не только болгары, сербы или греки, но даже и сами македонцы. Этот столь пронизательный ум был «брошен» с македонского корабля, который на долгие годы остался без своего интеллектуального кормчего в опаснейшем историческом плавании по бушующему балканскому морю. К сожалению, снова стало очевидным, что люди, подобные Мисиркову, и их идеи никогда не бывают поняты своим временем сразу. Мисирков остался не только непонятым, но и был даже жестоко гоним, в то время как его книги сжигались, чтобы позднее превратиться в исторический факел, освещающий национальную, социальную и духовную жизнь народа. Изгнанный из всех балканских столиц, где ему было уготовано едва ли не линчевание, Мисирков, этот великий и трагический македонский путник, мученик, этот македонский *Angelus novus*, проклятый и своими и чужими, нашел свое место только в России. Эта страна предложила ему спокойное прибежище, где он, македонец, смог искать ответ на пресловутый русский вопрос: «Что делать?» Оставаясь в России и с нею, с величием ее государственности, как он напишет в журнале «Вардар» по поводу Портсмутского договора от 23 августа 1905 г., Мисирков утверждал, что с Россией и с русским народом должно остаться всё славянство, ибо достоинство России есть достоинство всего славянства. И хотя судьба Мисиркова в России сложилась не в пример удачнее, чем у Константина Миладинова (1830—1862), который так и не смог найти здесь издателя для своего Сборника (возможно, кстати, потому, что тот был написан греческим алфавитом), всё же это ничуть не умаляет заслуги России в духовном пробуждении македонского народа. Более того! Специально нужно подчеркнуть тот факт, что после агрессивного панэллинизма, по существу, македонское национальное возрождение во многом сформировалось именно при участии России. Так, например, без поистине коперниковского подвига Виктора Григоровича, после его исторической поездки в Македонию в 1845 г., македонское возрождение могло и не состояться, т. е. могло не быть македонским. Именно в этом я вижу бесценный вклад России в возрождение Македонии и македонской культуры. Кроме того, в России Ми-

сирков и сформулировал новую стратегию духовного развития Македонии и начал её осуществлять на практике через журнал «Вардар». Первым шагом этой конкретной деятельности явилась подготовка к печати в Одессе журнала на македонском языке. Этот журнал имел нечто общее с идеей Ленина в связи с печатанием «Искры». И «Вардар» был задуман как искра, которая должна была осветить и рассеять густую, как смола, македонскую духовную ночь.

В журнале Мисиркова планировалась публикация не только статей по македонской историографии, языкознанию и фольклору, но и художественной литературы. В связи с этим оказался интересным и даже интригующим вопрос: почему в первом и, как известно, единственном номере «Вардара» Мисирков поместил, к тому же на первом плане, свой перевод известного стихотворения хорватского поэта Петра Прерадовича (1818—1872) «Странник»?

Почему он выбрал именно это стихотворение?

Разумеется, причины можно искать в желании Мисиркова подтвердить творческую силу македонского литературного языка, воплощающуюся в переводе ярких поэтических произведений, или же в общности трагической судьбы славянских народов и т. п. Однако всё это вряд ли можно принять в качестве решающей причины. Возможно, в данном стихотворении Мисирков видел не только собственную трагическую судьбу вечного путника и страдальца. Эти образы имеют зловещее значение для македонцев, в них словно бы сосредоточен рок, вечно преследующий их. Страдания, воссозданные в стихотворении Прерадовича, можно с уверенностью воспринимать как страдания самого Мисиркова, человека, который почти всю свою жизнь провёл на чужбине, но не переставал вопрошать, если воспользоваться строкой из этого стихотворения: «Где родина твоя?» Перевод стихотворения Прерадовича, сделанный нами, как образно заметил современный драматург Йордан Плевнеш, «Моцартом в лингвистике», можно по-настоящему понять и прочувствовать лишь на фоне житейской судьбы Мисиркова, как личное вживание в эти стихи, как способ самоидентификации, как глубокую и интимную исповедь самого Мисиркова. Значит, выбор для перевода именно этого стихотворения, возможно, был мотивирован в первую очередь тем фактом, что в «страннике» Прерадовича Мисирков мог увидеть себя самого,

несущего на плечах крест трагической судьбы Македонии. Стихотворение является исповедью Мисиркова. Это практически его собственное произведение, стихотворение о самом себе. Например, когда автор спрашивает своего героя: «Боже, милый, куда я зашёл, ночь застала меня на чужбине, да дороги не вижу, не вижу следа, чувствую, будто иду по пустыне», возможно, этот же вопрос задает и сам Мисирков. Ночь уподобляется тёмной македонской ночи (мраку во мраке — тьме тьмушей), а туманы, стелющиеся вокруг и закрывающие небо, луну и звёзды, видятся Мисиркову отнюдь не метеорологическим, а македонским национальным феноменом: ты чувствуешь себя чужаком даже на Родине. Думается, здесь есть нечто близкое к той боли, о которой говорил Константин Миладинов в своем прекрасном стихотворении «Тоска по югу». Это какая-то бездонная меланхолия и тоска по милой родине, к которой в конце дороги тянутся и спешат все мысли путника. И во сне, проливая слёзы, он видит, как возвращается в родные края, пусть и на смертной повозке. Родина снова примет своё чадо, чтобы навеки остаться с ним и украсить его могилу своими цветами. Эта боль Мисиркова, его печаль воплощены в стихотворении Прерадовича, так что, переводя его, он рассказывает о личной судьбе и о печали всего македонского народа.

К. П. Мисирков, будучи вдохновителем и единственным автором журнала «Вардар», глубоко по-македонски переживает историю, соотнося ее с исторической герменевтикой немецкого философа и историка культуры Вильгельма Дильтея (1833—1911), согласно которому историю нельзя написать правдивой, если её глубоко и по-настоящему не пережить, поскольку именно в переживании познающему открывается живая реальность. Вот именно так поступает Мисирков, как поэт утверждавший исторически новую македонскую ментальность и совершенно по-особому подходивший к так называемым «македонским делам».

Журнал «Вардар» по существу есть утверждение нового мышления в Македонии. Именно с этим и связан интерес Мисиркова к стихотворению Прерадовича. Его стихи Мисирков принимает как свои, но и как стихи о Македонии, над которой десятилетиями и столетиями нависает балканская ночь так, что и он сам, как путник Прерадовича, не знает, куда он зашёл, покуда вокруг лежит мгла, не видно ни луны, ни звёздного следа.

Отторгая ригидную идею насилия, Мисирков твердо верил в идеалы духа и культуры, в искусство как в спасение. Именно они были для него единственными путями, ведущими к более гуманным формам жизни, к тому, что в его время можно было назвать македонским гуманизмом на Балканах, опирающимся на чистое бытие Духа. Он идеалистически верил в воздействие культуры, тосковал в неугасаемой тоске по всему тому македонскому, потерянному и покрытому забвением, по тому, что не отделяет историю от морали, культуру — от духовности, истину — от судьбы.

Появление статьи «О македонских проблемах» и журнала «Вардар» подтвердило римскую мудрость: «У книг — собственная судьба». И эта судьба всегда подобна судьбе их создателей.

Р. Усикова

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

Типология литературного языка К. П. Мисиркова по материалам журнала «Вардар» (к столетию издания)

Известно, что македонский литературный язык — самый молодой из литературных славянских языков, так как был кодифицирован лишь в 1945 г. С тех пор этот язык развивается очень интенсивно и на данном этапе по уровню развития не отличается от других современных славянских литературных языков, имеющих более длинную историю.

Однако первая научная кодификация современного македонского литературного языка была проведена в самом начале XX в. К. П. Мисирковым: на этом языке была издана книга Мисиркова «О македонских проблемах» (София, 1903)¹ и затем подготовлен к печати общественно-политический и литературный журнал «Вардар» (Одесса, 1905)². Тираж книги «О македонских проблемах» сразу же был уничтожен болгарскими властями, и о книге Мисиркова узнали только через несколько десятилетий, а журнал «Вардар» не вышел в свет, в частности, по причине отсутствия денег у автора и тревожного периода русской революции 1905 г.

Фактически литературный македонский язык, кодифицированный в 1903 г. К. П. Мисирковым, является письменным культурным идиолектом³, потому что не известны тексты других авторов на этом языке. Но последующие поколения македонцев, узнавшие о вкладе К. П. Мисиркова в историю македонской культуры, высоко оценили идиолект Мисиркова и учли его опыт при кодификации македонского литературного языка в 1945 г.

В задачу настоящей статьи входит сопоставление типологических особенностей и их реализаций в культурном идиолекте К. П. Мисиркова, главным образом в журнале «Вардар», язык которого несколько отличается от языка книги «О македонских проблемах» 1903 г., и в современном македонском литературном языке.

К проблеме кодификации и создания литературного языка македонской нации К. П. Мисирков подошел не просто как большой патриот, но и как подготовленный русской научной филологической школой вы-

сокий профессионал. Тем не менее К. П. Мисирков не принял типологического принципа опоры литературного языка на письменную традицию и на церковнославянский язык, как это принято в русском, в болгарском и некоторых других современных славянских языках. К. П. Мисирков считал, что македонский литературный язык должен опираться исключительно на живой народно-разговорный язык, на наиболее характерную и специфическую диалектную базу, понятную всем носителям македонского языка и одинаково удаленную от болгарского и от сербского языков. Мисирков выбрал: а) «прилепско-битольско-охридское наречие», т. е. центральные западные македонские говоры, в качестве диалектной базы литературного языка; б) фонетический принцип орфографии (графика Мисиркова несколько отлична от современной македонской графики и различается в журнале «Вардар» и в книге 1903 г.) и в) принцип отбора лексики из всех македонских диалектов. Следует отметить, что такой же в принципе подход и та же диалектная база были приняты кодификаторами македонского литературного языка в 1945 г. Различия между литературным македонским языком (идиолектом), созданным К. П. Мисирковым, и современным македонским литературным языком относятся к конкретной реализации в этих литературных языках указанных принципов.

Графически журнал «Вардар» несколько отличается от графики в книге «О македонских проблемах», но мне кажется, что это связано прежде всего с техническими возможностями типографии, где набирали текст журнала (нет, например, букв *s* и *ц*, вместо *j* употребляется *i* и т. д.). К сожалению, в тексте журнала (а это была верстка), довольно много и «глазных» опечаток.

Сложнее решить вопрос о появлении буквы *а* в словах *саштествуваингето*, *кај*, *ракописи*, *мачнотии*, *орадијата* и т. п.: по всей видимости, эта буква означает гласную фонему среднего ряда среднего подъема, свойственную многим македонским говорам и исторически восходящую к праславянскому носовому гласному заднего ряда, но в большинстве центральных западных македонских говоров давшего гласный *а*; в книге «О македонских проблемах» так и было, что более соответствует особенностям говоров, выбранных К. Мисирковым в качестве базы литературного языка, и современному литературному македонскому языку.

Фонетические, морфологические, синтаксические и лексические особенности литературного языка К. П. Мисиркова изучены хорошо, в частности о журнале «Вардар» еще в 1966 г. была написана обстоятельная монография Блаже Ристовского (см. библиографию в конце статьи). Сейчас при чтении журнала мне бросились в глаза слова с мягким согласным л': **мисл'а, цел', сил'но, л'ути, дејател'носта**, а также написание *і* перед начальным *е* (**іеlement, іедна** и т. п.), что не свойственно македонским говорам и современному литературному македонскому языку. Следует указать и на диалектные формы типа **стредини, стрете**, а также **щчета, зашчо, свеопшч** и на слова с сочетанием **ін'** — **пустин'а, умореин'от** вместо совр. лит. **пустина, уморениот**. При чтении текстов Мисиркова особенно заметна вариативность в конкретных решениях, например, русизм **во сравнение** и калька **во сравнеи'е** (сов. лит. **во споредба**), неустановленность некоторых типов спряжений и т. п. Ряд конкретных решений кодификации, предложенных К. П. Мисирковым в журнале «Вардар» (напр. флексия **-іет** в 3 л. мн. ч. наст. вр.), отличается и от книги 1903 г. и от кодификации норм в современном македонском литературном языке.

Общая и подробная характеристика диалектной базы идиолекта К. П. Мисиркова дана Б. Видоеским [Видоески 1976], который указывал на некоторые неточности у Мисиркова в определении территории центральных западных македонских говоров, о предпочтении им именно битольского говора, о спорадическом включении в идиолект некоторых диалектных особенностей родных для Мисиркова нижневардарских говоров. Типологически идиолект Мисиркова, опирающийся на центральные говоры, отличается открытостью к другим диалектным группам македонского языка.

Вариативность языка (идиолекта) Мисиркова проявляется и в образовании некоторых морфологических форм и их функционировании: и в книге «О македонских проблемах», и в журнале «Вардар» Мисирков принимает центральнодиалектную форму 3 л. ед. презенса с флексией **-и**, но почти не употребляет характерный для этой диалектной группы так называемый «тройной член (артиклъ)», есть вариации в спряжении и морфологической классификации глаголов, особенно с основой на корневой гласный типа **живеіеме / живуаме / живиме**. Мисирков употребляет частицу **ке** не только при образовании форм будущего времени и будущего в прошедшем, но и в условных предложениях с союзом **ако** (**Ако не ке мо-**

жине... 'Если мы не сможем'). Эти и некоторые другие особенности отличают идиолект Мисиркова от современных норм македонского литературного языка.

Из морфосинтаксических особенностей идиолекта Мисиркова, которые иначе решены в современном литературном македонском языке, укажем на почти полное отсутствие местоименного удвоения прямого и косвенного объекта, выраженного существительным, свойственного для центральных западных говоров, причем в журнале «Вардар» несколько чаще удваивается объект во множественном числе с помощью местоименной формы **и**. Почти не употребляется членная форма с морфами **в** и **н**, а членная форма **-о** заменяет форму **-от** (гласо на Вардар, не знам нато), встречаются и формы вин. п., актуальные для некоторых слов в начале XX в. (да видиш своја сына).

Некоторые диалектные синтаксические особенности, характерные для идиолекта Мисиркова, почти не употребительны в современном литературном македонском языке, например, временной союз **jedno** (совр. лит. **штом** 'раз, как только'). К. П. Мисирков слишком часто употребляет союз **да** — при выражении побудительности и долженствования, в условных и даже в изъяснительных придаточных предложениях.

Здесь следует подчеркнуть, что часто вариативность языка Мисиркова можно объяснить и фактом, что он творчески относился к своей кодификаторской деятельности, постоянно изыскивая более приемлемые решения: так, например, в книге «О македонских проблемах» регулярно отражается черта центральных говоров — эллизия интервокального согласного **в**, которое восстанавливается автором в последующих текстах — в журнале «Вардар» (**жиот** > **живот**, **осноа** > **основа**, **зборуам**, **применуам** > **зборувам**, **применувам**, и т. п.).

К. П. Мисирков широко употребляет народную словообразовательную модель существительных с суффиксом **-јње/-ин'е** и отказывается от книжной модели с суф. **-ние** (в том числе и в русизмах типа **мнеин'е**). В современном литературном македонском языке модель на **-ње** также продуктивна и вытесняет слова на **-ние**, однако в современной норме вместо модели на **-ние** продуктивны также и образования с суф. **-ба** — совр. лит. макед. **изучување** 'изучение', **состојба** 'состояние').

Система глагольных времен в идиолекте Мисиркова, как и в современном литературном языке, содержит результативные перфектные формы со вспомогательным глаголом **има** и **сум**, но у Мисиркова в 3 л.

вспомогательный глагол *иет*, *сет* не выпадает (**не иет имало, не само сет пропадали — имајет поддржуано**), но в формах пересказа вспомогательный глагол в 3 л. отсутствует и у Мисиркова.

Остановимся на лексических особенностях идиолекта К. П. Мисиркова. Поскольку по содержанию созданные им тексты относятся к научно-публицистическому стилю, в них автор должен был выразить такие понятия и термины, которых нет в народном языке и диалектах. Соблюдая дистанцированность от соседних славянских языков, Мисирков находит выход в фонетической адаптации заимствований и калькировании словообразовательных элементов слов из других языков, главным образом из русского языка, пользующегося у Мисиркова наибольшим престижем (анализ лексики в языке Мисиркова был достаточно глубоко проведен в работах М. Миовского, Т. Димитровского и некоторых других македонских исследователей, а также в моей статье о книге Мисиркова «О македонских проблемах» — см. библиографию в конце статьи).

Так, в тексте журнала «Вардар» встречаем русизмы **сотрудници, стена, деятел'ности, во сравнение / во сравнеи'е**, калькированы с русского термина **јазикознајци** 'языковеды' (совр. мак. лингвисти), **словенознајци** 'славяноведы' (совр. мак. слависти), **му имајет надоедено** 'ему надоели' (совр. мак. 'му здодеале'). Мисирков использует и сербизмы **значај, положиј**, диалектизмы **задаток и заватоко** (совр. лит. задача).

Мы уже писали, что 20% лексики в языке Мисиркова пришло из русского языка или через посредство русского. Подчеркнем, что фактически К. П. Мисирков создал общественно-политический и научный стиль литературного языка, поэтому в лексике его текстов так много заимствований.

Но поэтический перевод стихотворения хорватского поэта П. Прерадовича (1818—1872) «Странник» является образцом художественного стиля македонского литературного языка, где К. П. Мисиркову удалось воплотить свои кодификационные принципы литературного языка, опирающегося на македонскую диалектную базу и свободного от иноязычных элементов.

К. П. Мисирков, может быть, бессознательно пользовался русизмами (для него было важным дистанцироваться от соседних славянских языков), поскольку русским он владел хорошо и, вероятно, думал по-русски. Поэтому на подсознательном уровне он употребляет не только русские лексемы в их адаптированном виде, но и калькированные синтаксически

клишированные выражения с русского, например **си дадоа отчет** 'дали себе отчет' (совр. мак. **си поднесоа сметка на себе си**), **во вреда** 'во вред' (совр. мак. **на штета**). Думается, что эти примеры лишь калькируют русские выражения, которыми мыслил автор в момент сочинения текста.

В заключение определим основные типологические признаки македонского литературного языка (культурного идиолекта), кодифицированного К. П. Мисирковым в 1903 г., повторенными с некоторыми вариациями в тексте журнала «Вардар» 1905 г., и современного литературного македонского языка, кодифицированного в 1945 г. с последующими уточнениями и поправками 1950, 1970 гг. и развивающегося в настоящее время, как все живые современные литературные языки.

1. «Диалектная база литературного языка — центральные западные македонские говоры». Этот принцип принят был и К. П. Мисирковым, и в 1945 г., однако некоторые кодифицированные диалектные особенности у Мисиркова и современного литературного языка не совпадают (в фонетике, в морфологии, в морфосинтаксисе и синтаксисе).

2. «Открытость в отношении других диалектных зон при опоре на центральные говоры» (особенно наглядно это в тексте журнала «Вардар») — признак принципиально совпадает в обеих кодификациях, различаясь в некоторых конкретных реализациях.

3. «Принцип отбора лексического материала из всех диалектов» был провозглашен и К. П. Мисирковым, и кодификаторами в 1945 г.; в статье частично были показаны различия в отборе лексического материала.

4. Различаясь в конкретике, типологический признак «отсутствие пуризма» свойствен обеим кодификациям современного литературного македонского языка.

5. «Ориентация на письменную книжную традицию» — этот признак не свойствен ни идиолекту Мисиркова, ни современному македонскому литературному языку.

6. «Вариативность нормы» — этот признак был более свойствен текстам К. П. Мисиркова, не имевшему достаточно времени для редактирования текстов и шлифовки принятых им норм. В литературном македонском языке после кодификации 1945 г. несколько лет тоже была вариативность в нормах, уточненных в 1950 г. и в последующих орфографических кодексах.

7. «Дистанцирование от соседних южнославянских языков» — принцип и признак литературного языка (культурного идиолекта) К. П. Ми-

сиркова; для современного македонского языка этот принцип тоже был и является важным, но конкретная его реализация в обоих литературных языках различается.

8. Сознательное, и подсознательное влияние русского языка как наиболее престижного при создании публицистического и научного стиля для Мисиркова было очень существенно. В современном македонском литературном языке русский язык, за исключением 1945—1948 гг., не пользовался столь большим престижем. В 1945—1990 гг. для македонцев престижным был сербохорватский язык.

Указанные принципы и типологические характеристики культурного идиолекта Мисиркова свидетельствуют, что К. П. Мисиркову удалось создать в самом начале XX в. литературный македонский язык и его научный и публицистический стиль вполне современного типа. Политические и исторические обстоятельства задержали дальнейшее становление литературного македонского языка почти на полвека. По содержанию и языковым особенностям культурный идиолект К. П. Мисиркова представляет первый опыт создания научно-публицистического стиля литературного македонского языка.

Типологические особенности литературного македонского языка кодифицированного сто лет тому назад К. П. Мисирковым в книге «О македонских проблемах» и в журнале «Вардар», который мы считаем культурным македонским идиолектом, важнейшим для истории становления и кодификации современного македонского литературного (стандартного) языка, в принципе совпадают с типологией современного македонского стандартного языка. Различия между культурным идиолектом К. П. Мисиркова и современным литературным македонским языком относятся к сфере конкретной реализации принятых типологических принципов.

Библиография

1. Бернштейн С. Б. «Вардар» К. П. Мисиркова // Slavisticna revija. Ljubljana 1958. IX. С. 3—4.
2. Видоески Б. Дијалектна база на јазикот на К. Мисирков // Мјаз. XXVII. 1976. С. 7—16.
3. Виноградов В. А. Идиолект // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 171.

4. *Димитровски Т.* Интернационалниот лексички слој во јазикот на К. П. Мисирков // Мјаз. XVIII. 1967. С. 79—102.
5. *Конески Бл. К. П. Мисирков (по случај 30-годишнината од смртта) // Мјаз. VII. Кн. 1. 1956. С. 1—7.*
6. *Конески Бл. К. П. Мисирков // Мјаз. XXV. 1974. С. 7—17.*
7. *Корубин Б. К. Мисирков и прашањето за македонскиот литературен јазик во негово време // Мјаз. XXV. 1974. С. 19—30.*
8. *Минова-Ѓуркова Л.* Има(ло) ли пуризам во македонскиот стандарден јазик // Мјаз. LI—LII. 2000—2001. С. 39—54.
9. *Миовски М.* Лексиколошки аспекти на делото «За македонските работи». Скопје, 1988. 183 с.
10. *Ристовски Бл.* «Вардар» (научно-литературно и општествено-политичко списание на К. П. Мисирков). Скопје, 1966.
11. *Ристовски Бл.* Националната свест во литературно-културната дејност на македонскиот литературен кружок во Софија // Прилози на МАНУ. Одделение за лингвистика и литературна наука. XXII 1—2 1997. С. 169—199.
12. *Ристовски Бл.* Сознајби за јазикот, литературата и нацијата. Скопје, 2001. С. 303—333.
13. *Толстой Н. И.* Славянские региональные литературные языки и их функции в современный и донациональный период // Славянские литературные языки в донациональный период (тезисы докладов). М., 1969. С. 14—16.
14. *Усикова Р.* За системот на модално-темпоралните глаголски форми во јазикот на К.П.Мисирков // Зборник на трудови од V Научна дискусија во Охрид. Скопје, 1979. С. 95—103.
15. *Усикова Р.* Кон типологијата на македонскиот литературен (стандарден) јазик // «Науката и културата за заедничка иднина на Југоисточна Европа (Прилози од научниот собир одржан во Скопје по повод 30-годишнината на МАНУ)». Скопје, 1998. С. 81—95.
16. *Усикова Р. П.* Из истории македонского литературного языка (Типология литературного языка К. П. Мисиркова) // Славянский вестник. 2004. № 2. С. 406—415.

Примечания

¹Экземпляр книги К. П. Мисиркова «За македонските работи» был обнаружен лишь в 40-х годах XX в. в Софийской библиотеке. После 1945 г. книга неоднократно переиздавалась в Скопье фототипным изданием с сохранением буквен-

ных знаков, введенных Мисирковым, и в современной орфографии. В Македони о деятельности К. П. Мисиркова говорилось на многих специально ему посвященных конференциях, написано много статей и книг. См. библиографию к статье и, в частности [Ристовски Бл. 2001].

²Корректурa этого не вышедшего в свет журнала была обнаружена в 30-х годах XX в. в одесских архивах С. Б. Бернштейном, который первым опубликовал научный анализ языковых особенностей журнала «Вардар» К. П. Мисиркова [Бернштейн 1958].

³О культурном идиолекте см.: *Виноградов В. А. Идиолект // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.*

М. Каранфиловский,
Университет им. св. Кирилла и Мефодия, Скопье

Элементы эниджевардарского говора в журнале «Вардар»

Широко известна роль Крсте Петкова Мисиркова в разработке норм македонского литературного языка. Принципы формирования норм наиболее подробно и наглядно представлены в труде Мисиркова «О македонских делах», а развитие они получили в материалах, опубликованных в журнале «Вардар» в 1905 г. Как отмечает академик Блаже Ристовский в своем анализе языка этого издания «фонетика и морфология языка журнала «Вардар» показывают, что Мисирков, не копируя какого-либо определенного говора, строит систему македонского литературного языка на основе характеристик народных говоров западномакедонского типа¹. Как известно, он расширяет диалектную базу македонского литературного языка чертами говоров области Велеса, Прилепа, Битола и Охрида, однако в ходе работы «осуществляет определенные изменения в фонетике и морфологии»².

В алфавите 1905 г., использованном в журнале «Вардар», в отличие от алфавита 1903 г., используется только одна новая графема — **а**. В связи с этим возникают проблемы: как произносился этот звук, какова диалектная основа нового знака, а также каковы причины и мотивы, которыми руководствовался Мисирков, вводя новую букву в свою азбуку. Известно, что ее диалектная основа не западномакедонская, а произношение соответствует произношению так называемого «темного» гласного /ǣ/.

Этот гласный среди западномакедонских говоров встречается только в охридском, однако используется гораздо более ограниченно, чем в журнале «Вардар», главным образом как рефлекс старославянского **ж**: **нѣтник**, **рѣка**, **пѣт**, **грѣдите**, **крѣгови**, **глѣбока** и т. д.

Обращение к имеющемуся у нас в распоряжении диалектному материалу родного говора Мисиркова — эниджевардарского — позволяет получить следующую картину. В эниджевардарском говоре фонема /ǣ/ в середине слова под ударением выступает как рефлекс древнейшего но-

сового заднего ряда **ж**, вторичного ера (**ъ₂**) или же вокального элемента старых слоговых /**р**/ и /**л**/ . Вот несколько таких случаев:

1. /**ǎ**/ < **ж** : **зǎбут**, **мǎдру**, **пǎт**, **пǎтиц**;
2. /**ǎ**/ < **ъ₂** : **бǎдник**, **мǎгла**, **мǎска**;
3. /**ǎ**/ < **р** : **бǎрс**, **кǎрфта**, **тǎрло**, **цǎрф**;
4. /**ǎ**/ < **л** : **гǎлтǎм**, **кǎлк**, **мǎлса**, **пǎлн**.

Только в позиции конца слова дистрибуция фонемы /**ǎ**/ имеет некоторые ограничения. Она не встречается под ударением, а в безударной позиции выступает как рефлекс редуцированного /**а**/ (**бѣцǎ**, **лǎгǎ**) или редуцированного /**е**/ (**бѣмǎ**, **сиднǎмǎ**, **видѣтǎ**).

Редукция гласного в суффиксе -ел также привела к изменениям в -ǎт **вǎтǎл**, **кбǎл**, **кбтǎл**, **брǎл**, **пѣтǎл**, **чѣшǎл**. Сходное явление наблюдается при контактировании гласного с **р** в группе -**тр**-, где беглый **ǎ** появляется между согласными: **бѣстǎр**, **вѣтǎр**, **дбѣтǎр**, **ѣтǎр**, **мǎдǎр**, **мбѣтǎр**, **бѣстǎр**.

Беглый гласный **ǎ** возникает и в группе -**тл**-, которая чаще всего встречается в пределах л-формы глаголов: **тбпǎл** — **тбпла**, **вѣкǎл**, **дунѣсǎл**, **сѣкǎл** и т. д. Этот гласный встречается и в группе -**см**-, произошедшей из старославянской группы -**освьсьн**-: **усǎмнǎва**, **усǎмнǎ** и т. д.

Носовой заднего ряда **ж** в эниджевардарском говоре утрачивает nasalность, и его рефлекс, как и в большинстве нижевардарских говоров — /**ǎ**/ . Он появляется на месте древнейшего носового во всех без исключения корневых слогах: **гǎба**, **гǎс**, **гǎска**, **гнǎсин**, **гǎзǎр**, **гǎсǎница**, **дǎв**, **зǎбут**, **кǎт**, **кǎдǎ**, **кǎпǎнǎ**, **мǎка**, **мǎжут**, **мǎти**, **нѣкǎде**, **нǎтрǎ** и др. Для суффиксальных слогов на месте носового характерен тот же рефлекс. Глагольные флексии 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. н. в.: -**ǎм**, -**ǎт** (**бѣгǎм**, **вѣкǎм**, **ѣмǎт**, **јǎдǎм**, **мѣслǎм**, **ткǎјǎм**, **устǎвǎм**; **вѣкǎт**, **ѣмǎт**, **јǎдǎт**, **мѣслǎт**, **рǎббѣтǎт**, **сѣчǎт**, **сумнǎвǎт**, **тувǎрǎт** и т. д.). Форма вспомогательного глагола **сум** в эниджевардарском говоре звучит как **сгм**, что позволяет сделать вывод о том, что на месте носового заднего ряда повсюду используется звук /**ǎ**/.

Рефлекс слогового **р** в эниджевардарском говоре всегда сопровождается гласным **ǎ** в постпозиции или в препозиции к **р** (**ǎр**/**рǎ**) во всех позициях, кроме инициальных, в которых **а** всегда выступает за **р** (**рǎ**): **рǎн**, **рǎшта**, **рǎжǎн**, **рǎга**, **рǎгусǎн** и т. д. Во всех других позициях встречаются комбинации **ǎр**/**рǎ**: **врǎх**, **трǎн**, **дрǎш** / **вǎрс**, **гǎрп**, **кǎрт**, **кǎрф**, **сǎрп**, **тǎрп**, **врǎсник**, **врǎшник**, **грǎстǎ**, **грǎнци**, но **гǎрнǎ**, **бǎрдо**, **вǎрфци**, **вǎрп**, **вǎрба**, **вǎршник**, **гǎрклǎн**, **дǎржǎва** и т. д.

Абсолютно такая же ситуация наблюдается и в микротопонимическом материале, собранном на эниджевардарской диалектной территории: *Грѣнчѣрка*, *Гѣрлѣуто*, *Скѣркѣта*, *Вѣрчува* (Р.); *Кѣрстут* (Пе.); *Кѣрпѣч* (А.); *Цѣрквин Бунѣр* (Г.); *Грѣмутрѣн* (Кр.) и т. д. Однако если иметь в виду частотность примеров, то можно сказать, что более многочисленными являются примеры с вокалическим элементом перед *р* (*ѣр*).

Слоговое */p/* в эниджевардарском говоре встречается всегда в составе группы с */ǣ/*, при этом сопутствующий гласный может находиться в препозиции или в постпозиции к */r/*. Так же, как было в случае с вокалическим */p/*, гласный элемент чаще находится перед */r/*: *вѣлк*, *вѣлчѣна*, *вѣлна*, *жѣлт*, *згѣлнѣм*, *јѣбѣлка*, *кѣлѣут*, *кѣлнѣм*, *мѣлсѣм*, *пѣлно*, *сѣлза*, *тѣлчѣм*, *ѣлчѣм* и т. д. В определенном количестве случаев вокалический элемент может находиться в препозиции и в постпозиции к */r/* в лексемах, производных от одного корня, при этом в распределении данного явления не наблюдается какой-либо территориальной закономерности: *пѣлнѣм*, *пѣлнѣх* (К.); *гѣлтѣм* (Ил., Р.); *дѣлк*, *дѣлѣгу*, *дѣлѣжина* (Ил.); *дѣлк*, *дѣлѣгу*, *дѣлѣжина* (К.); *дѣлѣбѣк*, *дѣлѣбѣчина* и *дѣлѣбина*, *дѣлѣбѣчина* (Е. В.). Только в небольшом числе случаев вокалический элемент встречается в постпозиции к */r/*: *зѣлѣпка*, *зѣлѣдѣслѣнце*, *слѣнце*, *угрѣслѣнце*, *слѣнѣцуглѣдѣц*, *мѣлѣзѣна*, *тѣлѣчник*, *тѣлѣчѣници* (Е. В.).

В текстах «Вардара» Мисирков употребляет звук *ǣ* согласно правилам, характерным для его родного эниджевардарского говора, а также для других юго-восточных македонских говоров. Если учитывать солидное филологическое образование Мисиркова, его позицию и взгляды на язык, а также его богатую практическую деятельность, то причины и мотивы этого явления могут быть загадочными, но ни в коем случае не случайными. В диалектологических записях и в топонимическом материале он последовательно отмечает *ǣ* во всех приведенных случаях, а также и тогда, когда действуют законы редукции безударных гласных, согласно которым звук *ǣ* может быть вариантом не только гласной *ǣ*, но и *е*: *Вѣдришѣта*, *Бгѣлѣджа*, *Кѣриѣтиѣца*, *Кѣдѣјно Сѣло*, *сѣтѣ*, *вѣдѣм*, *дѣдѣм*, *нѣсѣм*, *рѣчѣм*, *трѣгнѣјти*, *врѣс*, *сѣнце* и т. д.

И все же Мисирков в «Вардаре» для обозначения слогового *p* использует только *p* (*срѣце*, *црѣковен*, *жртѣви*), а для *ǣ* -ол: *исполнѣват*, *солзи*, *солѣнце*, *долѣга*, *продолѣжејне* и т. д., что доказывает его стремление к решению

проблемы на основе системы центральных македонских говоров или хотя бы в приближении к ней.

Еще одно явление, достаточно ограниченно представленное в центральных македонских говорах (характерное, главным образом, для прилепского говора), сближает язык журнала «Вардар» с южно-восточными македонскими говорами. Речь идет об антиципации мягкости у **њ** в **ј** **појавувајнето, развивајне, положејнето** и т. д. Частичная антиципация мягкости наблюдается и перед **к**: **нојќа, пренојќам, стрејќа, пејќет** и т. д., однако отсутствует перед **ѓ** и **л**.

В эниджевардарском говоре антиципация мягкости встречается перед **/н, к, ѓ/**: **бајна, дејна, кујќа, нојќа, прејѓа, сајѓи, свејќа, синојќа, фајќа, цвејќе, зајојѓа, испајѓа, мејѓа, прејѓа, рајѓа, сајѓи** (Е. В.; В.). Однако это явление распространено на ограниченной территории эниджевардарского говора. Наибольшее число примеров с антиципацией мягкости отмечено в селе Энидже Вардар, в меньшей степени — в селах Выдришта, Бабьяни, Корнишор и Куфалово. В других же районах говора антиципация мягкости в подобных случаях отсутствует.

Что же касается пропуска —**т** в членной форме м. р. имен существительных и прилагательных в текстах «Вардара», то я полагаю, что в данном случае речь идет, скорее, о влиянии центральных македонских говоров, чем о колебании в использовании полной и краткой членных форм: **гласо, пато, бројо, главнијо, мирнијо** и т. д. Это явление не характерно для эниджевардарского говора.

Среди местоимений интерес представляют формы м. р. и ср. р. т. и ж. р. **та**, использующиеся как лично-указательные и в эниджевардарском говоре. Их можно дополнить адъективными формами **нејното величие, нејната државна чест, свекој, свекоја, друѓ, друѓот брои** и прилагательным **треќ**, а также членными формами прилагательных: **големијот** и др. местоимениями **што** и аффиксом прилагательного —**цќи**: **јекономцќи, словенцќи** и др. Эти формы являются обычными для эниджевардарского говора.

Что относится к глагольной системе — Мисирков использует две глагольные группы, характерные для его родного говора. Это глаголы тематических классов **а-** и **и-**, в некоторых случаях используются глаголы, оканчивающиеся на —**ет** в 3 л. ед. ч. (**пејќет**).

В эниджевардарском говоре глаголы объединяются в две группы. Глаголы е- и и- классов объединяются в одну группу, причем во 2 л. ед. ч. обобщение произошло по и-классу, а в 3 л. ед. ч. — по е-классу. Вторая глагольная группа — это а-класс, эта черта объединяет эниджевардарский говор с салоницким: *пла́ка, стру́га, че́шл'а; ви́диш — ви́де, да́диш — да́де, ја́диш — ја́де, се́диш — се́де, стби́ш — стбе́* и т. д.

Глагольные существительные Мисирков в «Вардаре» также конструирует на основе родного говора при помощи аффикса —*јн'е*: *разви́вајн'е, воора́жејн'е* и др. В эниджевардарском говоре глагольные существительные образуются с помощью аффиксальной морфемы *-јне*, для некоторых районов характерна редукция конечного слога: *-јнǎ/-јни*. Глагольные существительные, а также причастия и деепричастия, в этом говоре образованы по аористой акцентологической модели (ударение падает на гласный основы), основа оканчивается на *-а* и *-е*: *вика́јне, ја́дејне, круе́јне, кува́јне, мите́јне, плите́јне, уде́јне, ура́јне; вика́јнǎ, кусе́јнǎ, мите́јнǎ* (Ил., К.); *смија́јни, та́рчајни, уде́јни* (Ко.) и т. д.

Итак, использование Мисирковым в журнале «Вардар» фонетических особенностей и грамматических форм эниджевардарского говора не может быть случайностью. В первую очередь потому, что данные формы присутствуют и в более широком ареале юго-восточных македонских говоров, что исключает возможность считать это явление единственно влиянием родного говора. Кроме того, сложно представить, что на человека с тем филологическим образованием, каковым обладал Мисирков, в такой степени влиял бы родной говор. Поэтому, имея в виду и дилеммы, и цели Мисиркова, связанные с созданием единого литературного языка, проще предположить, что речь идет о своеобразном эксперименте при осмыслении возможностей для создания литературного языка путем включения языковых характеристик южных македонских говоров.

Использованные сокращения

А. — с. Асарбегово

Б. — с. Бабјани

В. — с. В'дришта

Г. — с. Гупчево

Е. В. — Енице Вардар

- Ил. — с. Илициево
К. — с. Куфалово
Ко. — с. Корнишор
Кр. — с. Крушаре
Пе. — с. Петгас
Р. — с. Рамна

Библиография

1. *Каранфиловски М.* Еницевардарскиот говор — текстови // Македонистика. Скопје, 2002. Бр. 8. С. 83—39.
2. *Каранфиловски М.* Еницевардарскиот говор // Предавања на XXXII Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура (Охрид 1999 г.). Скопје, 2000. С. 35—53.
3. *Каранфиловски М.* Еницевардарскиот говор: докторска дисертација. Скопје, 1992. 348 с.
4. *Ристовски Б.* «Вардар» — научно-литературно и општествено-политичко списание на К. П. Мисирков. Скопје: едисија «Посебни издания на Институт за македонски јазик», 1966. Книга 4. 118 с.

Примечания

- ¹ *Ристовски Б.* «Вардар» — научно-литературно и општествено-политичко списание на К. П. Мисирков. Скопје: едисија «Посебни издания на Институт за македонски јазик». 1966. Книга 4. С. 55.

² Там же. С. 55.

С. Веновская-Антевская,

Институт македонского языка им. К. Мисиркова, Скопье

Крсте Мисирков и язык журнала «Вардар»

Крсте Мисирков — один из выдающихся деятелей в истории Македонии. Он всю свою жизнь посвятил борьбе за македонское национальное и культурное становление. Сегодня, 100 лет спустя со дня выхода наиболее значимых его работ («О македонских проблемах», София, 1903; журнал «Вардар», Одесса, 1905), можно говорить о том, что мы имеем неслостный подход к их содержательному анализу, а одновременно и к их языку, выполненный видными учеными-македонистами из разных стран. Алфавит, правописание и язык, которые использует Мисирков, представляют собой важнейший аргумент в пользу практического применения его теоретических размышлений о македонском языковом вопросе. Чтобы объяснить те проблемы, над которыми работал Мисирков, особенно с позиции современности, нужно учитывать общественно-политические условия Македонии в XIX — первой половине XX в. Кроме того, нужно иметь в виду, что мы говорим о личности, способной успешно формулировать приоритетные вопросы. Мисирков был в курсе всех культурных событий в Македонии XIX в., именно поэтому у него возникла необходимость написать книгу «О македонских проблемах» и издать журнал «Вардар». Все это свидетельствует об особом процессе планирования стратегии публикации книг на македонском языке (литературном, согласно идеям Мисиркова), проблематика которых охватывала бы толкование и решение ключевых македонских вопросов. Идеи, обусловленные необходимостью издания книг, грамматик, пособий для чтения и др. на македонском наречье, возникают у Мисиркова еще в процессе написания книги «О македонских проблемах». Если же мы обратимся к публицистическим изданиям, или, вернее, к попыткам издавать журналы на македонском языке, где вырабатываются нормы македонского литературного языка, традиции и практика его применения, то можно отметить, что именно в журнале «Вардар» они достигают своей зрелости. В тех же работах, которые печатались до 1905 г., например, в журнале «Лоза» (см.

Ристовски 1965), только формируются подходы к окончательному решению вопроса о македонском литературном языке. Актуальным на сегодняшний день остается вопрос, возможен ли подобный подход, языковое строительство и ускоренное прохождение отдельных фаз языкового планирования, как было с македонским языком, если они не имеют под собой добротной основы и развитой практики. Анализ языка текстов македонских авторов XIX в. показывает тенденции к поиску этой основы, знаки, указывающие на появление стандартизированной формы, демонстрируют селекцию при отборе языковых средств (особенно в области лексики). В качестве примера мы можем привести ориентацию в этом процессе на славянскую лексику и негативное отношение к турцизмам.

На основании этих фактов складывается мнение, что в начале XX в. в работах Мисиркова был решен вопрос о македонском литературном языке, хотя его кодификация в связи с общественно-политическими обстоятельствами в Македонии стала возможной лишь в 1945 г. (5 мая и 7 июня).

В книге «О македонских проблемах», а точнее, в ее пятой главе, посвященной македонскому литературному языку, содержится теоретическая платформа, где рассматриваются важнейшие проблемы македонского литературного языка. Мисирков прекрасно понимал, что самосознание народа включает кодифицированную языковую форму, узаконенную и сложившуюся на основе связующих элементов, базирующихся на традиции и практическом использовании. Именно поэтому он уделял такое внимание языковому вопросу как фактору, объединявшему македонцев и поднимавшему их европейский культурный уровень. В настоящей работе за неимением времени мы не будем рассматривать положения пятой главы книги «О македонских проблемах», только отметим, что задачи, указанные в ней, были достаточно конкретными и ясными. Их обоснование и развитие мы обнаруживаем в журнале «Вардар», напечатанном через два года после выхода в свет книги. Очевидно, что Мисирков решил издать журнал на македонском языке, потому что именно так можно было как можно быстрее воплотить на практике идеи создания литературной формы языка.

В 1966 г. в серии отдельных изданий Института македонского языка имени К. Мисиркова под номером четыре вышла научная монография профессора Блаже Ристовского под названием ««Вардар» — научно-

литературный и общественно-политический журнал К. П. Мисиркова». В этом труде представлено полное описание журнала «Вардар», его историография, характеристика языка, обработка текстов журнала и комментариев к ним, а в приложении дана фототипная копия журнала. В книге содержится библиография работ, посвященных журналу «Вардар», что открывает возможности для его анализа в различных аспектах. Предложенная нашему вниманию целостная информация не только дает представление о различных концепциях, но и вызывает желание более углубленного изучения отдельных вопросов, связанных с журналом. Итак, речь идет о тексте объемом 32 страницы, принадлежащем, согласно характеристикам и разнообразию текстов, к публицистическому стилю. Уже с первого номера становятся понятными замысел Мисиркова и концепция журнала. Открывает номер вступительное слово редакционной коллегии, в первом предложении которого мы читаем: «Нашииот месечник иет нешто ново, шчо ќе привлечит внимаин'ето на свите, шчо се интересуваиет со македонцкото прашаи'не». Здесь обозначено также, что издание представляет собой ежемесячный журнал, посвященный актуальным проблемам Македонии. В этом первом (и единственном) номере журнала напечатаны тексты, относящиеся к различным функциональным стилям, что характерно для публицистических изданий. Например, здесь представлены научно-публицистическая часть, разделы, посвященные фольклору, переводу, информации. Они организованы так, чтобы пробудить интерес к Македонии в различных аспектах. Мисирков очень умело дозирует информацию о Македонии. Это мы можем увидеть на примере текста, в котором он рассматривает теорию этногенеза македонцев, списка сел южной Македонии (по мнению Б. Ристовского, это первая национальная этнографическая статистика македонцев) и последнего раздела, посвященного современности, где Мисирков пишет о состоянии дел в Македонии, с одной стороны, и об актуальных проблемах «славянства», а точнее России, с другой. Напечатанные в приложении перевод стихотворения «Путник» П. Прерадовича и народные песни — это еще одна возможность сохранить концепцию издания и задержать внимание читательской аудитории.

Особый интерес для нас сегодня представляет язык журнала «Вардар», а также его сопоставительный анализ с языком книги «О македонских проблемах». Этими проблемами занимались многие македонские линг-

висты (Благоя Корубин, Блаже Конеский, Трайко Стаматоский, Александар Джукеский, Мито Миовский). Конечно же, крупнейшим исследователем наследия Мисиркова в различных аспектах является академик Блаже Ристовский. Следует сказать, что почти все, кто занимался македонской лингвистикой, так или иначе обращались к работам Мисиркова. Параллели между двумя произведениями Мисиркова можно провести, если рассмотреть то, что написано о них до сих пор. Проведем краткое сопоставление работ на нескольких уровнях, рассмотрим особенности фонетики и орфографии, морфологии, лексики и синтаксиса.

В книге «О македонских проблемах» Мисирков использует 29 графических знаков (нет отдельных графем для обозначения фонем /S/ и /Ц/). В «Вардаре» используется графема А на месте рефлексов древнейшего юса большого. В журнале «Вардар» мягкость *ќ*, *ѓ*, *љ*, *њ* обозначается по единому образцу при помощи надстрочного знака над соответствующей графемой, а не перед ней, как было в книге «О македонских проблемах». Среди различий мы можем упомянуть и введение графемы для обозначения звука *j* (*и*). В целом можно отметить, что в журнале «Вардар» Мисирков занялся решительной модернизацией графической системы. Он смело покончил со всеми старыми знаками, в которых не было никакой необходимости в современном языке. Таким образом, речь идет об изменении, улучшении, а точнее, об упрощении графической системы.

Итак, в книге «О македонских проблемах» представлена реформа македонского письма, в которой отражено желание выделить его среди других славянских систем письма на кириллической основе.

Среди фонетических особенностей журнала «Вардар» можно отметить и использование интервокального /в/ в словах ново, договор, правината, убаво, држава, фактови и др. Это была своеобразная попытка преодолеть диалектную дифференциацию языка, основанная на практическом опыте. Она еще одно доказательство в пользу того, что стандартизированная форма языка уже использовалась на практике и Мисирков ею руководствовался.

Сходные черты наблюдаются и при сопоставлении других языковых особенностей. Именно в журнале «Вардар» можно отметить стремление Мисиркова показать «сердцевину» македонского языка, его аутентичную часть, содержащую отличительные македонские черты. Включение текста перевода стихотворения «Путник» и предисловия от редакции (на ма-

македонском и русском языках) позволяет рассмотреть специфические особенности македонского языка.

Стремление следовать теоретическим положениям при отборе языковых средств прослеживается уже в книге «О македонских проблемах», но наиболее ярко проявляется в журнале «Вардар». Сопоставление этих работ позволяет увидеть их различия, а также те изменения, которые вносит Мисирков для улучшения и уточнения своих идей. Следует иметь в виду, что цель, которую он поставил перед собой при описании македонского литературного языка в книге, содержала и задачи, которые он пытался последовательно реализовать. Основные из них — устранить лексические и другие структурные элементы родного говора, не соответствовавшие «центральному македонскому наречью»; использовать предложения, характерные для разговорной речи, сложноподчиненные конструкции (можно отметить, что сам Мисирков использует только один тип синтаксических конструкций); считать приоритетной македонскую лексику (т. е. устранить болгарские, сербские, русские, турецкие лексические элементы (за исключением адаптированных турцизмов); избавиться от морфолого-структурных черт соседних славянских языков; адаптировать новые лексемы из области культурной лексики; учитывать все современные процессы и обозначить пути дальнейшего развития и т. д. Конечно же, все это требовало дополнительных усилий. Мисирков был полиглотом, учился он во многих странах: начал свое обучение на греческом языке, продолжил — на сербском и болгарском, а потом и на русском. Все это дало возможность познакомиться не только с этими языками, но и с культурной средой, в которой он находился. Несмотря на существование различных мнений, которые мы можем обнаружить в исследованиях, посвященных творчеству Мисиркова, мы полагаем, что русская культурная среда оказала наиболее сильное влияние на формирование взглядов Мисиркова. Это влияние мы можем отметить и в процессе созревания его идей, и в стремлении к решению македонского вопроса. То, что сегодня очень важно для нас, македонцев, — это влияние идей Мисиркова на умы последующих поколений. Каждое обращение к его произведениям будит вдохновение, напоминает, с какой любовью нужно приступать к изучению исконного, потому что если мы не умеем любить свое, то вообще утрачиваем способность любить что-либо.

В журнале «Вардар» Мисирков доказал, что возможно творчество на предложенном им литературном языке. Он чувствовал, что если работать с упорством, то можно доказать самостоятельность македонцев — через язык, фольклор, культуру, традицию. Мисирков непрерывно действовал постоянно решал македонские проблемы, надеясь, что в итоге его голос заставит Европу смотреть на Македонию как на независимую этнографическую единицу, где живет народ с собственной национальностью — македонской, и своим языком — македонским. Он храбро переносил всевозможные притеснения, они только будили его боевой дух, заставляли действовать еще активнее, оставаться последовательным в верности своим идеям. Как человек, знающий свыше десяти языков, он писал и печатался везде, где было возможно, но всегда говорил о Македонии и ее самобытности. После выхода журнала «Вардар» Мисирков вместе с братьями Чуповскими участвовал в создании журнала «Македонски глас». Так он написал свыше сорока больших и малых трудов.

Труды Мисиркова представляют собой мощнейшее научно доказанное и аргументированное орудие в борьбе с теми, кто утверждал, что «македонская нация и македонский литературный язык являются производением обычных политических комбинаций». Мы можем отослать их к трудам Мисиркова, как в свое время Мисирков отсылал их к трудам своих предшественников, уповая на традицию.

То, что написал Мисирков, македонцы воспринимают как богатое наследство, как неиссякаемый источник, который вдохновляет, подталкивает к размышлениям и учит тому, каким должно быть отношение к собственному языку, к родине, а точнее, к себе самому. Поэтому каждое возвращение к произведениям Мисиркова — это возвращение ему нашего долга.

Библиография

1. *Конески Б.* Факторот на времето во јазичните промени. Скопје, 1966.
2. *Корубин Б.* Најважните погледи и обиди на К.П. Мисирков // Македонски јазик. III (1952). 10. С. 221—239.
3. *Корубин Б.* Некои случаи од јазикот на К.П. Мисирков // Македонски јазик. III (1952). 7. С. 149—155.
4. *Корубин Б.* По кои линии го развивал Крсте Мисирков својот речник // Разгледи. III. Скопје. 1956. Бр. 9. С. 1—7.

5. *Корубин Б.* Погледи врз речникот на К.П. Мисирков (по повод 30-годишнината од неговата смрт) // Литературен збор. III (1956). 2. С. 173—182.
6. *Миовски М.* Лексиколошки аспекти на делото «О македонских проблемах». Скопје, 1988.
7. *Ристовски Б.* «Вардар» научно-литературно и општествено-политичко списание на К. П. Мисирков. Скопје: едиција «Посебни издания на ИМЈ». 1966. Кн. 4.
8. *Ристовски Б.* Крсте Петков Мисирков. Скопје, 1966.
9. *Ристовски Б.* Националната ориентација на Младата македонска дружина и на научно-литературното списание «Лоза». Скопје, 1965.

А. Шешкен,

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

Крсте Мисирков и Кочо Рацин: два этапа борьбы за македонский язык и македонскую литературу

Крсте Мисирков в книге «О македонских проблемах» (1903) высказал мысль о возрождении македонцев, пробуждении народного духа и о необходимости формирования македонского литературного языка на основе центральномакедонских говоров (велешского, прилепского, битольского, охридского). Он писал о необходимости введения этого языка в качестве обязательного предмета в школах, в богослужении и делопроизводстве. Книга Мисиркова и стала первым изданием на таком языке.

Важное значение он придавал организации издательского дела, в первую очередь выпуску периодических изданий, которые должны были стать очагами национального возрождения. В 1905 г. К. Мисирков предпринял попытку издать в Одессе журнал «Вардар», целью которого было «освещение всех научных, историко-лингвистических вопросов о македонской народности»¹. Он был полон решимости доказать, что македонский язык может быть языком науки, публицистики и художественной литературы. В подтверждение этому К. Мисирков поместил в журнале свой перевод на македонский язык стихотворения одного из самых значительных поэтов хорватского иллиризма П. Прерадовича (1818—1872) «Страник». Лирика хорватского поэта, проникнутая радостью сознания, что его народ пробуждается после столетий бездействия и пассивности, окрашена светлым чувством обретения родины и родного дома. Она отвечала настроению деятеля македонского возрождения. Его журнал, однако, был запрещен, сохранилась лишь корректура первого номера. Была запрещена сразу после выхода в свет и книга «О македонских проблемах», а ее тираж уничтожен. Но культурная программа К. Мисиркова отвечала созревшим потребностям народа. И когда книга после нескольких десятилетий забвения оказалась доступной, стало очевидным, что Мисирков был глубоко прав. Македонское национальное возрождение, действительно, представляло собой «поступательный исторический процесс, который имел под собой твердую почву и большое будущее»².

Экземпляр книги сохранился, и в конце 1930-х годов он был обнаружен в Народной библиотеке Софии Коле Неделковским, одним из деятелей следующего поколения борцов за национальную самобытность. На формирование их представлений о македонском литературном языке работа К. Мисиркова оказала важнейшее влияние.

Коле Неделковский был членом «Македонского литературного кружка», полулегально действовавшего в Софии в 1938—1941 гг. Руководитель кружка — уроженец Пиринской Македонии известный болгарский поэт Никола Вапцаров, как и А. Жаров, А. Попов, Г. Абаджиев, Д. Митрев и др., основное внимание уделял проблеме создания македонского литературного языка и изучению истории своего народа.

Кружковцы отыскиали супругу и сына К. Мисиркова, которые предоставили им неопубликованные работы, содержащие воззрения идеолога македонской самобытности на историю, культуру и язык македонцев. Перепечатанные на машинке, эти материалы распространялись среди деятелей национальной литературы. Идеи формирования македонского литературного языка на основе центрально-македонских диалектов, высказанные К. Мисирковым, получили развитие и реальное подтверждение в творчестве К. Рацина, К. Неделковского и В. Марковского.

Свидетельств о знакомстве К. Рацина с книгой К. Мисиркова и его рукописями не сохранилось, как не сохранился и ряд других важных для биографии и творческой эволюции первого национального македонского поэта документов. Но близкая дружба с земляком, единомышленником и поэтом К. Неделковским, на квартире у которого К. Рацин часто останавливался во время своих приездов в Софию, позволяет с уверенностью предположить, что это знакомство имело место. Творческая эволюция поэта свидетельствует о том, что К. Рацин, отвечая потребностям времени, развивался как поэт в русле идей, высказанных в начале века К. Мисирковым.

Становление Кочо Рацина (1908—1943) как художника совпадает с зарождением «социальной литературы» Югославии, в котором он принял самое деятельное участие. Писатели и пламенные публицисты, активные участники революционного движения — Й. Попович, Ч. Миндеревич, О. Давичо, Ю. Каштелан, Р. Зокович, А. Колендич — это тот круг единомышленников, в котором происходило формирование личности и развитие интеллектуальных и художественных способностей К. Рацина. Русский исследователь Ю. Д. Беляева заметила о К. Рацине и его совре-

менниках, для которых борьба за социальную справедливость и национальную литературу была неразделима: «Разбросанные по стране, преследуемые полицией, лишённые не только возможности выступить со своим манифестом, но и права писать на родном языке, они были едины в своих идейно-эстетических убеждениях, в стремлении создать литературу для народа»³.

Социальное происхождение и рано проснувшееся стремление к социальной справедливости предопределили тематику и идейный пафос ранних произведений К. Рацина⁴. Молодой автор «из рабочих» начал печатать поэзию, прозу и критические статьи в изданиях «Критика» и «Литература» (Загреб), «Снага» («Сила» — иллюстрированная рабочая газета выходила в Сараево), «Радник» («Рабочий», Загреб), «Младост» (Белград).

Ранняя лирика К. Рацина (1928—1933) создавалась на сербскохорватском языке. В ней обнаруживается влияние поэзии экспрессионизма: она наполнена настроениями «пламенной Боли», охватывающей лирического героя при виде черных клубов фабричного дыма, в котором задыхаются рабочие («Из фабрики», 1930). Ему близки страдания всех эксплуатируемых трудящихся мира, погибших от голода и болезней. Красный цвет, ставший в искусстве XX века символом революции, как стали его метафорой образы восходящего солнца и утренней зари, распускающегося цветка, алого мака и гвоздики, контрастирует у Рацина с черным цветом смерти. Он говорит от лица миллионов, призывая хаос, чтобы из него родилось нечто невиданное и великолепное — даже «смелее слов библейского бога» («Стальному строю», 1930). Поэт выносит приговор старому миру с восторгом ожидая грядущей битвы, «последнего решительного боя», воспекает строй «стальных бойцов», которые завоюют светлое завтра.

Наиболее ярко идея революционного переустройства мира выражена в стихотворении «Фейерверк» (1932). Возможным литературным образцом для Рацина, по мнению критики, могла быть поэма В. Маяковского «150 000 000»⁵. У македонского поэта буржуазный мир, где «пятьдесят миллионов умирают от голода, // а мир давится от изобилия», уже в «агонии умирающего порядка вещей», освещенный последним отблеском солнца. Лирический герой находится в экстазе ожидания нового лучшего мира.

Новый этап в творческом развитии К. Рацина наступил после его ареста и пребывания на каторге в 1934—1935 гг. Не утратив острой идейной направленности, его поэзия второй половины 1930-х годов постепенно уходит от абстрактных и повышенно экспрессивных картин, обретая конкретные национальные очертания. Ряд стихотворений, написанных по-сербски, в частности «Смерть астурийского рудокопа» (1938) и «Баллада о сапоге» (1939), еще полны экспрессии и зовут на борьбу: «Свобода! Фашизму — смерть! Свобода!» Но в его творчестве, как и в поэзии Югославии в целом, в это время наблюдается изменение художественных принципов.

У Рацина это было связано как с кристаллизацией представлений о реализме в искусстве, так и с важнейшим для истории македонской литературы шагом — решением поэта писать не только на македонском материале (эта черта присутствует в его прозе), но и на македонском языке, пусть не получившем еще закреплённой грамматической нормы. «Период с 1936 по 1940 год — самый плодотворный в творчестве Рацина и с художественной точки зрения самый значительный», считают исследователи⁶.

Написанные в 1936—1939 гг. стихотворения К. Рацин объединил в сборник «Белые зори» («Бели мугри», Загреб, 1939) — первой книге поэзии на македонском языке⁷. Сборник состоит из десятка стихотворений и двух поэтических циклов («Элегии к тебе», «Коль имел бы мастерскую в Струге»). Все вместе они создают образ Македонии и ее многострадального народа.

Приближение к основам национальной жизни повлекло за собой решительное изменение поэтических средств, смену лирического героя, отразилось на форме стиха и его жанровой природе. К. Рацин использует мотивы, образность, метафоры и эпитеты народной поэзии.

Поэт по-прежнему открыто декларирует свою идейную позицию. Он видит, как крестьянин «скотски цел живот работи // за други туѓи имоти». Заострению идейной направленности, тенденциозности стиха помогает как сам «объект» лирики (сборщики табака, безработные мастеровые люди, крестьяне, работающие от зари до зари), так и открыто высказанная и упорно повторяемая авторская мысль о несправедливом устройстве мира, требующем изменения: «И кој раздвои, и кој раздвои // човек од човек со сид? // И кој направи, и кој направи // човек на човека роб!»

Лирический герой охвачен любовью и сочувствием к родному краю и его людям, и это окрашивает лирику поэта в элегические тона. Один из

циклов сборника так и называется «Элегии к тебе». У них, впрочем, нет конкретного адресата. «Ты» — это земля Македонии, о лучшей доле которой мечтает поэт. И хотя он, как и прежде, ждет восхода «зари» — революции, но облакает это ожидание в другие поэтические формулы, близкие народной поэзии, с использованием характерного для фольклора восьмистопного стихотворного размера:

Зоро златно и румено!
Зоро слатка посестримо!
Ти изгреваш на далеку —
да ли еднаш ќе изгрееш
силно, силно, дури милно
Над долови и над гори
Над полиња и над реки
Над мојата татковина.

(«Таму горе на небо...»)

В сборнике широко употребляются постоянные эпитеты, свойственные фольклору («синцир железен», «солнце светло», «гора зелена», «вода студена», «лути рани», «извори бистри»), метафоры, олицетворения, повторы. В жанре «печалбарской песни», сложенной народом для исполнения при проводах на заработки работников, К. Рацин пишет несколько лучших стихотворений сборника «Прощание» и «Татунчо».

Популярные народные песни играют у Рацина роль своеобразного подтекста и получают при этом новое толкование. В стихотворении «Ленка» в качестве эпиграфа взяты слова из одной из самых известных в Македонии песен «Биляна полотно белила». Однако молодая девушка у Рацина (в отличие от песни) недолго радовала взоры своей красотой, она рано увяла и умерла от тяжелого труда. В цикле «Коль имел бы мастерскую в Струге» лирический герой с горечью вспоминает о прежнем богатстве города золотых и серебряных дел мастеров, когда и родилась одноименная народная песня. Она имеет радостное, веселое содержание. Безымянный автор поет о том, что мастерская в Струге сделала бы его богатым человеком и завидным женихом. Лирический герой Рацина, напротив, не решается даже взглянуть на красавицу, ведь он за бесценок продал мастерскую и инструмент, а теперь, имея золотые руки, живет впроголодь. Так поэзия Рацина откликнулась на конкретное социальное явление: массовое исчезновение традиционных промыслов и обнищание

местного населения, не выдерживающего конкуренции с фабричным производством.

Мотив глубокой тоски («тешката тага, тешката») — сквозной мотив этого цикла — соседствует с мотивом поиска виновного в бедственном положении народа («Кој ни ги запусти, затвори // дуќани, куќи високи?») и неизбежного бунта (в его фольклорной формуле) против несправедливости: «Донеси да ја коваме // на Крали Марка сабјата». В поэзии К. Рацина развивается и ставший одним из основных в македонской литературе мотив антигурецкого восстания 1903 г. — «Ильина дня» как символ вечного стремления к свободе. В «Балладе о неизвестном» вилы приходят на могилы погибших повстанцев, и народная память дарует бессмертие героям.

Поэтический сборник К. Рацина сыграл особую роль в развитии македонской литературы. Появление «Белых зорь» — результат долгого исторического пути, которое прошло искусство слова Македонии, и в то же время это этапное произведение, открывшее дорогу будущему развитию национальной словесности. За ним прочно закрепилось место высшего достижения македонского искусства слова межвоенного времени.

Кочо Рацин, подобно большинству участников движения «социальной литературы», участвовал в дискуссиях об особенностях этой литературы, вовлекая в сферу внимания критики македонский материал. В конце 30-х годов он печатается в белградских изданиях «Уметност и критика» («Искусство и критика») и «Наша стварност» («Наша действительность»). Poleмика по вопросам теоретического обоснования нового типа искусства (т. е. искусства, активно участвующего в деле переустройства мира) занимала главное место в публикациях сторонников движения. Наиболее остро обсуждались вопросы традиции и новаторства, проблемы художественной «истины» и цели искусства, природы «тенденциозности», соотношения идейности и художественности, социального происхождения художника и его творчества.

Как и его единомышленники, Рацин считал, что литература должна стремиться к истинности — основному условию реалистичности, которая недостижима вне связи художественного творчества с социальной средой. Статьи К. Рацина о литературе раскрывают понимание писателем специфики художественного творчества и его роли в жизни общества. Так, он критикует упрощенный подход при оценке художественного про-

изведения, пишет о важности освоения современными поэтами традиций мировой культуры («Искусство и рабочий класс», «Самодовольные глупости об улыбке Моны Лизы», 1939).

Кочо Рацин видит задачу искусства в изображении реальности национальной жизни. Сочетание социального реализма с духовной традицией и национальным бытием выразилось в тесной связи этой литературы с народным творчеством. Это наиболее полно сформулировано в статье Рацина «Развитие и значение нашей новой литературы» (1940), посвященной рождению в Македонии литературы на национальном языке. Данная статья, по определению критиков, своего рода манифест, объявляющий о качественно новом художественном явлении, и одновременно духовное завещание поэта, считавшего, что успешное развитие современной реалистической литературе может обеспечить лишь ее опора на народные традиции. К. Рацин подчеркнул, что, «тесно связанная с народной жизнью, эта литература не могла не быть верным и живым отражением горя и страданий, но одновременно и выражением идеалов народа, его «сердцем и совестью»⁸. Рацин называл современных писателей преемниками тех, кто в далеком прошлом предпринимал попытки писать на языке своего народа: «Дело, которое было начато Пейчиновичем, Миладиновыми и Жинзифовым и сломленное однажды историческими обстоятельствами, сейчас снова возвращается в свое русло и находит своих достойных последователей»⁹.

Рубеж XIX—XX вв., когда жил и писал К. Мисирков, и межвоенный период, центральной фигурой которого был К. Рацин, хотя и объединенные необходимостью решения национального вопроса и языка, были разными эпохами, с разным уровнем общественного развития. Результатом длительного исторического пути стало рождение литературы на македонском языке.

Примечания

¹ *Пић V. I. Vardar // Jugoslovenski književni leksikon. Novi Sad, 1971. S. 555.*

² *Мисирков К. За македонските работи. Скопје, 1974. С. 134.*

³ *Беляева Ю. Д. Кочо Рацин и рождение македонской пролетарской литературы // Зарубежные славянские литературы. XX век. М., 1970. С. 370.* Юлия Дмитриевна Беляева стала первым российским литературоведом, обратившимся к изучению македонской литературы.

⁴ Кочо Рацин — настоящее имя Коста Апостолов Солев — родился в семье гончарного мастера, рано познал нужду, стал активистом коммунистического движения и занимался руководящей партийной работой. Он участвовал в конгрессе компартии Югославии в Дрездене в 1928 г. В 1931 г. Рацин предпринял попытку нелегально выехать из страны, чтобы приехать в СССР на учебу. Погиб в партизанском отряде. Псевдоним Рацин-поэт взял в память о неразделенной любви к девушке по имени Раца.

⁵ *Наневски Д.* Поетот Рацин. Скопје, 1983. С.21.

⁶ *Спасов А.* Развојниот пат на Рацин // Кочо Рацин. Стихови и проза. Скопје, 1954. С. 24.

⁷ Годом раньше, в 1938 г., был издан поэтический сборник Венко Марковско-го. Однако он не стал событием национального масштаба и не имел такого резонанса и влияния на развитие национальной литературы, как поэзия К. Рацина. По соображениям конспирации тираж «Белых зорь» был напечатан в окрестностях Загреба в частной типографии. На утро уже был выдан ордер на арест тиража, но К. Рацин успел спасти его часть, и книга распространялась нелегально. С ней ознакомился довольно широкий круг читателей, а левая пресса Югославии даже осветила его в печати.

⁸ *Рацин К.* Развитокот и значењето на една нова наша книжевност // *Рацин К.* Стихови и проза. С. 217.

⁹ Там же. С.2 20.

II. Россия и Македония: от прошлого к будущему

О. Исаева,
Саратовский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского

Проекты решения македонского вопроса в начале XX века

В начале XX в. обострение затяжного кризиса в Македонии — одной из провинций Османской империи — сделало македонскую тему центральной в балканской и европейской политике. В течение десяти лет (1902–1912 гг.) непрерывно обсуждались и разрабатывались проекты урегулирования македонского вопроса, суть которых сводилась либо к разделу края между соседними государствами, либо к предоставлению ему автономии. Если первый вариант пугал многих неизбежностью балканской войны за «македонское наследство», то осуществление второго было затруднено пестротой этно-конфессионального состава населения Македонии. Иначе говоря, Македония не обладала той суммой признаков, которые бы позволяли трактовать ее в тот период как субъект международных отношений¹.

Наибольшую активность в урегулировании македонского вопроса проявляли дипломатия России и Австро-Венгрии как две наиболее заинтересованные в балканских делах великие державы. Однако их первоначальное сотрудничество на македонском поле постепенно переросло в острое соперничество на Балканах, что способствовало не только более жесткому разделению европейских держав по блокам, но и ускорило приближение мировой войны.

Помимо чисто академического интереса к данной теме целесообразность её изучения заключается в неразрывной связи нынешних тревожных событий в этой части полуострова с событиями столетней давности. Сегодня Балканы снова переживают всплеск этнонационализма и сепаратизма, вновь возникают конфликты между народами и государствами полуострова при значительном внешнем вмешательстве. Рассматривая политику европейских держав, в первую очередь России, хотелось бы уяснить: справедливы или нет упреки в бездействии и равнодушии царской дипломатии к македонским проблемам того времени.

При рассмотрении подходов российской дипломатии к этим проблемам акцент будет сделан на малоизвестных проектах, недостаточно или вовсе не освещенных в исторической литературе. Эти проекты, разрабатывавшиеся в течение десятилетия видными дипломатами царского МИД, хранятся ныне в Архиве внешней политики Российской империи. Они дают представление о поисках концепции балканского курса России, учитывавшего как ее геополитические требования, так и факторы этнического и религиозного родства русских с балканскими народами.

В начале XX в. Македония превратилась в первую «горячую точку» на Юго-Востоке Европы. Тот масштабный и всесторонний кризис был назван русской прессой и дипломатами «македонской смутой». Известно, что каждое общество на пути своего развития переживает, а порой и не раз, кризисную и трагическую эпоху, именуемую Смутным временем. Македонская смута в первую очередь была следствием отсталых порядков и жестокого режима, царившего в Османской империи. Поэтому началом смуты стали антитурецкие выступления христианского населения края, имевшие целью устранить социально-экономическое и политическое неравенство. Пиком освободительной борьбы стало героическое Илинденское восстание 1903 г. Сохранявшаяся острота македонского вопроса привела к тому, что именно Македония стала колыбелью младотурецкой революции 1908 г., имевшей далеко идущие международные последствия.

Смута выполняет очень важные функции в жизни социума: она представляет собой не только инструмент сброса напряжения, накопившегося в обществе, но и механизм трансформации этнической картины мира. В период общественных потрясений происходят сложные этнические процессы, в ходе которых этнос должен либо создать абсолютно новую культурную традицию, либо погибнуть в результате исторических катаклизмов. События начала XX в. в полиэтничной Македонии ускорили трансформацию местного славянского элемента в новую самобытную нацию — македонскую.

Проходившее в силу ряда причин медленно и противоречиво становление этой южнославянской нации было осложнено вмешательством соседних стран, вступивших на путь завершения своего национально-государственного строительства. Стремясь реализовать амбициозные планы создания «великих государств», Болгария, Греция и Сербия путем пропаганды и вооруженного насилия осуществляли политику «болгаризации»,

«эллинизации» и «сербизации» местного славянского населения. Таким образом, Македония превратилась в зону столкновения интересов балканских государств, что придавало кризису не только региональное, но и европейское звучание.

Резкое осложнение положения в Македонии было чревато очередной вспышкой Восточного кризиса, к разрешению которого Россия не была готова. Петербургу приходилось в это время считаться не только с интересами других держав в регионе, но и с ограниченностью своего промышленного и военного потенциалов, а также с нараставшей внутри империи социальной и политической нестабильностью. Стоит напомнить, что македонский кризис начала XX в. совпал с наиболее тяжелыми моментами российской истории — неудачной войной на Дальнем Востоке и первой русской революцией 1905—1907 гг.

По мнению большинства современных исследователей, у правящих кругов Российской империи не было в то время цельной внешнеполитической программы. Ее отсутствие восполняли так называемые «исторические задачи» на международной арене, в первую очередь поддержание статуса великой державы в Европе и защитницы единоверных и единокровных народов на Балканах.

Стремясь оттянуть разрешение Восточного вопроса в его полном объеме, царское правительство не собиралось отказываться от привычной роли покровителя и защитника православного славянского населения Македонии. Поэтому, отходя от традиционной военно-феодальной тенденции во внешней политике, министр иностранных дел России В. Ламздорф выдвинул задачу изыскать политико-дипломатические средства для умиротворения этой беспокойной провинции Османской империи. Министр считал, что Россия в данном вопросе (как и во всех вопросах, касающихся Балканского полуострова) должна проявить инициативу, но действовать заодно с Австро-Венгрией на основе соглашения 1897 г. по сохранению статус-кво в регионе.

С целью предотвратить возможные отрицательные влияния македонского кризиса на международную ситуацию В. Ламздорф посетил в конце 1902 г. столицы Болгарии, Сербии и Австро-Венгрии. После согласования с Веней МИД России составил проект умеренных административных преобразований в трех вилайетах (Косовском, Монастырском, Салоникском), охватывавших территорию Македонии. Этот «план улучшения быта православного населения» не был оригинальным и представлял

собой сколок тех бесчисленных реформенных проектов, которые в течение всего XIX в. периодически составлялись великими державами и затем оседали в архивах Порты. Суть его состояла в том, чтобы добиться частичного улучшения положения немусульманского населения средствами, нормами и учреждениями Османской империи. Реализация этой реформенной программы, часто именуемой Венской и поддержанной в той или иной степени всеми державами, была приостановлена начавшимся в августе 1903 г. Илинденским восстанием.

Ситуация в Македонии после жестокого подавления турецкими силами этого восстания стала предметом специального рассмотрения на встрече императоров России и Австро-Венгрии в Мюрцштеге осенью 1903 г. После этой встречи авторы первого проекта реформ (одним из них был посол России в Константинополе И. Зиновьев) внесли в него существенные изменения.

Новый план реформ, получивший название «Мюрцштегский», стал осуществляться в жизнь с января 1904 г. По-прежнему улучшения положения христианского населения хотели добиться в рамках существовавшей политической системы. Но принципиально новым моментом стало учреждение при мусульманском правителе трех вилайетов постоянных органов русско-австрийского контроля и появление европейских инспекторов жандармерии. Были определены и зоны ответственности европейских государств в осуществлении их полицейских функций в Македонии.

Помимо оперативных и тактических действий по нормализации жизни в крае Мюрцштегская программа реформ предусматривала и стратегические. Для урегулирования, например, крайне сложных межэтнических отношений она предполагала изменение в будущем административного деления Македонии. Считалось, что существовавшие границы македонских вилайетов не принимали во внимание этнографический состав населения. Поэтому пункт 3 требовал «изменить территориальное разграничение административных единиц в видах более правильной группировки народностей».

Мюрцштегская программа рассматривалась как документ, предполагающий дальнейшую разработку и постоянное редактирование. Авторами программы было заявлено, что намеченные в ней мероприятия представляют лишь первый шаг к умиротворению Македонии и что при малейшей возможности будут приняты дальнейшие меры в этом направлении. Однако ясного представления о том, чем должна закончиться реформен-

ная акция, рассчитанная на длительное время (в конечном итоге был определен срок в 10 лет), не было.

Русская дипломатия отдавала себе отчет в том, что реформирование отдельных ветвей местной администрации может только временно успокоить край, ибо ослабление османского гнета неизбежно поставит вопрос о дальнейшей судьбе Македонии. Поэтому будущее Македонии неоднократно становилось предметом дискуссии. Это случалось каждый раз, когда ситуация на Балканах обострялась.

Здесь следует специально остановиться на особенностях процедуры обсуждения и принятия внешнеполитических решений в Российской империи, самодержавные порядки которой и закоренелые бюрократические традиции государственного аппарата прямо влияли на ее внешнюю политику. Важнейшим центром подготовки внешнеполитических решений и дипломатических мер по их осуществлению было министерство иностранных дел, работа которого строилась на основе централизации и строгой иерархии. Все решения принимались министром, который иногда советовался с узким кругом своих ближайших сотрудников. Затем решения утверждались императором, верховное руководство внешней политикой было его прерогативой. Заграничные дипломатические и консульские представительства России не играли большой роли в принятии внешнеполитических решений. Лишь в отношении маститых и авторитетных послов в Петербурге проявляли внимание, к их инициативам прислушивались, с ними советовались, а мнениями консулов интересовались только в наиболее критические моменты.

Впервые обсуждение вопроса о полном политическом переустройстве Македонии произошло в начале 1904 г. Инициатором его выступил посол России в Вене П. Капнист, и ранее активно высказывавший свое мнение по балканским проблемам. Он, обратившись с письмом к министру иностранных дел России В. Ламздорфу, попросил установить «какую-либо вполне определенную политическую программу, указывающую, в чем именно заключаются преследуемые Россией цели на Турецком Востоке».

Высказав собственные предположения о возможности обострения обстановки на Балканах в случае войны Болгарии с Турцией и прекращения реформ в Македонии, П. Капнист предложил свой проект решения македонского вопроса в условиях кризисной ситуации. Его суть состояла в том, чтобы при сохранении существовавшего административного деления Македонии назначить в каждый из трех вилайетов христианского

генерал-губернатора, лишь номинально подчиненного султану. Впоследствии эти вилайеты, по убеждению П. Капниста, должны были бы перейти соседним государствам: Болгарии предполагалось передать Монастырский вилайет, Сербии — Косовский, а Греции — Салоникский².

С письмом П. Капниста В. Ламздорф ознакомил российского посла во Франции А. Нелидова, в прошлом посла России в Османской империи. А. Нелидов в ответном письме министру также высказал убеждение, что жизнь будет приближать необходимость более существенных преобразований в Македонии и потому важно определить последующий шаг на пути мирного развития Восточного вопроса. И этим шагом, по мысли А. Нелидова, должно стать предоставление Македонии автономии во главе с христианским губернатором. Возражая против предложения П. Капниста о разделе Македонии по границам вилайетов, А. Нелидов указывал, что эти границы были проведены турками совершенно произвольно и ничего общего с интересами населения не имеют. «Греков в Македонии мало, наибольшая часть славян ближе подходит к болгарам, чем к сербам», и, учитывая данную этнографическую ситуацию, считал российский посол в Париже, Македонию надо не делить, а сохранить целокупной, предоставив ей автономию³.

Министр иностранных дел России, направив письма П. Капниста и А. Нелидова в Константинополь И. Зиновьеву, попросил его высказать собственное суждение по двум проектам относительно Македонии, один из которых предполагал постепенный раздел Македонии между соседними балканскими государствами, а другой — предоставление области автономного управления под контролем великих держав. Российский посол в Турции И. Зиновьев согласился с мнением своих коллег относительно того, что не зависящие от воли держав обстоятельства могут потребовать от них расширения настоящей программы преобразований и перейти «к жизненным вопросам, один из которых заключается в обеспечении Македонии более или менее самостоятельного существования»⁴.

Из поступивших в МИД двух проектов решения македонского вопроса И. Зиновьев поддержал проект А. Нелидова. Он согласился с его мнением о целесообразности установления автономии для целокупной Македонии во главе с христианским генерал-губернатором, назначенным державами. Он также высказал мнение о необходимости введения в Македонии широкого самоуправления на основе выборного представительства в местных административных советах. Впоследствии при таком

положении вещей в Македонии, по мнению посла, могло «само собой выработаться постепенное распределение населения по народностям», что позволило бы в конечном счете присоединить их к той или иной родственной стране.

И. Зиновьев допускал и другую возможность: возникновение срединного Македонского княжества, которое не будет стремиться к слиянию с соседними государствами и будет поддерживать равновесие между ними. Может быть, считал он, придется мало-помалу изменять его границы, но останется ядро с выходом к морю. Македонское княжество будет нуждаться, с точки зрения Зиновьева, в продолжительной оккупации войсками европейских держав⁵.

Признавая неизбежным в будущем предоставление автономии Македонии, И. Зиновьев полагал, что в настоящий момент на осуществление этого проекта у России нет сил и возможностей, и поэтому все внимание должно быть отдано реализации Мюрцштегской программы. В первую очередь представитель России в Османской империи предлагал заняться совершенствованием того механизма, при помощи которого можно было бы справиться с социально-экономическими проблемами этого неблагополучного края.

Министр иностранных дел В. Ламздорф, согласившись с доводами российского посла в Константинополе, поручил ему разработать проект финансового управления тремя подконтрольными вилайетами, и в 1905 г. появился еще один орган иностранного контроля — Финансовая комиссия, состоявшая из представителей великих держав. После этого И. Зиновьев разработал весьма радикальный проект судебной реформы. Нужно отметить, что А. Извольский, сменивший в 1906 г. В. Ламздорфа на посту министра иностранных дел России, был сторонником активизации преобразовательной деятельности в Македонии и укрепления международного контроля над ней.

Однако умиротворение Македонии путем реформ и европейского контроля встречало немало препятствий. Этому процессу мешало и сопротивление Порты, и разногласия среди великих держав. Но особую озабоченность в Петербурге вызывало усиление между христианскими народами междоусобной борьбы, основанной на этнических различиях. Эти распри среди православного населения Македонии, разгоревшиеся с необычайной силой, грозили в любой момент осложнением регионального масштаба. В составленной весной 1906 г. специальной записке МИД

по македонскому вопросу была высказана мысль, что в случае продолжения этой кровавой междоусобицы придется прибегнуть к оккупации Македонии, чтобы силами великих держав прекратить насилия в крае⁶.

К началу 1908 г., когда стал очевиден отход Австро-Венгрии от политики совместных действий с Россией на Балканах, идея автономии Македонии окончательно утвердилась в руководстве МИД. К этому времени Россия выдвинула план замены русско-австрийского контроля над Македонией многосторонним, который бы распространился на все сферы управления края. Предложенный ею план был принят летом 1908 г. на встрече российского императора и английского короля в Ревеле. Это свидание, наметившее общность действий в балканских делах, явилось завершением англо-русского сближения и укрепления Антанты. По мнению немецкого исследователя Г. Штепана, придающего важное значение династическим связям, в Ревеле имел место своеобразный стговор о Македонии, подготовивший ее раздел в 1913 г. Он утверждает, что Антанта уготовила Македонии роль приманки, чтобы привлечь на свою сторону балканские страны и в первую очередь Грецию. В Ревеле два монарха обсуждали вопрос о назначении греческого принца, связанного родственными узами с правящими династиями России и Англии, генерал-губернатором Македонии⁷.

Ревельская программа реформ, предусматривавшая фактическую автономию Македонии под контролем «европейского концерта», была наиболее радикальным вариантом временного устройства территории. Возможно, именно это и стало основной причиной ее срыва. Как известно, Ревельская программа не была реализована из-за младотурецкой революции 1908 г., положившей конец и Мюрцштегской программе с ее системой международного наблюдения над администрацией македонских вилайетов.

Младотурецкое правительство, изъяввшее македонскую проблему из рук европейской дипломатии, не способно было решить ее, вопреки своим первоначальным обещаниям, в демократическом духе. После ликвидации системы европейского контроля Македония снова погрузилась в состояние анархии и смуты. Политика централизации и оттоманизации, проводимая младотурецким режимом, вызвала новый подъем национально-освободительного движения, приобретшего особую силу в Албании и Македонии. А это в свою очередь повысило решимость балканских стран более твердо отстаивать свои интересы. Во всех странах

полуострова полным ходом шли военные реформы, увеличивались и перевооружались армии, и росло желание ускорить освобождение Македонии военным путем.

События 1908—1909 гг. стали сигналом для подготовки к войне, выходящей за рамки региона. Новый внешнеполитический курс царизма был направлен на противодействие австро-германской экспансии на Балканы. Российский МИД, стремясь реабилитировать себя за поражение в период Боснийского кризиса, сконцентрировал все свои усилия на сплочении балканских, прежде всего славянских, стран в виде федерации или конфедерации. Выполнение этой задачи предполагалось в рамках традиционной российской политики «содействия благу отдельных балканских государств и улучшения судеб христианского населения Турции», но на вооружение была взята новая формула: «Балканский полуостров для балканских народов». Она подразумевала противодействие всякому внешнему влиянию местными силами и содействие осуществлению принципа национальности.

В МИД вопрос о новой региональной группировке практически не обсуждался, зато в дипломатической переписке в избытке были высказывания о необходимости соглашения между «братскими славянскими народами». Балканская федерация в представлении российских дипломатов имела весьма расплывчатый вид, главная задача этой временной примиряющей комбинации, по всеобщему мнению, состояла в обеспечении России и балканскому славянству выигрыша во времени, чтобы как можно лучше подготовиться к осуществлению их «исторических задач». Как писал российский посланник в Белграде Н. Гартвиг: «Ни Россия, ни славяне не в состоянии сейчас осуществить то, что рано или поздно они должны сделать непременно», а именно «полюбовно разделить» все турецкие владения на Балканском полуострове и стать «твердой ногой на берегах Босфора, у входных ворот «Русского озера»⁸.

Наибольшую трудность в осуществлении этого проекта представлял вопрос о Македонии, в отношении которой соседние страны вынашивали планы полного или частичного поглощения. Если Сербия и Греция выступали с идеей раздела области, то Болгария была сторонницей автономии «целокупной» Македонии, рассчитывая путем ее последующего присоединения реализовать идею «Великой Болгарии». Таким образом, российская дипломатия должна была вновь вернуться к обсуждению вариантов будущего Македонии.

В конце 1909 г. министр иностранных дел России А. Извольский направил послам при западноевропейских державах и представителям в балканских странах секретное письмо, в котором, в частности, поставил на обсуждение вопрос, чью сторону следует принять при решении македонского вопроса, что выбрать — раздел, предлагаемый Белградом, или автономию, отстаиваемую Софией. Утверждения болгарских деятелей, что автономная Македония будет служить объединяющим звеном между балканскими государствами и точкой опоры для России на Балканах, казались Извольскому весьма заманчивыми, но позиция сербского руководства представлялась ему более искренней⁹.

Как свидетельствует ответная корреспонденция на письмо министра иностранных дел, раздел Македонии в тот момент считался невозможным из-за острых противоречий между балканскими странами и ожидаемого противодействия Австро-Венгрии и Германии. В то же время и предоставление Македонии автономии виделось весьма проблематичным. Посол в Париже А. Нелидов писал: «Что касается возможности образования из Македонии отдельной государственной единицы под главенством султана, то этому противопоставляется почти неодолимое препятствие. В состав Македонии входят не только славянские народности, там находятся греки, кутцо-влахи, евреи, албанцы и главным образом турки»¹⁰. На этой же позиции находился и Н. Гартвиг: «Автономное управление предполагает этническую однородность населения, между тем, македонцев на свете нет: имеются сербы, болгары, турки, греки, албанцы и кутцо-влахи»¹¹.

Наиболее простым и целесообразным вариантом решения македонского вопроса считалось оставление провинции под властью султана при условии проведения там реформ и предоставления административной автономии. В случае невозможности сохранения турецкого контроля над Македонией предлагалось передать ее судьбу в руки европейских держав.

Обоснованное решение проблемы в этом духе было предложено консулами В. Тухолкой и А. Петряевым. В. Тухолка, представлявший интересы России в Старой Сербии (Косово), для начала предлагал добиваться от Турции «осуществления принципов ею же самой провозглашенной конституции и обеспечения славянскому населению личной и имущественной безопасности, а также возможность свободного национального развития». «Нам выгодно, — писал консул, — поддерживать программу децентрализации, т. е. самоуправления в поместных, особенно в школь-

ных и церковных делах, причем желательно устанавливать по возможности более мелкие округа. Благодаря этому в Македонии будут избегаться смешение и раздор народностей»¹².

Создание округов по национальному принципу открывало, по мнению консула, перспективу соединения их в будущем с родственными соседними государствами «путем постепенной исторической эволюции и без потрясений». В случае нежелания Турции обеспечить интересы своих подданных-славян консул предлагал добиваться нейтрализации Македонии и Старой Сербии под контролем Европы¹³.

Идея преобразования Македонии и Старой Сербии в автономные федеративно- кантональные области по аналогии с Ливаном или Швейцарией разделялась в то время и консулом А. Петряевым. Он считал, что в случае возникновения македонского кризиса наилучшим его разрешением было бы наделение Македонии кантональным устройством, как в Швейцарии, и гарантирование ей вечного нейтралитета. Петряев полагал, что разделение Македонии на десятки кантонов и образование из них федерации наподобие Швейцарской как нельзя лучше бы отвечало бы этнографическим особенностям этой провинции и интересам населения. Устроенная подобным образом Македония, по мысли консула, могла бы стать основным ядром Балканской федерации¹⁴. Таким образом, не исключая в отдаленном будущем раздел Македонии между ее соседями, российские консулы предлагали создание нового балканского образования с новыми межобщинными границами.

В итоге этого заочного обсуждения четкой позиции по македонской проблеме выработано не было, и поэтому Россия путем ее консервации намеревалась сохранить неопределенность относительно судьбы Македонии. Белграду и Софии — основным соперникам в Македонии — рекомендовалось не отказываться от политики сохранения статус-кво и добиваться полюбовного размежевания сфер культурного влияния в крае¹⁵.

С конца 1910 г., когда обозначился явный провал национальной политики младотурок и на Балканах возникла новая политическая ситуация, новому российскому министру иностранных дел С. Сазонову пришлось отказаться от поддержки курса на Балканскую федерацию, включавшую и Турцию, и более активно поддерживать интересы славянских государств и славянского населения в османских владениях. Усиление славнофильской основы балканской политики России мешало сохранению

в ней баланса между прагматическими и идеалистическими соображениями, что имело впоследствии неблагоприятные последствия для империи.

Новым фактором балканской жизни, осложнившим ситуацию в регионе, стала активизация албанского национального движения. К лету 1911 г. оно выразилось в масштабном восстании, участники которого впервые выдвинули программу предоставления Албании автономии. Возможность появления автономной Албании, охватывавшей четыре вилайета (Косовский, Монастырский, Янинский, Скутарийский), тревожила российскую дипломатию. Она опасалась потери территорий, считавшихся историческим достоянием славян, и воцарения на Балканах Австро-Венгрии, непременно поставившей бы Албанию под свой протекторат¹⁶.

Балканский кризис весны—лета 1912 г., вызванный очередным албанским восстанием, заставил МИД активизировать свои действия. А. Петряеву как наиболее компетентному в балканских вопросах была поручена разработка реформ для Европейской Турции на основе децентрализации и самоуправления. Одновременно С. Сазонов предложил европейским державам созвать международную конференцию, но эта инициатива не получила поддержки. Осенью 1912 г. проект реформ для Македонии и Албании под контролем Европы был готов, но к этому времени война балканских стран против Турции с целью раздела её европейских владений стала неотвратимой.

Приведенные материалы свидетельствуют о том, что судьба Македонии была предметом непосредственных забот российской дипломатии на протяжении десяти лет, предшествовавших Балканским войнам 1912—1913 гг. Несмотря на явное желание российского МИД оттянуть окончательное решение македонского вопроса, жизнь заставляла его разрабатывать все новые проекты, осуществление которых вело к превращению Македонии в международный протекторат. Поэтому можно не согласиться с мнением болгарского исследователя С. Германова, что все действия российской дипломатии вели к разделу Македонии¹⁷. Большинство проектов по решению македонской проблемы было связано с сохранением на обозримое будущее территориальной целостности Македонии и предоставлением ей автономии. Следует подчеркнуть, что важным фактором деятельности российской дипломатии были всеобщие принципы гуманности, защита личности.

Реформы, как проводимые в Македонии, так и проектируемые, по сути представляли собой временные полурешения, их цель состояла в том, чтобы не допустить дальнейшей дестабилизации региона. И именно поэтому они могут считаться оптимальными. Можно согласиться с мнением одного из ведущих сотрудников российского МИД Б. Нольде, что политика реформ, задуманная как средство удовлетворения требований местного населения, на деле успешно выполняет гораздо более важную функцию: она служит одним из самых могущественных средств в обеспечении международного мира на Балканах

Сожалея, что один из наиболее интересных экспериментов по умиротворению Македонии в рамках Мюрцштегской программы был прерван на половине пути и остался незавершенным, не следует, конечно, забывать, что каждое вмешательство извне вызывает неизбежные побочные эффекты. Оно нередко оказывает влияние на локальное соотношение сил и при определенных обстоятельствах способно даже обострить конфликтную ситуацию, особенно в тех случаях, когда важной составляющей кризиса является этнический фактор.

Идея распределения населения Македонии по отдельным округам (идея канонизации края), предлагавшаяся в качестве урегулирования крайне запутанной этно-конфессиональной ситуации в крае, имела неоднозначное воздействие. Многие восприняли её как замаскированное прикрытие будущего раздела области по этническому принципу. Соседние страны усилили свои действия по ассимиляции македонских славян, не имевших еще устоявшейся и определенной идентичности. В свою очередь действия соседей стимулировали этническую мобилизацию славянской части населения края и ускорили процесс самоутверждения македонской нации.

Совершенно очевидно, что для своего эффективного воплощения план такой чрезвычайной сложности требовал готовности всех сторон идти на цивилизованный компромисс, что, очевидно, было бы возможно в мирной и стабильной Швейцарии, но исключено на Балканах. Тем более что в самой Македонии и вокруг нее тогда в самом разгаре были споры по поводу этнического происхождения местного славянского населения.

Размышляя о перспективах будущего развития Македонии, российские дипломаты были вынуждены давать ответ на главный вопрос македонской действительности тех лет — вопрос о национальной принадлежности местных славян.

Большинство сановников царского МИД отвергало мысль о существовании особой македонской нации. Но у российских консулов, лучше знавших местные реалии, появилось иное мнение. В своих донесениях они стали фиксировать появление в период смуты отчетливого самосознания у славянского населения края, важнейшим проявлением которого явилось распространение общего самоназвания «македонцы». Проводимые консулами многолетние этнографические исследования в Македонии, этнолингвистический анализ местных говоров и диалектов утвердили их убежденность в национальной самобытности македонцев. Именно консулы стали первыми в своих донесениях употреблять новое этническое определение «македонцы» вместо традиционных конфессиональных или устоявшихся этнических категорий.

Хотя донесения консулов, содержащих принципиально новые сведения об этнической картине в Македонии, не были глубоко осмыслены в МИД, все же большинство русских проектов дальнейшей судьбы Македонии было связано с предоставлением ей автономии, что не исключало получения областью в будущем при благоприятных условиях и полной независимости.

Примечания

¹ В «пороховом погребе Европы» 1878—1914. М., 2003. С. 411.

² Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив. 1904—1906. Д. 3386. Л. 2—5.

³ Там же. Л. 16.

⁴ Там же. Л. 38.

⁵ Там же. Л. 39.

⁶ Там же. Л. 76.

⁷ Штепан Х. Л. Македонският јазол. Скопје, 2004.

⁸ АВПРИ. Ф. Политархив. 1909—1911. Д. 2701. Л. 277.

⁹ Там же. Д. 2700. Л. 26.

¹⁰ Там же. 1909. Д. 2694. Л.127.

¹¹ Там же. 1910. Д. 2695. Л. 75.

¹² Там же. Д.5305. Л. 1–2.

¹³ Там же. Л. 3– 4.

¹⁴ Там же. Ф. 1912. Д. 5296. Л. 101–104.

¹⁵ Там же Ф. 1909 Д. 2780. Л. 28–30.

¹⁶ Там же. Д. 2698. Л. 45.

¹⁷ *Германов С.* Руски идеи за решаване на македонския въпрос в началото на XX век // България и Русия през XX век. Българо-руски научни дискусии. София, 2000. С. 31– 33.

М. Ямбаев,
ИСл РАН, Москва

Национальная идеология Димитрия Чуповского

Димитрий Чуповский родился в 1878 г. в селе Папрадиште недалеко от города Велес в Македонии, находившейся тогда в составе Османской империи. Его родное село было сожжено башибузуками, когда мальчику было десять лет (отец Димитрия был убит незадолго до рождения сына подосланными разбойниками — то ли турками, то ли албанцами). Многочисленное семейство Чуповских (вместе с Димитрием 12 братьев и сестер) переселилось в городок Крушево. Здесь он выучился на маляра и уехал на заработки в Софию.

В Софии Чуповский три года проработал маляром. Здесь же он познакомился с молодыми болгаро-македонскими революционными деятелями Даме Груевым и Петаром Попарсовым, организовавшими вечернюю школу для македонцев.

Осенью 1892 г. Чуповский переезжает в Белград. Здесь он вновь работает маляром и учится в вечерней школе им. Святого Саввы. Уместно отметить, что позднее Чуповский довольно резко отзывался об этой школе как имевшей «шовинистический характер» и ставящей «целью создать сербский этнографический элемент». «Здесь мне впервые пришлось выступить в роли защитника своей родины — Македонии», — вспоминал Чуповский. Тем не менее в 1894/95 учебном году Чуповский значился лучшим по учебе и поведению среди 14 учеников своего класса. Вскоре он был направлен в качестве сербского учителя в Македонию.

В автобиографии Чуповского читаем: «В это эпическое время в истории македонской революции мне не пришлось долго работать внутри страны, так как я, еще будучи в Сербии, был хорошо известен турецким агентам как активный пропагандист освобождения Македонии, а поэтому по приезде моем на родину установлено было за мной наблюдение. Вскоре последовал мой арест, предстояли суд, тюрьма». Чуповский бежал в Сербию. «В это время, — продолжает Чуповский, — отношение официальной Сербии к македонцам ухудшилось. По мере развития деятель

ности революционного македонского комитета империалистического правительства Сербии, Болгарии и Греции стали враждебно относиться к македонцам, которые в будущем могли им помешать устроить разгром их страны. Поэтому македонцам пришлось вести борьбу на четыре фронта — против турок, сербов, греков и болгар. При таких условиях оставаться мне долго в Сербии было невозможно, и я решил ехать в Россию и там пополнить свое образование».

Так Димитрий попал в Новгородскую духовную семинарию. Выбор этот объяснялся тем, что только в семинарии он мог рассчитывать на стипендию. Затем после краткого пребывания на родине он переводится в Таврическую духовную семинарию в Симферополе. Окончив ее в 1901 г. Чуповский поступил в Духовную академию в Санкт-Петербурге. В сохранившихся документах того периода имеются записи о Чуповском как о «славяномакедонце». В автобиографии Чуповский отмечает, что понимал, почему именно такое образование «так усердно рекомендовали нам все славянские доброты, рассчитывающие видеть в нас по возвращении на родину ревностных служителей самого настоящего мракобесия. К счастью, эта никому не нужная схоластика скоро надоела; пришлось бросить ее, не окончив, и поступить в университет». За участие в студенческих забастовках, как пишет сам Чуповский, он был из университета исключен. Однако во всех дореволюционных официальных бумагах Чуповского именуют не иначе как «кандидатом Духовной академии». Безусловно, на характер автобиографии наложили отпечаток время и место ее написания — 1933 год, СССР.

Приблизительно в 1900-1901 гг. Чуповский пытается организовать из македонских выходцев «Славяно-македонское другарство»^{*}. В 1901 г. он посещает Македонию, Белград и Софию, информирует земляков о своей деятельности в России.

Осенью 1902 г. в Россию прибыли учредители Македонского клуба в Белграде, издатели газеты «Балкански гласник» С. Дедов и Д. Мишайков. Они встретились со студентами из Македонии, с министром иностранных дел В. Н. Ламздорфом, с сербским послом С. Новаковичем, с общественными деятелями и политиками. 28 октября 1902 г. было

^{*} Буквально — «товарищество», «общество». Но именно так — «другарство» — значится и в российских документах.

составлено и передано заместителю председателя Славянского благотворительного общества А. А. Нарышкину (председатель Н. А. Игнатъев находился в Ливадии) следующее прошение:

«С каждым годом число нас, уроженцев Македонии, учащих в высших учебных заведениях в С.-Петербурге, увеличивается. Вместе с этим с каждым днем увеличивается необходимость в обмене мыслей между нами, для того чтобы совместными усилиями познакомиться с нашим отечеством, с его настоящим, прошлым и будущим. Потребность эта до сих пор мало осознавалась нами, в особенности ввиду того, что среднее образование мы получили в разных учебных заведениях в Турции, Болгарии и Сербии. Это же послужило поводом для разъединения между нами и за пределами Балканского полуострова. В последнее время, однако, всем нам ясен вред от разделения на разные группы, которые не только не знают друг друга, но также не знают свою родину, ее настоящее и прошлое. Чтобы избежать печальных последствий такого разделения и чтобы иметь возможность объединиться на почве единства родины, общего происхождения и будущего как на почве совместного изучения своей родины с точки зрения исторической, этнографической, фольклорной и языковой, мы, нижеподписавшиеся, имеем честь покорнейше просить С.-Петербургское славянское благотворительное общество позволить нам собираться в своем помещении на тех основаниях, на которых происходят подобные собрания чешской, болгарской и сербской учащейся молодежи в С.-Петербурге».

Среди 19 подписей на втором месте стояла подпись Д. Чуповского.

В соответствии с Уставом от 16 декабря 1903 г. созданное общество получило название Славяно-македонского научно-литературного дружарства им. свв. Кирилла и Мефодия. Первейшими задачами общества значились следующие:

- а) Развивать между Македонской колонией в С.-Петербурге национальное самосознание;
- б) Изучать язык, песни, обычаи и историю Македонии в этнографическом и географическом отношениях;
- в) Примирять и объединять всех македонцев, без учета уровня их образования во имя единства их родины;
- г) Популяризировать все вышесказанное между македонцами в Македонии и за границей».

Особо выделялось, что «разговор в Другарстве будет вестись на македонском языке (Славяно-Македонском); рефераты и протоколы будут писаться опять на том же языке».

Первый временный председатель Другарства Д. Мишайков вернулся в Македонию, а во главе общества в декабре 1903 г. стал Дмитрий Чуповский.

Значительно раньше Чуповский занялся подготовкой учебника македонского языка для школ Македонии. Его коллеги готовили доклады, вели пропагандистскую работу. Заседания Другарства проходили еженедельно. Сам Чуповский в конце 1903 г. прочел программный доклад «О вековой национальной самобытности Македонских Славян». Члены Другарства выходят в Петербурге на контакты с австро-венгерским и турецким посольствами. Есть сведения, что Чуповский имел личные встречи с первым секретарем турецкого посольства. На них он отмечал, что македонцы хотят избавиться от произвола сербов, болгар и греков и мирно жить под покровительством султана. Чуповский с ведома турецких властей выехал в Македонию для ведения пропаганды на месте.

Деятельность Другарства, взявшего лозунг «Македония для македонцев», подразумевавший в данном случае политический и национальный сепаратизм, не могла не раздражать политические и общественные круги Болгарии¹. Болгарами были перехвачены письма Чуповского, и в Македонии уже знали о его приезде. Чуповский под угрозами смерти со стороны членов ВМРО² (как ранее и один из основателей Другарства К. Мисирков) был вынужден бежать из Македонии в 1905 г., где он успел провести три месяца, пытаясь подготовить открытие особых македонских школ. Многие члены самого Другарства резко выступили против его деятельности. Например, один из основателей — Х. Шалдев.

Известная коммерческая оборотистость и балканская смекалка приходят на помощь Чуповскому, когда, изгнанный из Македонии, бросивший Духовную академию (т. е. оказавшись без стипендии), он остается без каких-либо средств для продолжения своей работы по формированию в России организации выходцев из Македонии. Ведь денег от переводов и частных уроков на это явно не хватит. Он находит выход, женившись на «сироте с приданым». Он обеспечивает себе законность дальнейшего пребывания в России и, кроме того, открывает в столице некое подобие биржи труда под названием «Трудовой посредник». Его контора через два года после открытия станет самой крупной из себе подобных

в Петербурге. Более того, он открывает банк и Торгово-промышленное общество. В 1909—1910 гг. он издает журнал «Деловой Петербург». Его брат Наце Димов становится известным нотариусом и юридическим представителем. Теперь Чуповский преуспевающий коммерсант, принадлежащий к достаточно высоким кругам общества.

А тем временем Болгария, Сербия и Греция вели подготовку к войне с Турцией. Дошедшие до Чуповского и его сторонников слухи о договоренности балканских монархий не могли не вызвать у них беспокойства по поводу возможного раздела Македонии, этого балканского «яблока раздора».

Непосредственно перед началом Первой балканской войны Д. Чуповский и Н. Димов выступили с меморандумом, где говорилось: «Да, положение критическое: в Македонии пахнет смертью. Единственное спасение нашего дела, нашей независимости, а вместе с тем и спасение Европы от войны — это вмешательство России, но не в виде поддержки Славянского союза против Турции, а моральная поддержка Македонии, быстрое и решительное давление на Турцию для неотложного проведения реформ в Македонии. Это моральное давление спасет дело, устранив нависший призрак войны... Сама победа Славянского союза, если она будет реализована, совершенно нежелательна со славянской точки зрения, потому что она будет панихидой над потомками Кирилла и Мефодия: Македонию разделят на три части, и это будет временный триумф над ее телом, но никто не будет доволен: придется воевать с соделителями, и не будет белого дня для славян. Если Россия окажет поддержку Славянскому союзу, что маловероятно, тогда результатом, несомненно, будет европейская война и раздел Македонии». Не будем рассуждать, «что было бы, если бы...» Однако при известной путаности мыслей Чуповского и Нацева в одном они оказались правы: Македония была разделена и новая Балканская война не заставила себя ждать.

А пока шла Первая Балканская, и Дмитрий Чуповский в ноябре 1912 г. прибыл в Софию. Он провел встречи с рядом выходцев из Македонии, оказавшихся в столице Болгарии, в декабре приехал в Скопье, а потом в Велес, где пытался организовать некое «общемакедонское» совещание и направить на Лондонскую конференцию депутатов. Планы Чуповского провалились, и в декабре 1912 г. он покинул Македонию. Больше свою родину ему увидеть было не суждено.

Вновь оказавшись в России, он опубликовал 27 января 1913 г. в газете «Гражданин» статью, в которой, в частности, говорил: «Теперь, когда дело освобождения Македонии закончено, т. е. турецкая власть изгнана, а взамен ее союзники положили свою, оккупационную власть, теперь вид на будущее Македонии кажется еще мрачнее и печальнее, чем было прежде. Из обращения оккупационной власти с македонским населением ясно видно, что последнее свое иго Македония променяла на еще худшее, не только политическое, но и духовное, притом тройственное. В занятых союзниками областях Македонии положение сделалось невыносимо тяжелым. Еще мир с Турцией не заключен, а оккупационные власти драконовскими мерами добиваются от населения измены своей национальности, своему имени и своим заветам, во имя которых этот народ добивался свободы. Чтобы все чинимое теперь над македонским народом насилие не могло сделаться достоянием независимой европейской прессы и этим самым не вызвало негодования общества к мнимым освободителям, оккупационные власти прибегают к таким мерам, каких не знала еще история: все население обречено на положение ссыльных, без права выезда не только за границы Македонии, но и переезда из одного города в другой».

Статья заканчивалась предсказанием приближения новой войны: «Не лучше обстоит дело и с союзными оккупационными властями. Между болгарам и греками уже происходили открыто столкновения из-за городов Солуни, Драмы, Кавалы и других населенных пунктов Македонии. То же самое происходит между болгарам и сербам из-за Битола, Охрида, Прилепа, Велеса и других городов. От междоусобной войны союзников удержит только одно — заключение мира с Турцией. А поэтому, во избежание тех печальных последствий, которые могут опозорить лучшие порывы участников войны, пусть балканские союзники предоставят Македонии право самоуправления и, предупредив этим дальнейшее взаимное соперничество, пусть создадут единственно прочные основания для продолжительного существования союза. Внутренние междуславянские раздоры для балканских государств более опасны, чем козни их многочисленных внешних врагов. Иго родного брата для Македонии будет так же тягостно, как и иго инородца или иноверца».

И македонская колония в России заявила о том, что она становится представительницей Македонии на международной арене. 1 марта 1913 г. она опубликовала «Меморандум о независимости Македонии», который

был послан министру иностранных дел Великобритании Э. Грею и на проходившую мирную конференцию в Лондон. Текст «Меморандума» был напечатан во многих русских газетах, с ним ознакомились отдельные думские депутаты. Среди прочего в «Меморандуме» особо отмечалось: «1. Македонская колония в С.-Петербурге, исполняя священный долг перед своей родиной и сознательно исповедуя девиз “Македония для македонцев”, протестует и не может оставаться равнодушной, когда союзные Балканские Державы (Болгария, Сербия, Греция) — наши братья по крови и вере — собираются расчленить нашу родину... 2. Для македонского народа требуется, чтобы Македония в ее географических, этнографических, исторических и экономическо-культурных границах осталась единым, неделимым, независимым Балканским государством». Д. Чуповский составил карту Македонии, которая была опубликована в конце марта 1913 г. под названием «Карта Македонии по программе македонских народников» и с подписью «Издан в Петербурге в 1913 г. Д. Д. Павле-Чуповский». Карта была направлена вместе с «Меморандумом» на Лондонскую конференцию, иностранным дипломатическим представителям в С.-Петербурге, видным общественным и политическим деятелям. Карта была помещена на обложке первого номера издаваемого Д. Чуповским печатного органа «Македонский голос». В марте Чуповский написал статью (ее напечатала газета «Славянин» в апреле 1913 г.) «Македонское государство», где старался обосновать с исторической точки зрения право македонцев как совершенно самостоятельной славянской нации на свое независимое государство. Он писал: «Когда называют население Македонии болгарским, сербским или греческим, то всегда за такого рода утверждением стоит человек той национальности, которую он македонцам приписывает». И главное: «Исторически Македония является таким же равноправным членом балканских народов, как и Болгария, Сербия и другие. Она, подобно этим народам, имела и политическую независимость, причем эпоха расцвета, македонский “золотой век” был в царствование царя Самуила (X—XI вв.), т. е. тогда, когда некоторые балканские государства даже еще не организовались. До самого появления турок Македония являлась отдельным государством... Что же касается лишения независимости Македонии, то и болгары, и сербы завоевывали ее, но не в цельном виде, а частями, и владели ею только в течение каких-нибудь нескольких десятков лет [...]. Независимость Македонии будет буфером между соперничающими балканскими государствами.

Она перестанет быть тем яблоком раздора, в борьбе за которое не одно государство сокрушило свое бывшее величие. Соперничество это и теперь достаточно сильно: панэллинская идея исключает великоболгарскую, а та и другая — не признают великосербской. Балканский полуостров слишком невелик для того, чтобы на нем могло мирно ужиться несколько великодержавных идей. Только федеративное государство, состоящее из всех балканских народов, в которое должна входить на равных правах и неделимая, самостоятельная во внутренних своих делах Македония, только такая федерация может упрочить мирное сожитие и прогресс балканских народов. Мы верим, что так и будет, но... больно, если до этого убеждения дойдут только путем новых, кровавых жертв!» В статье «Македония и македонцы» (опубликованной в первом номере «Македонского голоса» в июне 1913 г.) Чуповский писал: «Македонские славяне поселились на территории, занимаемой ими до сих пор, еще в первые века христианской эры и не покидали ее, несмотря на все превратности и невзгоды (...) В X веке могущество македонского государства настолько возросло, что в царствование царя Самуила (976—1014 гг.) Македония владела большей частью Сербии, Болгарии, Эпира и Албания». Таким образом, Чуповский предлагает в этих статьях свою концепцию балканской истории*. Чуповский, безусловно, стремился создать то, что принято называть «национальной программой». Это и есть македонская национальная программа. Но все-таки Чуповский создает подобие «великомакедонской идеи» в противовес другим «великобалканским» (при этом старается закамouflировать ее в «федеративную идею»).

Статьи вызвали горячую полемику, так же, как и опубликованные в апреле—мае 1913 г. статьи «Мать и мачеха», «Болгария и Македония», «Македония и Сербия», в которых Чуповский предупреждал: «Если союзники не хотят, чтобы на Балканах вспыхнул новый еще более сильный пожар, если они не хотят братоубийственной кровавой войны, которая — к сожалению! — так близка между ними, если они не хотят один за другим стать добычей Австрии, — для этого существует только одно средство: неделимая, независимая Македония должна на равных правах с другими государствами войти в мощную Балканскую Федерацию».

* Она не совсем нова. Еще в начале XX в. на страницах русской печати с подобными взглядами выступил русский публицист Н.Н. Дурново (не путать с известным русским историком и филологом, также писавшим о Балканах, Н.Н. Дурново (1876—1937)).

Возмущенный молчанием македонских общественных деятелей в самой Македонии в отношении ее раздела, Чуповский в июне 1913 г. пишет в г. Скопье митрополиту: «Почему нет местных представителей, выразителей истинных пожеланий македонцев перед европейскими державами и Россией? Ведь теперь самый удобный и последний момент, когда голос македонцев может быть услышан. Где же теперь те народолюбцы, та внутренняя организация, у которых всегда девизом было “Македония для македонцев”? Почему не выступают с протестом против прежних союзников, а теперь врагов македонской независимости? Или, быть может, они все еще верят могуществу и бескорыстию Болгарии? Ведь она-то именно первой и посягнула на целостность Македонии... Неужели не пора теперь открыть глаза перед горькой истиной и выступить на ее защиту? Ведь Вы там на месте, у Вас власть, Вам доверие, с Вас, представителей народа, больше всего и взыщется».

7 мая 1913 г. петербургский градоначальник выдал разрешение за № 3924 на издание газеты «Македонский голос» на русском языке по следующей программе: 1) статьи по вопросам внешней политики, истории, науки, искусства и литературы, 2) хроника, 3) фельетоны, 4) рассказы и стихи, 5) обзор русской и иностранной печати, 6) библиография, 7) рисунки и портреты, 8) справочный отдел, 9) объявления. Издатель газеты — Д. Чуповский. Первый номер издания вышел в свет 9 июня 1913 г.

Статьи Чуповского находили довольно живой отклик в русской печати: македонский вопрос тогда широко дискутировался в самых разных сферах русского общества. Опубликованные в «Македонском голосе» «Меморандумы македонцев» получили отклики и в Государственной думе. Отреагировал сербский дипломатический представитель в Российской империи М. Спалайкович. Он предлагал сербскому правительству не поднимать в обществе шум вокруг агитации «Македонского голоса», чтобы не подпитывать дискуссию об автономии Македонии. После выхода в свет восьмого номера Спалайкович предпринимает ряд шагов в Петербурге, чтобы воспрепятствовать основанию Русско-македонского благотворительного общества, приостановить издание «Македонского голоса» и принять меры в отношении Чуповского «за ложь и оскорбления». Спалайкович указал, что группирующиеся вокруг издания лица — чуждые агенты, поддерживающие связи с врагами Сербии и стремящиеся по примеру автономной Албании создать автономную Македонию. Однако Чуповский все же получил новое «Свидетельство» для про-

должения издания (но уже с другим ответственным редактором). И тут же было опубликовано несколько антисербских и проалбанских статей. Остро отозвалось «Новое время». С резкими откликами выступили белградские газеты. Издание было приостановлено. Следующий десятый номер вышел уже в августе 1914 г.

После того как не удалось зарегистрировать Славяно-македонское национально-просветительное общество, македонцы предприняли в Петербурге новую попытку добиться официального признания национальной организации. Они решили пойти по пути Русско-черногорского благотворительного общества. И 26 ноября 1913 г. «потомственный дворянин Леон Михайлович Шах-Паронианц, турецкий подданный Димосын Димо Павле Чуповский и коллежский советник Василий Михайлович Смелков» подали петербургскому градоначальнику заявление с просьбой зарегистрировать по прилагаемому к заявлению уставу «Русско-македонское благотворительное общество имени свв. Кирилла и Мефодия». Цель общества формулировалась следующим образом: «Оказание материальной и нравственной помощи македонским славянам и содействие духовному их общению с Россией».

20 декабря 1913 г. С.-Петербургское особое городское по делам об обществах присутствие вынесло решение: «Заявление о регистрации «Русско-македонского благотворительного общества имени свв. Кирилла и Мефодия» оставить без рассмотрения, ввиду того что учредители общества не представили... надлежащего разрешения о присвоении обществу наименования свв. Кирилла и Мефодия».

Святейший Синод на прошение, поданное 7 января 1914 г. Д. Чуповским о разрешении присвоить Обществу просимое наименование, ответил следующее: «Обсудив настоящее ходатайство и не имея уверенности, чтобы названные лица, выступающие в качестве учредителей означенного общества, могли направить его по пути, согласно с заветами свв. первоучителей славянских Кирилла и Мефодия, Святейший синод не находит возможным изъявить свое согласие на присвоение означенному обществу имени свв. Кирилла и Мефодия, почему определяет: вышеприведенное прошение оставить без последствий...»

26 апреля 1914 г. Чуповский и его коллеги подали петербургскому градоначальнику новое заявление с просьбой разрешить открыть Общество без присвоения ему имени «святых первоучителей славянских». 1 мая 1914 г. Шах-Паронианц получил экземпляр устава Общества для исправ-

ления... Но наступило лето 1914 г. Сараевское убийство, австро-венгерский ультиматум Сербии, начало войны...

Итак, спасая Сербию, Россия вступила в войну. После того как главнокомандующий русской армией великий князь Николай Николаевич призвал поляков присоединиться к России в борьбе против Германии, пообещав, что после победы польский народ будет объединен, свободен в вере, языке и самоуправлении, хоть и под скипетром русского царя, у македонцев, проживающих в России, появилось новое поле для маневра. Македонцы составили Меморандум к русскому правительству. Там имелись и такие слова: «К счастью нашему, Бухарестский договор оказался недолговечным, а для нашей родины, Македонии, снова настали времена светлых ожиданий». В Меморандуме предлагалось отобрать у Сербии, Болгарии и Греции все македонские земли, составлявшие три бывших македонских вилайета, и создать из них новое славянское, полностью независимое балканское Королевство Македония, во главе которого стоял бы один из великих князей из русского императорского дома «по высочайшему выбору Его Императорского Величества Государя Императора». Взамен отобранных македонских земель Сербия могла бы получить в качестве компенсации Боснию и Герцеговину, Греция — Эпир, а Болгария — Добруджу или Фракию. И в завершение говорилось: «С образованием в сердце Балканского полуострова и на границах Болгарии, Сербии, Черногории, Албании и Греции независимого Македонского королевства во главе с королем из Российского Императорского Дома завершится освобождение Россией всех балканских народов и может начаться объединение всех балканских православных земель под скипетром Балканской ветви Императорской династии Романовых». Если с этим «Меморандумом» и ознакомились в официальных кругах, то в лучшем случае он, наверное, вызвал горькую усмешку.

В ноябре 1914 г. вышел одиннадцатый, последний номер «Македонского голоса». Македонская колония в поисках почвы для дальнейшей деятельности обратилась к существующим русским обществам. Так, были налажены контакты с Обществом помощи начинающим литераторам, артистам, художникам и ученым в Петрограде. 1 марта 1915 г. на общем собрании Общества «кандидат богословия Петроградской духовной академии» Д. Чуповский был избран заместителем председателя Совета общества.

В Петроград с фронта прибывало множество раненых бойцов. Общество организует небольшую больницу в четырех комнатах в частном доме — Славянский лазарет. Среди «представителей славянских народностей» присутствовал и «македонец Чуповский». В документах Общества Чуповский значился «турецким подданным». Это якобы послужило одним из поводов закрытия упомянутой организации. Но Чуповский продолжал оставаться членом Общества славянской взаимности.

Революционные потрясения 1917 г. заставляют Чуповского вновь изменить тактику. За его подписью и от имени Македонского революционного комитета, Македонского другарства и редакции «Македонского голоса» 18 июня (1 июля) 1917 г. газета «Новая жизнь» публикует документ под названием «Балканская Федеративная Демократическая Республика». Его содержание можно свести к лозунгам «Балканы для балканских народов. Полное самоопределение каждой нации». Пунктом № 4 значилось: «В состав Балканской Федеративной Демократической Республики входят следующие республики: Македонская, Албанская, Черногорская, Греческая, Сербская, Болгарская, Хорватская, Босно-Герцеговинская, Словенская и Фракийская».

О событиях октября 1917 г. Чуповский писал в автобиографии (в 1933 г.): «Октябрьскую революцию я провел в Ленинграде, будучи ее ревностным сторонником. В это время мы, македонские эмигранты, разработали и опубликовали ряд воззваний к балканским народам о низвержении всех существующих на полуострове династий и установлении Балканской Федеративной Демократической Республики во главе с советом».

Революция была безжалостна к бывшему коммерсанту. Чуповский сменил изрядное количество мест работы — от начальника небольшого производства до агента по подписке в издательстве «Ленинградская правда». Перед выходом на пенсию в 1933 г. он работал завхозом школы.

До 1932 г. он оставался турецким подданным. Наконец он получил советское гражданство, но уже в 1934 г. был его лишен, как и избирательного права. Причиной тому послужило его прошлое — владение книгоиздательством, комиссионной конторой. Домом № 10 (в котором он проживал с семьей) по Обводному каналу он владел вплоть до 1934 г. Турецким подданным Чуповский оставался до самой смерти. Только в 1946 г. его жена и сын получили советское гражданство.

Умер Чуповский за письменным столом 29 октября 1940 г. До последних дней он работал с книгами и писал. Во время бомбежки в 1942 г. большая часть его архива сгорела.

Он был похоронен на Никольском кладбище. Спустя полвека — 29 октября 1990 г. — македонский народ с почестями перенес останки Дмитрия Чуповского на особую аллею Городского кладбища в столице независимой Македонии городе Скопье. На могиле надпись: «Борец за права и свободу македонского народа».

Библиография

1. *Ристовски Б.* Димитрија Чуповски. Скопје, 1978.
2. *Ристовский Б.* Дмитрий Чуповский и македонское национальное сознание. М., 1999.
3. *Струкова К. Л.* К вопросу о деятельности македонской интеллигенции в России в начале XX в. // Славянский архив. М., 1963. С.184—186.

Примечания

¹ На Константинопольской конференции послов великих держав в 1876 г. был принят ряд решений, носивших рекомендательный характер, обращенных к Турции. Одно из них — о создании двух автономных болгарских областей: восточной и западной. В состав последней должна была входить Македония. Но Турция проект отклонила. По Сан-Стефанскому прелиминарному мирному договору, заключенному 19 февраля (3 марта) 1878 г., в состав автономного Болгарского княжества вошла большая часть Македонии. На Берлинском конгрессе великих держав договор был подвергнут пересмотру. В результате, македонские земли остались в рамках Османской империи. По условиям Берлинского договора, подписанного на Конгрессе 1/13 июля 1878 г., Турция должна была провести в европейских вилайетах (т. е. и в Македонии) определенные реформы. В частности, статья 23 Договора указывала: «Блистательная Порта обязуется ввести добросовестно на острове Крите органический устав 1868 г. с изменениями, которые будут признаны справедливыми. Подобные же уставы, примененные к местным потребностям, за исключением, однако, из них льгот в податях, предоставленных Криту, будут также введены и в других частях Европейской Турции, для коих особое административное устройство не предусмотрено настоящим трактатом». «Сан-Стефанская (или «Великая») Болгария», с Македонией в своем составе, являлась целью и идеалом внешней политики болгарских правительств.

²В октябре 1893 г. в Салониках (Солуни) были заложены основы Внутренней македонской революционной организации (ВМРО). После долгих дискуссий целью организации было провозглашено «осуществление Берлинского договора», т. е. реализация его 23-й статьи. В первые месяцы 1894 г. цель была конкретизирована — достижение автономии Македонии. Один из основателей ВМРО Х. Татарчев вспоминал, что они не могли провозгласить её целью «непосредственное присоединение Македонии к Болгарии», так как осознавали, что это вызовет множество дополнительных осложнений из-за противодействия великих держав и амбиций соседних государств. Они решили, что автономной Македонии в будущем будет проще объединиться с Болгарией, а если это станет недостижимым, то Македония «может послужить объединительным звеном федерации балканских народов». До 1896 г. организация, созданная в Солуни носила название Македонской революционной организации, затем, по 1902 г. называлась Болгарские македонско-одринские (т. е. Адрианопольские, по названию Адрианопольского вилайета (провинции) в Турции) революционные комитеты, с 1902 г. по 1905 г. — Тайная македонско-одринская революционная организация, а в 1905 г. получила название «Внутренняя македонско-одринская революционная организация» (ВМОРО). Заподозренные в предательстве, а порой и просто «бесполезные» для организации лица преследовались вплоть до физического уничтожения. (*Пандев К.* Националноосвободителни борби на България в Македония и Одринско след Берлинския конгрес от 1878 // *Борбите в Македония и Одринско. 1878—1912. Спомени.* София, 1981. С. 9; *Он же.* Национално освободително движение в Македония и Одринско. 1878—1903. София, 1979. С. 67—70; *Силянов Х.* Освободителните борби на Македония. София, 1983. Т. 1. С. 39—40. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 180. Д. 2021. Л. 189об—190).

Н. Учаева,

Саратовский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского

Македония в период Балканских войн 1912—1913 годов глазами российских представителей

Балканские войны 1912—1913 гг. стали событиями мирового масштаба. Значение их определяется не только ликвидацией остатков османского владычества над народами Балкан, но и территориальным переделом полуострова, произведенным при минимальном вмешательстве европейских держав.

Предметом Балканского кризиса 1912—1913 гг. явилась Македония. Под лозунгами ее освобождения от османского гнета осенью 1912 г. началась Первая Балканская война, когда Сербия, Болгария, Греция и Черногория, объединенные в союз, выступили против Турции. Однако именно отвоєванные македонские земли стали настоящим яблоком раздора между союзниками, что в конечном итоге привело в 1913 г. к возникновению в регионе нового вооруженного конфликта.

Россия, с давних пор считавшая Балканский полуостров сферой приложения своих интересов, не могла недооценивать дестабилизирующую роль македонского фактора, как в регионе в целом, так и в отношениях между балканскими государствами в частности, и пристально следила за ситуацией в самой Македонии.

На сегодняшний день существует определенное количество работ, в которых в большей или меньшей степени рассматривается вопрос о положении в Македонии в период Балканских войн 1912—1913 гг. Этой теме касался ряд македонских (югославских)¹, болгарских², западноевропейских ученых³. Однако «закрытые» по политическим причинам материалы российских архивов по македонской проблематике, ставшие доступными для исследователей только в 1990-е годы, в данных работах практически не использовались.

В связи с этим целью настоящей статьи является попытка выяснить отношение российских военных и дипломатов к событиям, происходившим в Македонии в период Балканских войн 1912—1913 гг.

Основную часть источников статьи составили неопубликованные ранее архивные документы, а именно сводки сообщений, донесения, секретные телеграммы русских военных агентов, посланников в балканских столицах, консулов. Содержащаяся в них информация позволяет судить о восприятии македонской действительности в рассматриваемый период, в определенной степени дополняя или уточняя уже известные данные, а разноплановость документов, различная степень субъективности в изложении способствуют созданию мозаичности общей картины.

Как известно, Балканский союз, окончательно сложившийся летом 1912 г. во многом благодаря усилиям российской дипломатии, в значительной мере отражал и собственные устремления балканских стран. Слабость Османской империи, в полной мере обнаружившаяся с началом итало-турецкой войны в октябре 1911 г., а также во время албанского восстания лета 1912 г., стала мощным стимулом к сближению балканских стран в их стремлении покончить с многовековым турецким господством и решить свои национально-государственные задачи путем расширения территории за счет Турции. Идея военных захватов, послужившая основой Балканского блока, отражала давний интерес Болгарии, Сербии и Греции к македонским землям, хотя и была завуалирована лозунгом борьбы за македонскую автономию.

Несмотря на активное участие России в деле создания блока балканских государств, она не была заинтересована в военном конфликте в регионе. Попытки умиротворения сторон с целью не допустить обострения ситуации и возникновения войны не только регионального масштаба, потерпели неудачу. Отказ Порты удовлетворить требования союзников о проведении кардинальных реформ в Македонии открыл путь к вооруженному столкновению. Война Балканского союза против Турции, вошедшая в историю как Первая Балканская, началась 5 (18) октября 1912 г., когда в военные действия, вслед за Черногорией, вступили Болгария, Сербия и Греция⁴.

Не сумев предупредить войну, всерьез опасаясь негативного для балканских армий исхода военных действий, Россия сконцентрировала свои усилия на локализации конфликта. Идея коллективного вмешательства великих держав после первого же решающего сражения требовала пристального наблюдения за развитием событий на балканских фронтах — Фракийском (юго-восточное направление) и Македонском (юго-запад-

ное). Поэтому вполне естественно, что вначале главной темой в сообщениях, как военных, так и дипломатов становится ход военных действий.

Необходимо отметить, что Македонский фронт, согласно договоренностям между генеральными штабами союзников, изначально имел второстепенное значение. Однако, по общему мнению российских представителей, с самого начала войны события здесь развивались не менее стремительно, чем во Фракии, где основным турецким силам противостояли болгарские войска⁵. Согласно утвержденным планам, в Македонии действовали сербская, небольшая часть болгарской и греческая армии.

Очевидно, что предметом наиболее пристального внимания стали действия сербов, на долю которых выпала основная тяжесть сражений в Македонии. Российские военные агенты и дипломаты практически ежедневно сообщали об успешном взятии сербскими войсками «важных позиций» в северо-западной и центральной Македонии⁶.

Более подробные, детальные сведения сообщались в связи с одержанными сербами на Македонском фронте крупными победами. Первой и одной из наиболее значимых стала битва при Куманово 10—11 (23—24) октября 1912 г., когда наголову была разбита Вардарская армия турок. Военный агент в Сербии В. Артамонов сообщал о фактах беспорядочного отступления турецких частей, о растущем дезертирстве, а также большом количестве захваченных сербами трофеев и взятых в плен турецких солдат и офицеров⁷.

Победа сербских войск при Куманово, деморализовавшая и расстроившая турецкие части, способствовала взятию без боя г. Скопье (Ускюба). Указывая на важное значение данного события, русский посланник в Сербии Н. Гартвиг отмечал, что «взятие без выстрела» этого города явилось «следствием блестящей победы, одержанной сербами под Кумановым»⁸. Многочисленные детали эпизодов, связанных со сдачей Скопье, сообщал в своем подробном донесении и генеральный консул в городе Н. Калмыков⁹.

Анализируя действия сербских армий в целом, российские военные агенты и дипломаты единодушно выражали восхищение весьма высоким уровнем организации и проведения боевых операций¹⁰.

Совсем иные эмоции вызывало развитие событий в южной части Македонии. Большую обеспокоенность российских представителей вызывал так называемый Салоникский инцидент, вспыхнувший из-за того, что греческим войскам удалось занять город буквально на несколько ча-

сов раньше болгар. Сообщая о возникших «пререканиях на почве разграничения занятой территории», растущем «раздражении» в отношениях между союзниками российские представители в Софии и Афинах видели в сложившейся ситуации серьезную угрозу для будущности Балканского блока в целом¹¹.

Необходимо отметить, что военные действия на Македонском фронте, где союзническим армиям противостояли ограниченные по численности и плохо вооруженные турецкие войска, завершились гораздо раньше, чем во Фракии, практически уже к концу первого месяца с начала войны.

Освободив территорию Македонии от османской власти, союзники приступили к установлению нового управления на занятых землях. При этом восточная часть Македонии оказалась оккупирована Болгарией, северо-западная и центральная — Сербией, южная часть — Грецией. Существовали также и спорные зоны двойного или тройного condominium (как, например, в Салониках, где была установлена отдельно греческая и отдельно болгарская власть)¹².

Освещая процесс становления новой власти в Македонии, российские представители придавали важное значение вопросу об отношении самого населения края к происходящим переменам.

В связи с этим, прежде всего, отмечалось огромное воодушевление, с которым славянское и христианское население Македонии восприняло известия о самой войне, начавшейся под лозунгами за его освобождение от почти пятивекового османского гнета. Стремясь оказать посильную помощь, многочисленные добровольцы из Македонии воевали в составе армий Балканского союза. Военный агент в Болгарии полковник Г. Романовский, в частности, сообщал о дивизии, воевавшей во Фракии, которая была полностью «сформирована из македонцев»¹³. Как нередкое явление в сводках донесений упоминаются факты саботажа со стороны македонских славян и христиан, которые «отказывались выдавать туркам продовольствие, предпочитая жечь его...»¹⁴

По общим наблюдениям российских дипломатов, первоначальная реакция населения на установление новой власти в целом была более, чем положительной. К примеру, по словам посланника в Афинах Е. Демидова, греческие войска были встречены, как освободители, с «нескрываемым восторгом», а установление греческого гражданского управления приветствовалось «со знаками неопишуемой радости»¹⁵. Генеральный

консул в Ускюбе Н. Калмыков сообщал аналогичные сведения по отношению к сербам: «Восторг народа, освобожденного после 500 лет мусульманского ига, не имел границ. Многие просто обезумели от радости»¹⁶.

Казалось, с ликвидацией османского владычества на территории Македонии национальный гнет должен был навсегда кануть в прошлое. Однако дальнейшее развитие событий в крае заставило всерьез задуматься об иллюзорности подобных настроений.

Первым тревожным сигналом стала ситуация с местными мусульманами (турками и албанцами), «беззащитное положение» которых вызвало официальный протест турецкого правительства против «жестокостей, совершенных... войсками союзных балканских государств над населением занятых ими турецких областей»¹⁷. Данный инцидент, получивший международную огласку, будучи напрямую связанным с репутацией участников Балканского союза, стал отдельной темой в сообщениях российских представителей.

Донесения российских посланников в балканских столицах дают достаточно ясное представление о позиции балканских государств в этом вопросе, которые не признавая предъявленных им обвинений в жестокостях по отношению к мусульманам, заявляли о «лживости» подобных утверждений¹⁸.

Мнения русских дипломатов в данном вопросе не отличались единством. К примеру, Н. Гартвиг встал на сторону сербов, заявив, что подобные обвинения представляются ему «мало обоснованными»¹⁹. Учитывая то обстоятельство, что международная комиссия фонда Карнеги в своем докладе о положении Македонии в период Балканских войн 1912—1913 гг. позже полностью подтвердила многочисленные факты жестокостей по отношению к мусульманам²⁰, позиция русского посланника в сербской столице представляется в значительной степени пристрастной. Более взвешенными и осторожными выглядят суждения посланника в Софии А. Неклюдова. Пытаясь разобраться в ситуации, он приходил к выводу, что «без европейского рассмотрения невозможно узнать, где правда»²¹.

По мере развития событий становилось очевидным, что различные проявления насилия со стороны новых властей в Македонии коснулись не только мусульман. Главной темой в сообщениях с Балкан становится непосредственно положение славянского и христианского населения под властью его освободителей. При этом стержневым моментом являлся

вопрос о наличии и степени проявления национального гнета в занятых сербами, болгарами и греками частях Македонии.

В этом плане наименьшее количество донесений относится к болгарскому управлению. Возможно, это было обусловлено тем, что в ходе военных действий болгарские войска заняли в основном те македонские земли, население которых еще до войны с Турцией находилось под воздействием болгарской пропаганды.

Значительно больше данных о фактах проявления национального гнета имеется относительно территорий, занятых сербами и греками. Причем, если действия греческих властей в Македонии вызывали у русских представителей однозначно негативные оценки (консулы, к примеру, сообщали обо всех «тяготах греческого режима», о «громких жалобах» на жестокое угнетение, «беспрерывно» доходящих из оккупированной греками земель²²), то восприятие положения в сербской части края выглядело более сложным.

Рассматривая донесения, касающиеся ситуации в сербской Македонии, можно отметить наличие, как однозначных (положительных или отрицательных) характеристик, так и оценок, авторы которых стремились к достижению наибольшей беспристрастности в освещении происходящего. Естественно, степень объективности или пристрастности в изложении не в последнюю очередь зависела от дальности расположения присутственного места дипломата.

Русским посланникам, аккредитованным в балканских государствах и практически не выезжавших из их столиц, было довольно сложно издалека составить взвешенное и объективное суждение о происходящем на территории Македонии. Кроме того, позиция правительства страны пребывания, ее общественное мнение порой также оказывали определенное воздействие.

В связи с этим можно привести мнения русских посланников в Сербии и Болгарии относительно положения славянского населения в занятых сербами областях. К примеру, пребывающий в Белграде Н. Гартвинг полностью разделял мнение главы сербского правительства Н. Пашича о том, что только благодаря установлению Сербией гражданского и судебного порядка в Македонии «воцарилось небывалое... спокойствие» и местное население без различия веры и национальности «благодарит своих освободителей». Сам же он отмечал «необычайное доверие и симпатии», которые, по его словам, успели снискать себе сербские

власти у местного населения²³. Содержание донесений его коллеги из Софии А. Неклюдова, напротив, производит скорее негативное впечатление, так как он неоднократно сообщал о многочисленных беженцах из сербской части Македонии, жаловавшихся на сильные проявления национального гнета²⁴.

Наиболее объективными и, следовательно, более ценными в данном случае представляются факты, сообщенные консулами. Находясь непосредственно на территории Македонии, они имели больше возможностей судить беспристрастно о македонской действительности. Так, например, глава русского консульства в Битоли (Монастыре) Н. Кохманский в своих донесениях старался учесть, как отрицательные, так и положительные моменты в действиях сербских властей.

С одной стороны, его явную критику вызвали, например, экономические нововведения в Битолийском округе, породившие, по его оценке, сильное недовольство местного населения. По мнению дипломата, представители сербского управления, «руководимые лишь соображениями фискального характера, создали почти безвыходное положение...»²⁵

Не замалчивая факты политики сербизации, Кохманский сообщал также о «приходящих с разных сторон» жалобах населения на сербских чиновников, которые «при составлении списков, усердствуют всех помечать сербами, и окончания имен всем производить на «ич»²⁶. Писал о преследованиях, «обострившихся до последней степени», которым подвергались со стороны местных сербских властей «болгары экзархисты во главе с их митрополитом»²⁷.

С другой стороны, он же говорил и об определенной «терпимости» сербов по отношению к подчиненному населению, полагая, что переход македонских славян под их управление в силу общеславянского родства будет все-таки более «легким», чем, например, под власть греков, где им приходится сталкиваться «с чуждым ...бытом и языком»²⁸.

Обострившиеся до предела противоречия между участниками Балканского союза из-за разграничения македонской территории привели к началу Второй Балканской, или Межсоюзнической, войны. 16 (30) июня 1913 г. Болгария, стремясь опередить своих бывших союзников, первой напала на них. Балканский блок, на который России возлагала особые надежды, перестал существовать.

«Бесперывные бои» между союзниками на македонской линии фронта наводили российских представителей на мысль об «ужасной

и бесцельной резне»²⁹. Отмечая «страшное озлобление» между союзниками, они акцентировали внимание на одинаково жестоком отношении воюющих сторон к мирному населению края. В связи с этим, сообщая, например, о свидетельствах многочисленных беженцев из Македонии, рассказывавших «ужасы про жестокости греческих войск», приходили к заключению, что «и болгары, по всему вероятно, действовали не лучше»³⁰.

28 июля (10 августа) 1913 г. в Бухаресте состоялось подписание мирного договора, завершившего Балканские войны. Согласно данному акту, Болгария, как и побежденная сторона, потеряла значительную часть недавно завоеванной территории. Вся Македония, за исключением Пиринского края, переходила в руки победителей — Сербии и Греции. Сербия получила Вардарскую Македонию, а Греция — Эгейскую с портами Салоники и Кавала.

Сообщая о положении населения в Македонии после подписания Бухарестского мира, российские представители приходили к общему мнению, что ситуация в общем не только не изменилась в лучшую сторону, но и во многом усугубилась, как например, в греческой части, где «притеснения и преследования славянского населения», «проявления национальной нетерпимости и произвола» стали «планомерной системой, распространившейся на всю греческую Македонию и направлявшейся из единого общего центра»³¹.

Таким образом, рассмотренные выше документы позволяют сделать следующий вывод. В отношении российских представителей к происходящему в Македонии во время Балканских войн 1912—1913 гг. можно наблюдать довольно быстрый переход от положительных эмоций, связанных с победами участников Балканского союза, приведшими к освобождению населения края от многовекового турецкого гнета, к негативным. Последние подкреплялись осознанием того, что, по сути своей, положение македонских славян под властью их освободителей не только не улучшилось, но даже в определенной степени ухудшилось, а Балканские войны 1912—1913 гг. в целом стали трагической страницей в истории Македонии.

Документальные свидетельства российских дипломатов, данные с учетом различной степени их осведомленности и личной пристрастности, позволяют говорить о том, что даже в ходе Первой Балканской войны, традиционно считающейся освободительной, весьма отчетливо проявились моменты завоевательного характера. Межсоюзническая же война,

имея откровенно захватнически характер, открила нову страницу в историји региона, свързану с силовим путем решения национального вопроса.

Примечания

¹ *Абаџиев Г.* Балканските војни и Македонија. Скопје, 1958; *Киселиновски С.* Грчката колонизација во Егејска Македонија (1913—1940). Скопје, 1981; Македонија во војните 1912—1918. Прилози од научниот собир одржан во МАНУ на 16 и 17 ноември 1988 година. Скопје, 1991; *Стојанов П.* Тројната поделба на Македонија. Скопје, 1968.

² *Генов Г. С.* Българското военно губернаторство в Македония (ноември 1912 — јуни 1913 г.) // Исторически преглед. 1985. № 7; *Йонов М.* Освобождението и съдбата на българите в Македония през балканските војни / Изследования по македонският въпрос. Книга първа. София, 1993; *Пърличев К.* Сръбските жестокости в Македония (1912—1915). София, 2001; Македония. Историја и политическа съдба (1912—1941). 1998. Т. II.

³ *Штепан Х.-Л.* Македонскиот јазол. Идентитетот на Македонците прикажан на примерот на балканскиот сојуз (1878—1914). Скопје, 2004; *Гиза А.* Балканските држави и македонскиот въпрос. София, 2001.

⁴ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 151. Политархив. Оп. 482 (1912 г.). Д. 3699. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 105.

⁶ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 2000. «Ставка». Оп. 1. Д. 2996. Л. 96; АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482 (1912 г.). Д. 3699. Л. 111.

⁷ РГВИА. Ф. 2000. «Ставка». Оп. 1. Д. 2996. Л. 71, 75.

⁸ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482 (1912 г.). Д. 3699. Л. 191.

⁹ Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском полуострове. Август 1912—июль 1913. СПб., 1914. С. 28—29.

¹⁰ РГВИА. Ф. 2000. «Ставка». Оп. 1. Д. 2996. Л. 172; АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482 (1912 г.). Д. 3699. Л. 111.

¹¹ АВПРИ. Ф. 151 «Политархив». Опись 482 (1912 г.). Д. 3708. Л. 14; РГВИА. Ф. 2000. «Ставка». Оп. 1. Д. 2996. ЛЛ. 130, 161, 170.

¹² *Пандевски М.* Македонија на Балканот. XIV—XX. Историски координати. Скопје, 1990. С. 36.

¹³ РГВИА. Ф. 2000. «Ставка». Оп. 1. Д. 2996. Л. 174.

- ¹⁴ Там же. Д. 2997. Л. 6.
- ¹⁵ АВПРИ. Ф.151. Политархив. Оп. 482 (1912 г.). Д. 3699. Л. 233.
- ¹⁶ Сборник дипломатических документов... С. 32.
- ¹⁷ АВПРИ. Ф.151. Политархив. Оп. 482 (1912 г.). Д. 3754. Л. 27; 35.
- ¹⁸ Там же. Л. 133.
- ¹⁹ Там же. Л. 134.
- ²⁰ Поранешните Балкански војни (1912—1913). Извештај на Карнегиевата балканска комисија. Скопје, 2000. С. 104—109.
- ²¹ АВПРИ. Ф. 13. Канцелярия. Оп. 470 (1913 г.). Д. 34. Л. 362.
- ²² Там же. Ф.151. Политархив. Оп. 482 (1912 г.). Д. 2706. Л. 2—3.
- ²³ Там же. Д. 3754. Л.30.
- ²⁴ Там же. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470 (1913 г.). Д. 34. Л. 127; 129.
- ²⁵ Там же. Ф.151. Политархив. Оп. 482 (1912 г.). Д. 3754. Л. 48.
- ²⁶ Там же. Оп. 482 (1913 г.). Д. 3709. Л. 47.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. Д. 2706. Л. 2—3.
- ²⁹ Там же. Ф. 133 Канцелярия. Оп. 470 (1913 г.). Д. 34. Л. 350.
- ³⁰ Там же. Л. 301; 332.
- ³¹ Там же. Ф.151. Политархив. Оп. 482 (1912 г.). Д. 2706. Л. 7.

Я. Войтова,

Кубанский государственный университет, Краснодар

Позиция Коминтерна по македонскому национальному вопросу после подписания Майского манифеста (1924—1925 годы)

После подписания 30 апреля 1924 г. Протокола соглашения между ЦК Внутренней македонской революционной организации (ВМРО) и ЦК Македонской федералистской революционной организации (МФРО) «Об объединении македонского революционного движения» и Майского манифеста (6 мая 1924 г.) были созданы условия для совместной работы ВМРО с коммунистическими партиями на Балканах. Но в Москву поступали сообщения о том, что изменений в позициях македонских автономистов в отношении к болгарским коммунистам не происходит.

15 июня 1924 г. Г. В. Чичерин отправил обращение в Политбюро ЦК РКП(б) с просьбой поставить на обсуждение македонский вопрос. На заседании Политбюро ЦК РКП(б) от 19 июня 1924 г.¹ обсуждался вопрос НКИД о Македонии. Было принято решение об опубликовании в газете «Правда» статьи, посвященной событиям на Балканах, и сообщения в «Известиях». Под событиями на Балканах подразумевались «македонские дела», занимавшие Москву не меньше, чем болгарское восстание. Предполагалось обнародовать прокоммунистическую сущность Декларации автономистов и Майского манифеста. Это было важным решением, так как, согласно договору с автономистами, публикация Декларации ЦК ВМРО (29 апреля 1924 г. Т. Александров, А. Протогеров и П. Чаулев подписали «Декларацию Центрального комитета Внутренней македонской революционной организации» об объединении всех сил македонского национально-освободительного движения)² не могла быть осуществлена без ведома Т. Александрова.

Главной целью большевиков и Коминтерна в отношении национальных организаций было стремление добиться их объединения и попытка возглавить их; в случае с ВМРО автономистов этого не произошло. Оставалось только скомпрометировать Т. Александрова, разрушить сложившуюся иерархию организации, дискредитировать ее руководство перед болгарским правительством и членами самой организации. К чему при-

вела публикация Майского манифеста, известно. Вполне возможно, что в Москве заранее прорабатывалась такая комбинация, чтобы скомпрометировать Т. Александрова как наиболее авторитетного македонского лидера в случае, если не удастся добиться его полной лояльности при осуществлении планов коммунистов. Весной 1924 г. коммунистам не удалось выступить вместе с македонцами, поэтому, не надеясь на реванш, большевистские лидеры решили пойти другим путем. Коминтерн все еще продолжал делать ставку на Македонию, надеясь на дальнейшее развитие там революционной ситуации.

Важное значение имел Проект сообщения от Бюро печати НКВД (июнь 1924 г.), в котором указывалось на целый ряд новых важных фактов внутреннего состояния македонского революционного движения³.

Не прекращались разговоры о предстоящем восстании в Болгарии. События в Болгарии тесно переплетались с событиями в Македонии. Так, в письме советского полпреда в Австрии В. Х. Ауссема Г. В. Чичерину о состоянии переговоров по македонскому делу (25 июня 1924 г.) сообщалось, что после получения подробных сведений из Болгарии ЦК БКП поставил Т. Александрову невыполнимые условия: передачу всех складов оружия и т. д. Болгарским коммунистам трудно начать сотрудничество с ВМРО. Полпред заверил Г. В. Чичерина, что, несмотря на это, обстановка в Болгарии благоприятная, положение А. Цанкова затруднительно, необходимо воздействовать на ЦК БКП и поторопить высылку представителя к Т. Александрову⁴.

В письме Г. В. Чичерина советскому полпреду в Греции А. М. Устинову о политике Москвы в отношении Греции (27 июня 1924 г.) упоминалось, что связи СССР с македонцами становятся все более тесными, налажены отношения с федералистами, идет сближение с левым крылом автономистов, и даже правое крыло подвергается ударам А. Цанкова, устанавливающего контакты с Югославией и Францией. В связи с этим ВМРО шла на сближение с революционными движениями и правительствами⁵.

Выступая 7 июля 1924 г. на третьем заседании Комиссии по болгарскому вопросу, В. П. Милютин заявил: «...это очень щекотливый вопрос — македонский вопрос. В этом вопросе нам необходимо взять твердый тон. Здесь большое значение имеет самоопределение вплоть до создания самостоятельной Македонии. Это общеобязательный лозунг, общепризнанное положение, хотя в комиссии по национальному вопросу мне при-

шло столкнуться со стороны некоторых товарищей с обратным мнением. Так, в Югославии существуют товарищи, которые отрицают это положение. Тем не менее, общее господствующее направление таково, что в македонском вопросе двух мнений быть не может»⁶.

В резолюции V Конгресса Коминтерна по национальным вопросам «Национальные вопросы Средней Европы и Балкан» (8 июля 1924 г.) отдельно выделяется «Македонский и фракийский вопросы»⁷, которые признавались причиной постоянных кровавых столкновений между Болгарией, Грецией и Югославией, средством империалистической политики на Балканах. Раздел Македонии между названными странами еще более усилил стремление македонского народа во всех частях его разоренной родины к объединению и созданию единой независимой Македонии. Отмечалось единство македонского и фракийского вопросов, разрешение которых должно было быть направлено Балканской федерацией коммунистических партий в русло развития пролетарской революции на Балканах. В резолюции «предвиделось отделение Хорватии, Словении и Македонии от югославского государства, оформление их в самостоятельные республики и создание свободной и независимой Македонии»⁸.

Конгресс констатировал, что Шестая конференция Балканской коммунистической федерации дала правильную трактовку этому важнейшему вопросу, и считал сформулированные конференцией лозунги «Единая независимая Македония» и «Единая независимая Фракия» революционными. Очевидно, что принципы, заложенные в настоящую резолюцию Коминтерна, происходили из известного большевистского постулата и понятия «самоопределение». Лидеры компартии неоднократно говорили о том, что македонский вопрос может вызвать новую балканскую войну, так как в Македонии сталкивались интересы трех стран региона: Югославии, Болгарии, Греции. Борьба за освобождение Македонии, в свою очередь, была тесно связана с крестьянским вопросом и интересами трудящихся масс Болгарии, Македонии, Греции, Югославии. Именно поэтому партия выдвигала лозунг полного самоопределения Македонии, вплоть до отделения и независимости⁹.

В резолюции V конгресса Коминтерна по болгарскому вопросу (Москва, 12 июля 1924 г.) отмечалась тесная связь болгарского и македонского вопросов, необходимость совместной поддержки компартиями Югославии, Болгарии и Греции рабочих и крестьян Македонии в их борьбе за

национальное освобождение и установления единого фронта с македонскими революционными организациями¹⁰.

На VII конференции БКФ, проходившей с 9 по 18 июля 1924 г. в Москве, македонский вопрос был наиболее злободневным¹¹. Н. И. Бухарин, присутствовавший на первом заседании конференции (9 июля), отмечал, что обстановка на Балканах революционная, Болгария выступает революционным центром, Югославия — контрреволюционным, при этом существенным вопросом остается национальный. По мнению Н. И. Бухарина, позиция по национальному вопросу должна быть самой радикальной — отделение, независимость всех республик, поэтому необходимо поддерживать национальные конфликты¹². В. П. Милютин в своем докладе, поддержав тему национального вопроса на Балканах, заявил, что «Македония, разделенная между главнейшими странами Балкан — Югославией, Болгарией и Грецией, — является достаточной материальной базой для того, чтобы национальный вопрос явился общебалканским вопросом»¹³. На четвертом заседании (10 июля) с большим докладом по Македонии выступил В. Коларов. Обращаясь к событиям подготовки югославской интервенции в Болгарию, он заметил, что, пока существует македонский вопрос, опасность войны между Югославией и Болгарией не ликвидируется. В. Коларов отмечал двойкость в поведении македонской революционной организации по отношению к А. Цанкову: «Кто знает силу и значение Македонской организации в Болгарии, ее влияние на болгарскую администрацию, армию, офицерство, тот поймет, что потеря поддержки Македонской организации для болгарского правительства означала бы ослабление вдвое... Мы не можем сказать точно, какие она (Македонская организация. — Я. В.) имеет силы, но она представляет хорошо вооруженную военную организацию, состоит из опытных людей, четников, революционеров всевозможных калибров... И очень важно, на чьей стороне будет эта организация в случае вооруженного столкновения в стране»¹⁴. Называя македонский вопрос общебалканским, В. Коларов призывал болгарскую, югославскую и греческую компартии обратить особое внимание на македонскую проблему и сделать все возможное для достижения независимости Македонии.

Делегат КПЮ С. Стоянович в своем выступлении, посвященном македонской проблеме, ответив на замечание В. Коларова о необходимости согласования работы КПЮ с организацией Т. Александрова, подчеркнул, что все отношения с этой организацией зависели от поведения БКП,

а так как отношения между БКП и ВМРО были очень напряженными, то ситуация зашла в тупик. С. Стоянович, обращая внимание на организацию федералистов, поддерживаемую Югославией, сделал вывод, что в Македонии работают две организации — одна вместе с Югославией, другая — с А. Цанковым; пока Т. Александров будет придерживаться профашистской политики, КПЮ не пойдет на сближение с этой организацией¹⁵. Утверждение резолюций VII конференции БКФ состоялось на ее пятом заседании 18 июля 1924 г., где по македонскому вопросу было принято решение: обратиться с воззванием к македонскому народу и заявить о своей солидарности в его борьбе¹⁶.

На заседании Президиума БКФ (10 июля 1924 г.), проходившего в Вене, было отмечено отсутствие изменений в политике Т. Александрова по отношению к коммунистическому движению и принято решение о необходимости разоблачения Т. Александрова, если он своими действиями не докажет готовность изменить позицию. Было высказано также предложение об оказании поддержки левому крылу македонского движения в связи с усилением коммунистического влияния среди македонской эмиграции, особенно в организации «Илинден», и даже среди части Внутренней македонской революционной организации.

В письме, поступившем Г. В. Чичерину из Вены 16 июля 1924 г. относительно состояния переговоров с Т. Александровым, говорилось о безуспешной попытке П. Чаулева склонить Т. Александрова на опубликование манифеста (Майского), (в случае отказа публикация манифеста состоится без согласия Т. Александрова)¹⁷. При этом автор письма, полпред СССР в Австрии, считал, что публикация манифеста может вызвать раскол ВМРО и дискредитацию Т. Александрова как политического деятеля ввиду наличия в ряде документов его подлинных подписей¹⁸.

Таким образом, можно сделать вывод, что деятели Коминтерна только на словах стремились к объединению македонского революционного движения, на деле же все было по-другому: еще больший раскол организации и растущее недоверие к Т. Александрову как среди македонского населения, так и со стороны болгарского правительства.

После публикации Декларации и Майского манифеста автономистов коммунистические лидеры поручили П. Чаулеву и Д. Влахову обличить Т. Александрова с целью таким образом отколоть от ВМРО ее наиболее революционную часть.

5 августа 1924 г. В. Коларов и Г. Димитров в письме из Москвы в ЦК БКП стремились к сближению с македонскими организациями, их объединению и тесному контакту с левым крылом автономистской организации.

Неоднократно из Венского центра поступала информация о необходимости форсирования изоляции Т. Александра, его устранения¹⁹. За физическое устранение Т. Александра выступали некоторые члены Болгарского коммунистического союза молодежи²⁰.

В оперативной сводке «Положение в Болгарии к 8 сентября 1924 г.» (17 сентября 1924 г.) говорилось о необходимости исключения из ЦК ВМРО П. Чаулева и замене его Г. Атанасовым. Наблюдаются резкие расхождения между болгарскими и венскими оценками положения ВМРО. Софийский центр полагал, что вместо изоляции Т. Александра в таковой оказался П. Чаулев, более того, переход оппозиции в ВМРО на сторону Т. Александра затруднило положение БКП.

В связи с убийством Т. Александра Г. В. Чичерин в телеграмме советнику Полпредства СССР в Германии сообщил: «Александр совершил предательство и поплатился жизнью, мы в этом не участвовали, это не наших рук дело, метод не наш, но положительные результаты его смерти признаем»²¹.

18 сентября в газете «Правда» была помещена статья В. Коларова: «Судьбы македонского революционного движения», в которой он, размышляя по поводу убийства Т. Александра, отмечал, что коммунисты стремятся к сплочению революционных сил на Балканах, противостоянию усилиям болгарских фашистов расколоть македонскую организацию и сохранению единства македонского революционного движения.

24 сентября на заседании Болгарской комиссии Политбюро ЦК РКП (б) по вопросу о ВМРО были приняты решения:

1. Создать новый ЦК ВМРО во главе с П. Чаулевым (на основе Манифеста 6 мая 1924 г.);
2. Издать декларацию с выраженной позицией ЦК БКП и Балканской федерации²².

Результатом такой политики в македонском вопросе стало обращение к македонским революционерам члена ЦК ВМРО П. Чаулева с заявлением: «Т. Александров, отказавшийся от обязательств и своей подписи под Майским манифестом, пал от рук А. Протогера и А. Цанкова, его место в организации занял А. Протогер, но ни один член организации не дол-

жен подчиняться его распоряжениям, так как это будет тяжким преступлением перед ВМРО и македонским народом». П. Чаулев призывал бороться против правительств балканских государств, поделивших Македонию, выступал за создание единого балканского революционного фронта и объединенного македонского движения²³.

В связи с недоразумениями, возникшими между Болгарским и Венским центрами по македонской проблеме, 17 октября 1924 г. В. Коларов обратился к Г. Зиновьеву с просьбой рассмотреть македонский и болгарский вопросы на заседании Президиума ИККИ²⁴.

В результате на 48 заседании Президиума БКФ (22—23 октября 1924 г. в Вене), македонский вопрос стал ключевым. В его постановлении отмечалось, что произведенный в сентябре погром ВМРО привел не только к потере ценных кадров, но и нанес сильный удар по македонскому революционному движению и по освободительной борьбе трудящихся масс в Болгарии. Президиум счел необоснованным мнение ЦК БКП о том, что нападение на ВМРО стало результатом неправильной тактики со стороны Балканской федерации или других инстанций, которые вели переговоры с македонцами²⁵.

Президиумом был принят ряд решений по дальнейшей работе в македонском движении, с которыми согласился ЦК КПБ:

1. После произведенного нападения на ВМРО не следует создавать совершенно новую македонскую организацию, необходимо напрячь все силы для того, чтобы восстановить ВМРО и построить ее на основе, изложенной в майском Манифесте ЦК ВМРО. Для этой цели должен быть срочно создан ЦК в Македонии П. Чаулевым по соглашению с оставшимися верными ВМРО приверженцами и воеводами.

2. Работа по восстановлению ВМРО должна вестись одновременно во всех трех частях Македонии с центром в сербской Македонии. Необходимо употребить все усилия для вывода македонцев из-под влияния А. Протогера в Болгарии.

3. КПБ должна усилить работу в македонских братствах, в организации «Илинден», в македонском союзе молодежи и эмиграции.

4. Во вновь возникающей ВМРО и в легальных македонских организациях коммунисты должны стремиться образовывать коммунистические фракции и выступать там организованно.

5. Координация деятельности КП в македонском движении в сербской, греческой и болгарской Македонии должна производиться через

центр, Президиум БКФ, при постоянном контакте с македонской организационной комиссией (так называемый заграничный комитет помощи ВМРО) и с редакцией «Балканской федерации».

6. ЦК КПБ и ЦК КП Югославии и КП Греции должны поддерживать постоянный контакт с ВМРО.

7. Президиум считает необходимым усилить работу ЦК КПБ и посылать в БКФ и КИ регулярные доклады обо всем происходящем в македонском движении и о работе в этом движении²⁶.

24 ноября 1924 г. была принята резолюция Президиума ИККИ по македонскому и болгарскому вопросам и Постановление Президиума по вопросу о македонском движении²⁷, в котором говорилось о том, что необходимо признать правильной критическую оценку тактики БКП, сделанную Президиумом БКФ (протокол № 48 от 22—23.10 1924 г.), подтвердить решение Президиума БКФ относительно линии, которой подлежит держаться в будущем по отношению к македонскому движению как БКП, так и БКФ, отметить, что в отношении ВМРО не было единой линии и согласованности между Президиумом БКФ и ЦК БКП. Президиум БКФ, которому принадлежало политическое руководство акцией, не должен был ограничиваться установлением общей политической и тактической линии, а обязан был в согласии с ЦК БКП выработать хотя бы в общих чертах конкретный план действия БКП и проконтролировать его исполнение. После сентябрьских событий стало известно, что в ЦК БКП не было полного согласия по вопросу восстания, его деятельность была недостаточной, а в некоторых случаях и ошибочной.

Президиум ИККИ пришел к выводу, что после сентябрьских событий созданы благоприятные условия для скорейшего развития македонского национально-революционного движения и для установления тесной связи его с общереволюционным движением на Балканах. Но эта цель может быть достигнута только в том случае, если президиум БКФ примет все необходимые меры для полной согласованности действий болгарской, югославской и греческой компартий в македонском движении, поэтому было необходимо немедленно делегировать представителя ИККИ в Болгарию для работы с Президиумом БКФ. По вопросу о положении в Болгарии Президиум постановил: утвердить решение Президиума БКФ от 19—21.10.1924 г. и поручить Президиуму БКФ вновь обсудить вопрос в согласии с ЦК БКП о партизанском движении в Болгарии²⁸.

К началу 1925 г. на третьем заседании Президиума БКФ были поставлены непосредственные задачи по работе партии в македонском направлении. БКФ указывала, что ЦК БКП необходимо усилить работу среди македонской эмиграции в Петричском округе, ввести популярного участника македонского движения Х. Янкова в состав временного ЦК ВМРО для координации работы и решения всех практических вопросов работы ЦК ВМРО с Президиумом БКФ. В феврале 1925 г., на одиннадцатом заседании Президиума БКФ вновь встал вопрос о направлении в Вену Х. Янкова для введения его в состав ЦК ВМРО. Обращалось внимание ЦК на ошибочность мнения, будто македонская работа на болгарской территории имеет большее значение, чем работа в македонском движении в общеполитическом масштабе. ЦК должен был перестать относиться к македонскому вопросу как к чисто болгарскому²⁹.

Что касается организации А. Протогерова, то здесь предписывалось вести работу по дальнейшему ее расколу и обособлению всех надежных македонских элементов³⁰. Компартия не оставляла надежд на вооруженное восстание в Болгарии с целью создания рабоче-крестьянского правительства, свержения путем военного переворота правительства А. Цанкова, использования противоречий и конфликтов для разложения сил противника и укрепления собственных позиций в регионе. Эта же идея звучала и на дальнейших заседаниях Президиума БКФ: «Положение требует сохранения в силе прежнего курса на восстание. Разгром македонской революционной организации и стремление болгарской буржуазии договориться с сербской буржуазией на основе, исключающей создание единой, свободной и независимой Македонии, отчуждали македонскую эмиграцию, насчитывающую в Болгарии несколько сот тысяч человек, от правительства Цанкова»³¹.

Надежды большевистского руководства на раскол и отход от политической жизни ВМРО автономистов не оправдались, поскольку ВМРО А. Протогерова (чуть позже ее фактическим руководителем стал И. Михайлов) продолжала выступать в интересах болгарской политики, работающей на присоединение Македонии к Болгарии, правда, через предварительную автономию.

БКФ рассчитывала на развитие революционного движения на Балканах и военное восстание в Македонии, хотя если о нем постоянно шла речь в течение 1923 г., то к началу 1925 г. после кровавых событий внутри ВМРО стало ясно, что если восстание и произойдет, то не скоро. Из

агентдонесения в Москву от 18 февраля 1925 г. о македонской работе очевидно, что возложенные надежды на выборы в Македонии и на рабоче-крестьянские избирательные комитеты не оправдались, несмотря на попытки создания фундамента для национальной рабоче-крестьянской македонской партии³².

В мае 1925 г. была объявлена Резолюция Исполкома БКФ «О едином революционном фронте на Балканах», в которой ставились задачи координирования деятельности и борьбы национально-революционных и крестьянских движений между собой, с коммунистическим движением в отдельных странах и в общевосточном масштабе. На заседании Президиума БКФ 18 июля Центральному комитету была дана четкая установка: оказывать содействие восстановлению македонской революционной организации в сербской Македонии, обязав всех коммунистов войти в нее и работать самым активным образом над ее воссозданием и развитием³³. Ввиду предстоящего съезда необходимо было подготовить проекты устава и программы македонской организации для просмотра их Президиумом БКФ, который принимал непосредственное участие в подготовке создания новой ВМРО на базе Майского манифеста 1924 г.³⁴

Приняв во внимание, что в интересах развития македонского национального движения необходимо объединить революционные силы для борьбы против правительств стран, разделивших Македонию, Сербская революционная организация вместе с ВМРО и Революционной организацией Вардарской части Македонии подписали протокол об объединении революционных сил. Основой программы они объявили борьбу за объединение разделенной между Болгарией, Сербией и Грецией Македонии и создание независимой Македонской республики, которая в качестве самостоятельной политической единицы должна войти в состав Балканской федерации. Однако реакция СССР была непредсказуемой. В Протоколе заседания Балканской комиссии ИККИ/ЦК РКП(б) постановили по македонскому вопросу: «Субсидирование прекратить, связи не прекращать. Иметь в виду использование старых федералистских связей. Для выработки программы и устава новой организации образована комиссия в составе И. Пятницкого, Г. Димитрова и М. А. Трилисера»³⁵.

Разработка велась несколько месяцев, и 30 сентября 1925 г. была созвана учредительная конференция ВМРО (объединенной)³⁶, основанной на принципах Майского манифеста 1924 г. Большую роль в организации ВМРО (об.) сыграли Д. Влахов и П. Шатов. На конференции были при-

няты Резолюция о ближайших задачах ВМРО (об.) и ее организационном устройстве, не подлежащие опубликованию, и Устав ВМРО (об.) ставила своей целью завоевание свободной и независимой Македонии в рамках ее географических и экономических границ и выделение ее в самостоятельную политическую единицу, входящую в качестве равноправного члена в будущую Балканскую федерацию. Ее задачами были определены создание массовой революционной организации, охватывающей народные массы трех частей Македонии, македонскую эмиграцию, все без различия национальности, подданства, вероисповедания и т. д., установление тесных связей с балканскими национальными и революционными организациями и партиями, поддерживающими принцип самоопределения народов и готовыми содействовать достижению независимости Македонии³⁷. ВМРО (об.) выступала за права и свободы в области культуры, просветительства, языка, за политические свободы, наделение крестьян землей и т. д. По характеру организация объявлялась революционной, действующей конспиративно, но по возможности проводившей легальную борьбу³⁸.

Можно сделать вывод о том, что компартия не оставила идею объединения всего македонского революционного движения или хотя бы отдельных его элементов и добивалась полного его подчинения путем усиленной работы. В конце 1925 г. вопрос о возможности мировой революции в Европе в ИККИ не поднимался, а 1926 г. стал годом серьезных преобразований в ИККИ, связанных с борьбой за власть внутри РКБ (б). К 1926 г. информация о македонских проблемах стала все реже освещаться в советских документах и в Коминтерне, да и работа Балканской комиссии была приостановлена по причине внутрипартийных проблем. В записке Г. Димитрова И. С. Уншлихту отмечается, что необходимо возобновить работу Балканской комиссии ИККИ/ ЦК ВКП (б), так как возник ряд вопросов, связанных с устройством находящихся в Москве балканских революционеров и дальнейшей македонской работой³⁹. Однако ответа И. С. Уншлихта в доступных документах не обнаружено.

Таким образом, Майский манифест как идея создания объединительной платформы для всего македонского революционного движения оказался несостоятельным. Последствия подписанного лидерами македонского национального движения Майского манифеста оказались весьма негативными как для македонцев, так и для ИККИ, делавшего ставку на объединение национальных групп в Македонии. Болгарское правитель-

ство А. Цанкова, не желавшее терять свои позиции в Пиринской Македонии, оказало сильное давление на лидеров ВМРО, что привело к отказу от Майского манифеста и дальнейшей борьбе с федералистским крылом. Майский манифест стал толчком к началу нового этапа национально-освободительной борьбы и повлек за собой новую расстановку политических сил и программных установок ВМРО.

В течение 1924–1925 гг. все еще продолжают разговоры о мировой революции, делается ставка на вооруженные восстания в Болгарии и Македонии, однако к началу 1926 г. «революционный пыл» немного утихает. Меняются приоритеты в политике Коммунистического Интернационала в сторону строительства социализма в отдельно взятой стране, но вместе с тем СССР входит в полосу признания на международной арене и стремится к поиску новых союзников.

Примечания

¹ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн: 1919—1943 гг. Документы. М., 2004. С. 258—259.

² Российский государственный архив социально-политических исследований (далее — РГАСПИ). Ф. 509. Оп. 1. Д. 55. Л. 11, 11 об., 11 а.

³ Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (в документах центральных российских архивов начала — середины 1920-х гг.) / Под ред. Р. П. Гришиной. М. 2003. Ч. 2. С. 24—26.

⁴ Там же. С. 30.

⁵ Там же. С. 31.

⁶ Там же. С. 47—50.

⁷ Жила Л., Поповски В. Македонский вопрос в документах Коминтерна Т. 1. Ч. 1, 2: 1923—1925 гг. Скопье, 1999. С. 598—600; Документи за борбата на македонскиот народ за самостојност и за национална држава. Скопје, 1981. Т. 2. С. 150.

⁸ Од резолуцијата на петтиот конгрес на Комунистичката Интернационала за националното прашање // <http://www.soros.org.mk/archive/G06/sm4310.htm>.

⁹ Жила Л., Поповски В. Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 604.

¹⁰ Национальный вопрос... Ч. 2. С. 82—83.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 509. Оп. 1. Д. 39.

¹² Жила Л., Поповски В. Указ. соч. Ч. 1. С. 620—628.

- ¹³ Там же. С. 630.
- ¹⁴ Национальный вопрос... Ч. 2. С. 72—77.
- ¹⁵ Там же. С. 79—80.
- ¹⁶ *Жила Л., Поповски В.* Указ. соч. Ч. 1. С. 662.
- ¹⁷ Национальный вопрос... Ч. 2. С. 86—87.
- ¹⁸ Там же. С. 87.
- ¹⁹ *Жила Л. Поповски В.* Указ. соч. Ч. 2. С. 720—726.
- ²⁰ Там же. С. 726.
- ²¹ Национальный вопрос... Ч. 2. С. 176—177.
- ²² Там же. С. 179—180.
- ²³ Там же. С. 188—192.
- ²⁴ Там же. С. 209—210.
- ²⁵ Государственный архив Республики Македонии. Фонд: македонского прашанье во документите на Коминтерната. Кутија 1: Македонија (1904—1944). Д. 1337.1.2/3—16.
- ²⁶ Национальный вопрос... Ч. 2. С. 220—232.
- ²⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 103. Д. 6. Л. 1—2.
- ²⁸ Национальный вопрос... Ч. 2. С. 176—177.
- ²⁹ Национальный вопрос... Ч. 2. № 22. С. 371.
- ³⁰ Там же. С. 331—332.
- ³¹ Там же. С. 359—360.
- ³² Там же. С. 376.
- ³³ Там же. С. 502.
- ³⁴ БКП, Коминтернът и македонският въпрос. 1917—1946. София. 1998. Т. 1. С. 480.
- ³⁵ Пятницкий И. А. — с 1923 г. — секретарь ИККИ, с 1924 г. — кандидат в члены. В 1924—1927 гг. — член ЦКК ВКП(б); Трилиссер М.А. — с мая 1922 г. — начальник ИНО ОГПУ, с 12923 г. входил в постоянную нелегальную комиссию ИККИ.
- ³⁶ РГАСПИ. Ф. 509. Оп. 1. Д. 72.
- ³⁷ Там же. Д. 70. Л. 107 об.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Национальный вопрос... Ч. 2. № 296. С. 617.

П. Искендеров,
ИСл РАН, Москва

Албанский фактор в истории Македонии

1 марта 1913 г. македонская колония в Санкт-Петербурге представила Лондонскому совещанию послов великих держав меморандум по вопросу о независимости Македонии. В документе подчеркивалось, что «Македония должна оставаться единым, неделимым и независимым Балканским государством со своими географическими, этнографическими, историческими, экономическими и политическими границами»¹.

В тексте документа отсутствовало упоминание о представителях еще одного народа, игравшего существенную роль в истории Македонии последнего столетия — и продолжающего играть эту роль и сегодня. Авторитетная «Международная кризисная группа» в своем докладе от 2 августа 2000 г., посвященном ситуации в Македонии, справедливо назвала албанский вопрос в Македонии одним из наиболее чувствительных на Балканах. По ее словам, государственный статус македонских албанцев и их отношение к Македонии как к государству напрямую определяют долгосрочную стабильность и даже жизнеспособность самого этого государства.

Сто лет назад ни Македонского государства, ни тем более особого статуса в нем албанского меньшинства, разумеется, не существовало. Однако это отнюдь не означает, что албанский фактор в македонской истории тех лет следует недооценивать.

В период между окончанием трагической для Софии второй Балканской войны и началом войны первой мировой болгарское правительство активно пыталось привлечь албанские вооруженные отряды для нового «сведения счетов» с Сербией. По негласным сведениям, полученным российским представителем в Контрольной комиссии А. М. Петряевым в начале декабря 1913 г., болгарское правительство поручило своему генеральному консулу в Албании установить контакты с албанскими лидерами в городах Дебар и Люма на предмет тайного направления болгарскими офицерами в качестве инструкторов с целью организации добровольче

ских иррегулярных полков на территориях, прилегающих к сербской границе². Кроме того, согласно секретным сведениям, полученным сербским правительством, болгарское правительство предпринимало усилия, направленные на подготовку антисербского восстания в Западной Македонии при непосредственном участии в нем албанцев, в связи с чем в декабре 1913 г. усилился приток болгарских эмиссаров в крупнейшие центры Албании и в особенности в Дуррес, куда прибыл, в частности, майор болгарской армии Дмитрий Атанасов (под видом корреспондента софийской газеты «Вечерняя почта»). Он имел несколько встреч с крупнейшим албанским землевладельцем и одним из претендентов на роль правителя Албании, Эссад-пашой, которому — опять же по данным, сообщенным сербским правительством российскому посланнику в Белграде Н. Г. Гартвигу, — предложил для обсуждения следующую программу:

Интересы Болгарии и Албании требуют осуществления совместных действий с тем, чтобы не оставлять в покое Сербию и Грецию, ибо в противном случае они сумеют укрепить свои позиции на занятых ими территориях, и тогда будет практически невозможно вынудить их оставить данные области. Военные действия должны быть начаты не позднее, чем через шесть месяцев, по сигналу Австро-Венгрии. Болгария к этому времени успеет предпринять дипломатическое сближение с Румынией, которое, по словам Атанасова, могло бы быть достигнуто значительно ранее, если бы не препятствия, создаваемые Россией. Албанцы со своей стороны должны поставить под ружье не менее 30 000 человек, причем Болгария обязуется предоставить им необходимое оружие, боеприпасы и другие военные материалы. В заключение болгарский представитель заверил Эссад-пашу в том, что примирение между Болгарией и Сербией не может быть достигнуто ни при каких условиях, несмотря на все старания России.

Тем не менее Атанасову не удалось в полной мере убедить в необходимости реализации указанного плана Эссад-пашу, который, правда, дал понять болгарскому представителю, что албанцы примут предложения Болгарии, если та предварительно сумеет заключить соглашения с Румынией и Турцией³.

Посетивший в 1903 г. Македонию и Сербию британский писатель Герберт Вивиан писал, что именно албанский фактор — наряду с болгарским — играл наиболее дестабилизирующую роль. В Македонии сегодня

не звучало бы жалоб, если бы удалось принудить к порядку албанцев и подавить болгарский анархизм. Македонские албанцы представляют собой турбулентный элемент, нетерпимый к своим соседям. «Албанцы являются самыми беспокойными людьми в регионе», — писал Г. Вивьян.

По сведениям известного французского политолога и специалиста в области межнациональных и межгосударственных отношений Г. Луи Жарэ, полученным им в ходе неоднократных поездок по региону как до младотурецкой революции 1908 г., так и в последующие годы, Скопье тогда являл собой «настоящий перекресток народов, расположенный в слиянии направлений сербской, болгарской и албанской экспансии». Представляется несомненным, что в настоящее время в данном смысле берет верх последняя. Согласно оценке хорошо осведомленных местных наблюдателей, Ускюб (Скопье. — *П. И.*) насчитывает около 45 000 душ: среди этого числа, количество мусульман — почти все из которых албанцы — можно оценить в 25 000, болгар — в 10 000 или 15 000, сербов — 3 000, евреев — 2 000 и, если не забывать все разнообразие вариантов, которые можно там встретить, необходимо еще указать цыган, греков, итальянцев... В его окрестностях же смешение национальностей еще большее: если посетить деревни в долине Ускюба и порасспрашивать местных жителей, обнаружится еще большее разнообразие, способное опровергнуть все существующие теории: вот христианская деревня; в ней говорят на албанском диалекте; ее поп — православный и подчиняется экзарху; если спросить у жителей этой деревни о том, кем они являются, они отвечают, что они болгары. Вот другая деревня: крестьяне являются мусульманами; их язык — славяно-болгарский; их физический тип — албанский, и они называют себя албанцами; рядом другие земледельцы также называют себя албанцами, но они в свою очередь православные, зависят от экзархата и говорят по-болгарски»⁴.

Однако формально вплоть до эпохи балканских войн Македония являлась составной частью Османской империи, и посему соседние балканские государства, имевшие территориальные претензии в отношении данных земель, прежде должны были нанести поражение туркам, т. е. совершить то, что являлось целью национального движения албанцев.

Определенные Лондонским совещанием послов границы Албанского княжества стали одновременно как результатом сложных дипломатических маневров и компромиссов (в первую очередь Австро-Венгрии и Рос-

сии), так и яблоком раздора между балканскими странами. Албанские источники подчеркивают, что за пределами автономной Албании осталась примерно половина земель с албанским населением. Македонские источники утверждают, что на территориях, переданных Албании, проживало порядка 30 000 македонцев. А значит, под отношения албанцев и македонцев была заложена та самая мина замедленного действия, которая взорвалась уже на рубеже XX и XXI вв.

Примечания

¹ Македонский голос. СПб., 1913—1914.

² Архив внешней политики Российской империи. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2908. Л. 30.

³ Там же. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2908. Л. 5, 6.

⁴ *Louis-Jaray G. L'Albanie inconnue. Paris, 1913. P. 9—10.*

А. Плотникова,
Исл РАН, Москва

Этнолингвистические методы изучения македонской народной духовной культуры

Традиционная народная духовная культура македонской деревни дает богатейший материал для изучения славянских архаических обрядов, обычаев, ритуалов и верований, а также и для изучения балканских инноваций при сравнении с традициями окружающих ее балканских стран. Этнографические, фольклорные, диалектологические исследования, проводившиеся учеными в последнее столетие, показывают высокую степень сохранности македонской народной культуры и составляют ценнейшее наследие, к которому неизменно обращаются современные исследователи. Нельзя не вспомнить и такие известнейшие работы, как фольклорные публикации братьев Миладиновых, К. А. Шапкарева, М. К. Цепенкова и многих других. Следует отметить, что три народные песни содержатся и в вышедшем впервые сто лет назад журнале «Вардар».

Полевые исследования народной македонской культуры активно велись и во второй половине XX в., продолжают они и в настоящее время. По итогам ряда полевых исследований появляются обобщающие тематические труды по македонской духовной культуре (например, «Македонские народные праздники и обычаи» М. Китевского, «Народная демонология македонцев» Т. Вражиновского)¹, сборники, посвященные описанию отдельных македонских регионов (например, «Фольклор и этнография Битола и ее окрестностей»; «Дебарца. Обряды, магия и обрядовые песни» Н. Целаковского)², описанию отдельных тем традиционной народной духовной культуры в локальных традициях («Погребальный обрядовый комплекс в традиционной культуре Мариова» Л. Ристеского, «Погребальные обычаи в Брегалничкой области» З. Малинова, «Весенние обычаи, обряды и верования и “мияков”» В. Петреской)³ и многие другие.

В настоящее время совершенствуются методы и подходы к изучению славянской традиционной народной культуры. В рамках этнолингвистического направления, разработанного в 1970—1980 годы. Н. И. Толстым и предполагающего исследование терминологической лексики

народной культуры в тесной связи с самими реалиями и мифологическими представлениями, ритуалами и обычаями, активно развивается этнолингвистическая география, опирающаяся на методику картографирования лексики духовной культуры и соответствующих экстралингвистических явлений. Цель этнолингвистической географии — определение распространения явлений народной культуры, которые имеют или не имеют отражения в языке (в лексике и фразеологии), и на этой основе выявление так называемых «культурных диалектов» (термин также был предложен Н. И. Толстым) и на следующем этапе — культурно-языковых ареалов.

С целью изучения терминологической лексики традиционной народной духовной культуры в 1996 г. был разработан вопросник для этнолингвистического изучения балканославянского ареала (Плотникова 1996), первоначально как часть программы «Малого диалектологического атласа балканских языков». По этому вопроснику в течение последних десяти лет были собраны богатейшие материалы по народной духовной культуре в селах различных регионов Сербии, Болгарии и Македонии. Мне довелось работать не только во многих сербских и ряде болгарских сел, но также и в двух македонских селах, Теово (область Велеса, регион Азот) и Пештани (р-н Охрида), где были полностью собраны материалы по вопроснику и затем представлены в разных публикациях⁴. Следует особо отметить, что сбор материала по единой этнолингвистической программе позволяет с высокой степенью достоверности сопоставлять соотносимые явления, отмеченные в разных этноязыковых южнославянских регионах, и на этой основе картографировать соотносимые культурно-языковые факты. При этой процедуре во всем доступном нам объеме привлекаются уже опубликованные данные полевых этнографических и культурологических экспедиций, проводимых учеными Сербии, Македонии, Болгарии, а также материалы тематических, региональных и иных сборников, монографий, журналов (в том числе, например, «Македонский фольклор», «Этнолог» и др.).

Метод предлагаемого нами этнолингвистического картографирования дает убедительные результаты, показывающие распределение изоглосс, а именно — изолекса, изосема и изодокса, в пространстве Южной Славии. Наиболее важные и существенные из них делят южнославянскую территорию на **восток** и **запад**. В качестве наиболее ярких и очевидных можно назвать: новогодний обряд «сурвакане» традиционного типа,

ритуальное использование амулета *мартеница*, обычай вывешивать красную ткань в день первого марта для «Марты», девичий обрядовый обход *лазарице* (*лазарки*), празднование «волчьих» дней (причем изолекса дериватов наименований праздника от **vьlk* проходит через западную Болгарию, а изодокса, указывающая на распространение самого ритуала, — через восточную Сербию, где локализируются и наименования другого типа — *Мратинци*) и др., в сфере семейной обрядности и народной мифологии. Балканский характер, или характер балканских инноваций, целого ряда признаков, характерных для восточной части южнославянского ареала, определяется наличием тех же признаков в балканских неславянских традициях и отсутствием таковых в традициях Северной Славии (восточнославянских и западнославянских). Так, *сурвакане* известно также в греческих и румынских областях, *мартеницы* — в румынских, греческих, *лазарки* — в греческих и т. д. Эти и подобные признаки отражают балканскую модель восприятия мира, в основных чертах общую для балканских стран, в том числе и балканославянских. Вместе с тем, можно говорить и о славянских архаических культурно-языковых явлениях, испытавших влияние специфики балканской модели мира. В качестве примера можно привести фольклорный текст магического заклинания против насекомых, известного в восточнославянских регионах как формула: «Мухи, блохи, вон, хозяин в дом» (рус.) и под., в южнославянских зонах как «Вон, блохи, внутрь Марта» (в.-болг.), где устрашающий субъект изгнания — баба Марта (персонифицированный месяц март) — свидетельствует о принадлежности текста к балканскому ареалу. У южных славян адресат изгнания подобных магических заклинаний — змеи, ящерицы, причем для балканской части Южной Славии характерен сюжет натуралистической расправы над змеями, так в с. Теово фиксируется формула: «Бéгајте змíи, смóкови, ёто го Јерéмије со крáставо кóнишче. со р̑ђаво сáблишче, че вие íскоља, че вие íсеча» (Убегайте змеи, ужи, вот он, Иеремия, на коне в струпьях, с ржавой саблей, он вас изрежет, он вас изрубит). Этот тип заклинания против «гадов» в день св. Иеремии бытует в центральной и южной Македонии, подробнее см. (Плотникова 2006, 6).

Не менее важным результатом, который был получен при применении методов этнолингвистического картографирования можно считать выявление таких широких южнославянских ареалов, как **южный балканославянский «пояс»**, включающий Македонию и области на территории Болгарии — Пирин, Родопы, Сакар, Странджу, на территории Греции —

также и Фракию. Этот ареал определяется по таким культурно-языковым признакам, как специфические названия масленичных костров (⁺*оратник* и под.) и масленичной игры с подвешенными предметами (⁺*ацкане* и под.); терминология погребальных голошений, отражающая способ их исполнения (внутренняя форма 'петь')⁵; похоронные обряды строительства «дома» на могиле⁶; терминологическая лексика из сферы народной мифологии (термины *јуда* в значениях 'вила, вихрь' и под., *наречница* — демон, определяющий судьбу человека) и др.

Македонский ареал в окружении южнославянских традиций представляет собой своего рода «перекресток» балканских путей коммуникации, путей лингвистического и культурного взаимодействия на Балканах. Именно этот ареал входит в качестве составной части в самые различные этнокультурные «пояса» и большие массивы этнолингвистического ландшафта: южносербско-западноболгарско-македонский и восточный балканославянский ареалы, южный балканославянский, средиземноморский, латеральную или периферийную (архаическую) зону южнославянского континуума, не говоря уже о его значении для собственно балканских ареалов, таких, как греко-македонско-албанский. Диалектологи подчеркивают «большую диалектную раздробленность» македонского языка, наличие «более трехсот фонетико-фонологических и структурно-грамматических явлений, различным образом реализованных в диалектах», причем «некоторые диалектные особенности ограничиваются очень маленькими регионами» (Видоески 1998: 39, 79). Эти наблюдения находят подтверждение на нашем материале: как правило, неоднородную и вместе с тем информативно насыщенную, в том числе — богатую редкими архаизмами (особенно в периферийных говорах) картину можно наблюдать при анализе функционирования в македонском ареале этнокультурной лексики и соответствующих экстралингвистических явлений. Так, по данным терминологической лексики традиционной духовной культуры выделяется юго-западная часть македонского ареала, включающая районы Охрида, Струги, Дебара, Кичева и Дебарцу (специфические наименования обряда вызывания дождя типа *ој-лиле*; названия ребенка — участника свадьбы от *скупт*-). Отмечаются специфические культурно-языковые особенности, которые свойственны именно этой балканославянской зоне, т. е. черты традиционной македонской народной духовной культуры, практически не встречающиеся в других балканославянских традициях, но имеющие

там некоторые параллели или варианты продолжения одного и того же культурного текста.

В составе окружающих балканославянских традиций культурно-языковая традиция Македонии имеет свою особую специфику: здесь можно отметить функционирование парных наименований крещенских праздников *машки водици* и *женски водици*; исполнение обрядов *водичари*, *водичарки*; специфические заклинания на св. Иеремию, включающие натуралистическое описание расправы над змеями; святочные и масленичные приглашения ветра; семантику мифологического термина *стија*, относящегося в македонских областях к обозначению водных мифологических существ женского пола, и др. По комплексу разных признаков прослеживается связь македонского культурно-языкового ареала с юго-восточносербскими и западноболгарскими этнокультурными традициями (отметим терминологию поминальных дней, связанных с наименованием *помен*, названия первых весенних дней *баби(е)*, масленичный обычай «поджигания ведьмы» в игре с подвешенным яйцом, функционирование термина **нав-*, обозначающего демонический персонаж, происходящий от умершего некрещеным ребенка, и болезнь роженицы, и др.). Набор культурно-языковых характеристик может быть и таков, что позволяет говорить о широком балканославянском центре в рамках южнославянского пространственного континуума, включающем не только македонские, юговосточносербские и западноболгарские области, но и черногорские, западно- и северносербские области (функционирование термина *додола* в обряде вызывания дождя; термина *повојница*, *повойница* в значениях «праздник по случаю рождения ребенка» и «дар новорожденному», «хлеб новорожденному»; специальных наименований женщин, приносящих хлеб на родины; исполнение обрядов изгнания змей на св. Иеремию, а не в другие весенние праздники и др.). В составе упомянутого нами так называемого южного балканославянского «пояса» (Македония, Пирин, Родопы, Странджа) македонский ареал может иметь свою специфику: например, наличие специальной лексики, реализующей общие для всего этого ареала концепты, в области народной мифологии, семейной обрядности: *презимачка* «ведьма», *с(т)рој* «свадьба». В составе восточного (балканославянского) ареала македонская часть также отличается своей спецификой (например, особенностями исполнения новогодних обрядов, называемых *суровари*, бытованием этиологических легенд, связанных с мифологическим персонажем *ламја*, и др.).

Сделанный нами обзор распространения ряда культурно-языковых явлений в пространстве Южной Славии, разумеется, не может быть исчерпывающим. Дальнейшее изучение географии явлений народной духовной культуры и ее языковых отображений даст значительно больший материал для выявления южнославянских ареалов, определения их специфики и взаимосвязей между ними. Этнолингвистические методы, применяемые к изучению традиционной духовной культуры македонского села, дают возможность сопоставления полученных данных с другими южнославянскими традициями по универсальной схеме, что позволяет показать общее и различное в македонских региональных традициях, сравнить македонские лексические и экстралингвистические данные с данными других южнославянских зон и регионов. Кроме того, важным представляется системный подход к изучению терминологической лексики традиционной духовной культуры одного македонского села (или региона). Использование в этих целях этнолингвистического вопросника, включающего темы «Народный календарь», «Семейная обрядность (рождение, свадьба, смерть)», «Народная мифология» и вопросы для беседы по этим темам с упором на то, «как это было раньше», видится целесообразным и в плане изучения экстралингвистических (этнографических) особенностей, постепенно исчезающих из жизни села в настоящее время.

Библиография

1. Видоески 1998 — *Видоески Б.* Дијалектите на македонскиот јазик. Скопје, 1998. Т. 1.
2. Вражиновски 1995 — *Вражиновски Т.* Народна демонологија на македонци-ге. Скопје Прилеп, 1995.
3. Китевски 1996 — *Китевски М.* Македонски народни празници и обичаи. Скопје, 1996.
4. Малинов 2001 — *Малинов З.* Посмртните обичаи во Брегалничката област. Скопје, 2001.
5. Петреска 1998 — *Петреска В.* Пролетните обичаи, обреди и верувања кај Мијаците. Скопје, 1998.
6. Плотникова 1996 — *Плотникова А. А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 1996.

7. Плотникова 2001 — *Плотникова А. А.* Етнолингвистичката програма во македонскиот пункт на «Малиот дијалектолошки атлас на балканските јазици» // *EtnoAntropoZum*. Скопје, 2001. № 1. С. 8—25.

8. Плотникова 2004 — *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.

9. Плотникова 2006 а — *Плотникова А. А.* Этнолингвистические материалы из с. Теово в Македонии (область Велеса, регион Азот) // *Исследования по славянской диалектологии*. 12. Ареальные аспекты изучения славянской лексики. М., 2006. С. 192—227.

10. Плотникова 2006 б — *Плотникова А. А.* Весенние заклинательные формулы «изгнания» гадов у южных славян (в ареальной перспективе) // *Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста*. М., 2006. С. 319—372.

11. Ристески 1999 — *Ристески Љ.* Посмртниот обреден комплекс во традицијската култура на Мариово. Прилеп, 1999.

12. ФЕББ — Фолклорот и етнологијата на Битоло и Битолско. Скопје, 1981.

13. Целакоски 1984 — *Целакоски Н.* Дебарца. Обреди, магии и обредни песни Скопје, 1984.

Примечания

¹ См. (Китевски 1996, Вражиновски 1995).

² См. (ФЕББ, Целакоски 1984).

³ См. (Ристески 1999, Малинов 2001, Петреска 1998).

⁴ См., например, (Плотникова 2001, Плотникова 2006 а) и др.

⁵ На территории Македонии отмечено в Гевгелийском крае.

⁶ Так, в с. Теово (Велес) сразу после погребения на могиле делают *ќиур*, символизирующий его временное пристанище, с окошечком для мертвого или для души мертвого (*ќамарче*), по истечении 40 дней родственники умершего зовут соседей «строить дом» для их родственника (*ќуќа*), представляющий собой совершенно особое сооружение из камней (соб. зап.). Редуцированные варианты этого обычая — простое нагромождение камней на могилу (часто объясняемое практическими причинами: «чтобы животные не разрыли могилу») бытуют в районе Охрида, пиринских селах. Аналогичным образом сооружается «дом» на могиле у болгар в Родопях, Страндже, подробнее см. (Плотникова 2004: 305).

Е. Узенёва,
ИСл РАН, Москва

Специфика македонской свадьбы в балканославянском контексте*

Настоящая статья посвящена рассмотрению особенностей свадебного обряда македонцев в сопоставлении с близкими южнославянскими традициями. Этнографические материалы по македонской свадьбе рассыпаны в различных источниках, главным образом, журналах, которые печатались как в Македонии, так и в Сербии, Болгарии. До выхода в свет в 2002 г. монографии Весны Петреской «Свадба како обред на премин кај Македонците од брсјачката этнографска целина» не существовало подробного монографического описания свадьбы в Македонии (книга исследует один, хотя и обширный, регион — Петреска 2002). Македонии отведен один из разделов монографии М. Арнаудова о свадьбе (Арнаудов 1931). Кузман Шапкарев писал о свадебном обряде в Струге, Кукуше, Костуре (Шапкарев 1968), несколько статей Милан Ристеский посвятил свадьбе в области Мариово (Ристески 1961, Ристески 1962, Ристески 1962/2), Й. Павлович исследовал обряд в Малешево (Павловић 1928: 220—245), С. Танович — в Гевгелии (Тановић 1927: 138—192), ряд работ анализируют особенности свадьбы в области Битола (ФББ), перу разных авторов принадлежат статьи о свадебном ритуале в сборнике этнографических материалов по македонской традиции (Извори 3). Марко Цепенков в своих фольклорных сборниках неизменно уделял внимание свадебному фольклору (Цепенков 1890; Цепенков 1998:76—88), равно как и Наум Целакоский, исследовавший свадебные песни в районе Дебара (Целакоски 1984) и Икономов, записавший песни из областей Кичево и Дебар (Икономов 1893).

А. А. Плотникова осуществила этнолингвистический анализ ареальных различий македонского языкового ландшафта, в том числе на материале отдельных элементов свадебного обряда (карта № II-2-4 «Ребенок —

* Авторская работа выполнена при поддержке Программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект «Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура во взаимодействии»).

участник свадьбы: названия, ритуалы», Плотникова 2004: 558—569), рассмотрела его в контексте южнославянских традиций и выявила специфику данной территории (Плотникова 2004: 285).

Неповторимость македонской свадьбы находит проявление и в «тексте» свадебного обряда, понимаемом как синтагматическая последовательность актов¹, развернутая во времени и пространстве; и в различных кодах: персонажном, предметном, акциональном, растительном, животном, цветовом, коде одежды и др. Кодами мы условно называем соотношение разного рода подсистем, стоящих за текстом свадьбы, которые имеют свой набор однотипных единиц и свою парадигматику, т. е. свои соотношения между единицами. За каждым из кодов стоит своя система релевантных признаков, которые так или иначе выражаются и в наборе, и в соотношении единиц отдельного кода, и в номинации (терминологии). Для создания «текста» свадьбы, разных ее фрагментов, из каждого кода выбираются отдельные элементы, несущие в себе всю систему отношений, которыми этот элемент связан с другими единицами данного кода. Структура и семантика различных кодов образует чрезвычайно сложное семантическое пространство свадебного обряда².

Кроме того, особое место среди всех кодов занимает вербальный код, который составляют единицы особого уровня — это специальные знаки, созданные в языке. Элементы вербального кода не только участвуют наравне с другими в создании текста свадебного обряда, но и интерпретируют его.

В ходе многолетней работы над исследованием свадьбы южных славян мы пришли к выводу о том, что специфика любой национальной или региональной обрядности (в нашем случае свадебной) определяется не столько наличием каких-либо особых ритуалов, персонажей или артефактов, а своеобразным сочетанием обрядовых элементов, известными, возможно, и другим традициям. О подобном явлении в применении к балканскому языковому союзу писала Т. В. Цивьян (Цивьян 1993).

Ряд черт объединяют македонскую свадьбу, которая неоднородна сама по себе на территории Македонии, с восточно-балканославянским ареалом (термин *зет* для молодого в зап. Македонии и вост. Болгарии, ритуал бритья жениха макед. *бричењето на зетот*, в.-болг. *бръсненки*, *бръсна зет*), а отдельные даже с восточнославянским, (ср. ритуал разбивания горшка после брачной ночи и приговор: «Сколько черепков, столько деток», записанный в обл. Охрида и почти дословно повторяющий соответствующий русский обряд).

Другие черты объединяют ее с западным ареалом: персонаж *старосват*, послесвадебный обряд посещения молодыми родителей невесты — *првиче*, отсутствие свадебного деревца среди атрибутов свадьбы; третьи характеристики — с южным балканославянским поясом (обряд *на дрва/на трески*, почитание очага, наличие свадебного барашка как «участника» действия, греческие заимствования в терминологии: *нунко*, *калитат* ‘кум’, *армас* ‘помолвка’, *армасник*, *армасница* ‘помолвленные парень и девушка’ (Узенёва 2003)³.

И лишь некоторые термины типичны для Македонии, например свадебный хлеб *свака*, шаферы *побратими*, специально приглашенные участники свадьбы — *законници* и ряд других. Например, в области Струги на роль знаменосца выбирали человека с какими-либо телесными или умственными недугами: бесноватого или блаженного, реже самого бедного в селе, что было связано, видимо, с особой ролью данного маргинального персонажа, отмеченного знаками потустороннего мира: он возглавлял и охранял свадебную процессию.

Среди атрибутов македонской свадьбы известен обрядовый хлеб (*погача*, *коприна*), в который запекалась монета. При дележе следили, какому роду (жениха или невесты) достанется «счастье». Подобные ритуалы у южных славян совершались на Рождество или Новый год, и их появление в свадебном обряде связано с семантикой начала, характерной для данного ритуала, начала новой семьи, новой жизни — зачатия ребенка, новых родственных отношений. Во время свадьбы при разделе хлеба заново происходит перераспределение доли и счастья. Как указывает А. К. Байбурин: «Если судить о понятии *доля* только по родильной обрядности, то можно было бы полагать, что доля дается человеку один раз на всю жизнь. Свадьба и некоторые другие обряды (например, новоселье) убеждают в том, что на каждом (отмеченном ритуалом) этапе жизни человек наделяется новой долей, точнее как бы еще одной долей, еще одной степенью несвободы, не-воли. Это согласуется с тем, что понятие *век* (жизнь от рождения до смерти) применяется для обозначения не только всей жизни, но и отдельных ее этапов (ср.: девичий век, бабий век), т. е. человек проживает несколько жизней» (Байбурин 1993: 82). Применительно к браку слово «доля» получает и конкретное выражение, оно означает ‘суженая’, ‘суженый’ (*орисаник*), ‘супруг’, ‘супруга’ (*сопруг, сопруга*)

Для македонской традиционной свадьбы характерен главный хлеб *свајка*, известный в Кривогаштанской обл. (ФББ: 359), в р-не Струги (Мирчевска 1993: 147), в Теово, обл. Велеса (Спировска 1982: 63), в обл. Дебара и обл. Кичево (Икономов 1893: 106); *свеќи* в р-не Смилево (ФББ: 475); *свајќа* с. Рамне, р-н Охрида, Извори 3: 362. Термин *плетеница* известен в обл. Берово (Спировска 1982: 63), *големи колачи* (обл. Костура, ФОББ: 463), *кулак* (Гевгели, Танови 1927: 182), *колак* (обл. Малешев, БЕР 2: 547), *погача* (обл. Скопье, Филипови 1939: 444; с. Рамне, обл. Охрида, Извори 3: 362), *прстенарска погача* (с. Подгорци, обл. Струги, Мирчевска 1993: 147).

Ряд особенностей акционального кода македонской свадьбы обусловлены экстралингвистическими причинами, в частности, экономическими и социальными. Бедность, недостаток средств нередко становились предпосылкой появления длительных помолвок, когда молодые по нескольку лет не могли жениться, не собрав необходимой суммы; предопределили существование так наз. «ночных» свадеб, которые справляли ночью, тайком, чтобы избежать расходов, а также «неправильных» форм брака, таких как: умыкание, кража и бегство невесты в дом жениха по взаимному согласию или против воли родителей молодой, известных и другим славянам. В области Струшки Дримкол при выборе жениха главным положительным качеством считалось его имущественное положение (*имање*).

В македонской свадьбе в особый ритуал, имеющий различные названия, выделен и торг о выкупе за невесту между отцами молодых — свидетельство существования в прошлом обряда «купи — продажи» невесты. В материалах из западной Македонии описан трагический случай, когда жених после передачи денег тестю за будущую жену, убил ее на глазах у отца. Во время свадебного пира часто среди гостей носили правую туфлю невесты, в которую они клали деньги — дар молодой.

Такое явление как «отходничество» (*гурбет, печалбарство*) породили «общегородскую» свадьбу в Галичнике, когда одновременно в один день играли множество свадеб в связи с возвращением мужского населения с заработков. С патриархальным укладом, вероятно, связано и наличие «мужской» (*машка*) и «женской» (*женска*) свадеб, которые параллельно проходили в домах жениха и невесты, в существовании «мужской» и «женской» трапезы на свадебном пиру. Подобные явления отмечены у банатских болгар и у исламизированного населения Родоп в Болгарии.

При делении главного свадебного хлеба отцы молодоженов стремились оставить большой кусок в семье жениха, чтобы «*да остане среќа у машка страна*».

Интересны и факты обручения еще нерожденных детей отцами с целью уважить дружеские отношения и магические действия, призванные предопределить появление мужского потомства, особо многочисленные в данной традиции. Они связаны с участием мальчиков во многих ритуалах: в приготовлении хлеба и постели для новобрачных, при подготовке и перевозе приданого невесты, при встрече молодых в доме свекровью и пр. Молодых кормили хлебом и яблоком, которые макали предварительно в молоко кормящей матери мальчика, чтобы у невесты первым родился мальчик.

В македонской свадьбе как переходном обряде с особой ясностью выражены различные этапы смены статуса молодых, особенно невесты, что проявляется большей частью в одежде и ее цветовом коде. Во время венчания молодая надевала белый костюм с богатой красной вышивкой, украшения в верхней части которого после рождения первого ребенка перекрашивались в темно-красный цвет — знак окончательного перехода в статус женщины-матери. В западной Македонии невесту закрывали особым покрывалом *сокај*, украшенным по краю богатой бахромой — символом плодovitости молодой. Это покрывало женщина не снимала до конца жизни, даже отправляясь спать, поскольку существовало поверие, согласно которому супруг не должен видеть ее с непокрытой головой, и если она снимет убор, то муж умрет.

Вообще бахрома как деталь костюма македонской невесты весьма значима и соотносится с обилием украшений, большим числом элементов ее брачного наряда, богатой вышивкой одежды, которые призваны были не только отвлекать взгляды посторонних от самой девушки, чтобы избежать порчи, но и обеспечить новобрачную богатую, изобильную жизнь. В Пиринской Македонии в р-не Петрича у невесты было особое платье синего цвета (*власеник*), внутренняя поверхность которого сплошь покрыта бахромой, и множество перстней на руках (Извори 3: 307). Невеста осмыслялась как носительница плодородия и различных благ, что подтверждает и обряд оставления при проводах в доме ее родителей на месте, где сидела невеста, чаши с водой и хлебом, «чтобы богатство не ушло из семьи».

Важно отметить, что наряду с невестой в македонской свадьбе поэтапно маркируется инициация свекрови, переходящей в группу старших женщин, что проявляется в многократном разбивании у ее ног сосудов с водой и сжигании ее головного убора *шамџа*, который невеста меняет на новую во время подготовки свадьбы, на трапезе после брачной ночи, во время бесчинств и на следующий день свадьбы.

В системе вегетативного кода македонской свадьбы особая роль отведена яблоку — символу невесты, ее будущего потомства и плодородия в целом. Хотя данный символ известен и другим южным славянам, его семантическая нагруженность в македонской свадьбе значимо выше. Оно маркирует ряд ритуалов: им приглашают на свадьбу, одаривают, кормят новобрачных, его перебрасывает невеста через крышу своего нового дома, в него втыкают монеты для молодой и пр. И только в Македонии яблоко символизирует невесту — наполненное пеплом яблоко вручали отцу «нечестной» молодой после брачной ночи⁴.

В рамках небольшой статьи трудно подробно остановиться на всех особенностях македонской свадьбы, которые, как я уже отмечала, находят проявление на разных уровнях обряда. Выявление причин возникновения данной специфики — предмет отдельного самостоятельного исследования.

Литература и источники

1. Арнаудов 1931 — *Арнаудов М.* Българските сватбени обреди. Етноложки и фолклорни студии. Част I. Преглед на обичаите у народа. София, 1931.
2. Байбурин 1993 — *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре, СПб., 1993.
3. БЕР — Български етимологичен речник. Т. 1. София, 1971.
4. Бојковска 2003 — *Бојковска С.* Радовишкиот говор. Скопје, 2003.
5. Вачева, Керемедчиева 2000 — *Вачева-Хотева М., Керемедчиева Сл.* Говоры на село Зарово, Солунско. София, 2000.
6. Видоески 1998 — *Видоески Б.* Дијалектите на македонскиот јазик. Т. 1, Скопје, 1998. Т. 2, Скопје, 1999. Т. 3, Скопје, 1999.
7. Извори — Извори на българската етнография. Т. 3. Етнография на Македонија. Материали из архивното наследство. София, 1998.
8. Икономов 1893 — Сборник от старонародни песни и обичаи в Дебърско и Кичевско (Западна Македонија). София, 1893.

9. Конески 1949 — *Конески Б.* Прилепскиот говор // Годишен зборник на Филозофскиот факултет на Универзитетот во Скопје, кн. 2, Скопје, 1949, 247—301.
10. Конески 1957 — *Конески Б.* Материјали за преспанскиот говор од збирката на С. Н. Томик // Македонски јазик, VIII, Скопје, 1957, 173—219.
11. Мирчевска 1993 — *Мирчевска М.* Свадбените обичаи кај македонците во селото Подгорци Струшко // Етнолог, 3, Скопје, 1993, 145—150.
12. Павлови 1928 — *Павлови Ј. М.* Малешево и Малешевци. Београд, 1928.
13. Пеев 1999—2004 — *Пеев К.* Речник на македонските говори во југоистонитот егејски дел. Т. 1—3. Скопје, 1999—2004.
14. Петреска 2002 — *Петреска В.* Свадба како обред на премин кај Македонците од брџачката етнографска целина. Скопје, 2002.
15. Плотникова 2004 — *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.
16. Ристески 1961 — *Ристески М.* Селска свадба // Стремеж. Год. VII, бр. 2, Скопје, 1961, 51.
17. Ристески 1962 — *Ристески М.* Селска свадба IV // Стремеж. Год. VIII, бр. 1, Скопје, 1962, 33.
18. Ристески 1962/2 — *Ристески М.* Селска свадба V // Стремеж. Год. VIII, бр. 2, Скопје, 1962, 37.
19. Селищев 1929 — *Селищев А. М.* Полог и его болгарское население: исторические, этнографические и диалектологические очерки северозападной Македонии. София, 1929. (Говоры Полога, 281—437).
20. Селищев 1931 — *Селищев А. М.* Говоры области Скопья // Македонски преглед, VII, 1, София, 1931, 33—82.
21. Спировска 1982 — *Спировска Л.* За некои магиски елементи во свадбените обичаи во Македонија // Македонски фолклор, Год. XV, број 29-30, Скопје, 1982, 51—64.
22. Танови 1927 — *Танови Ст.* Српски народни обичаји у ев елијској кази // Српски етнографски зборник. К. 40. Живот и обичаи народни. К. 16, Београд, 1927.
23. Татаровска 2000 — *Татаровска Л.* Митологија на јаболкото и прстенот. Скопје, 2000.
24. Толстая 2007 — *Толстая С. М.* К понятию культурных кодов // АБ-60. Сб. статей к 60-летию А.К. Байбурина. СПб., 2007, 23—31.
25. Узенева 1999 — *Узенева Е. С.* Балканские черты в словаре болгарской и македонской свадьбы // В поисках «балканского» на Балканах. Балканские чте-

ния—5. Тезисы и материалы симпозиума. М., 1999, 72—74.

26. Узенева 2003 — *Узенева Е. С.* Терминология народной культуры села Гега в контексте смежных балканских говоров // Материалы Международной научной конференции «Актуальные вопросы балканского языкознания». Санкт-Петербург, 29—30 мая 2001 г. СПб, 2003, 120—132.

27. ФББ — Фолклорот и етнологията на Битола и Битолско. Битола, 1981.

28. Филипови 1939 — *Филипови М.* Обичаји и верова а у Скопској котлини // Српски етнографски зборник. К. 24, Београд, 1939.

29. Целакоски 1984 — *Целакоски Н.* Дебарца. Обреди, магии и обредни песни. Скопје, 1984.

30. Цепенков 1890 — *Цепенков М.К.* Свадбарски обичаи и песни от Дебърско // Сборник за народни умотворения. Кн. 3, Ч. 1. Народни умотворения, София, 1890, 56—69.

31. Цепенков 1998 — *Цепенков М. К.* Фолклорно наследство в 6 тома. Том 4. Автобиографи. Песни. Пословици и характерни изрази. София, 1998.

32. Цивьян 1993 — *Цивьян Т. В.* Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1993.

33. Шапкарев 1968 — *Шапкарев К.* Сборник от български народни умотворения. Том 1. Обредни песни, народни обичаи. София, 1968.

34. Шклифов 1977 — *Шклифов Б.* Речник на костурският говор // Българска диалектология. Проучвания и материали. Кн. 8. София, 1977, 201—328.

35. Шклифов, Шклифова 2003 — *Шклифов Б., Шклифова Е.* Български диалектни текстове от Егейска Македония. София, 2003.

Примечания

¹Под актом (ритуалом) мы понимаем сложный комплекс обрядовых действий, связанных с исполнителем, местом и временем осуществления, т. е. с обрядовой ситуацией, под обрядом как весь свадебный обряд, всю последовательность действий, цепь ситуаций, так и отдельные его блоки, состоящие из нескольких актов. Ритуальное (обрядовое) действие это минимальный акциональный компонент какого-либо ритуала.

²Подробнее о понятии «кода» см. статью С. М. Толстой (Толстая 2007).

³О балканских чертах в тексте македонской свадьбы см. Узенева 1999.

⁴Подробнее о символике яблока в македонской традиционной культуре см. Татаровска 2000.

Е. Верижникова,

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

Место конструкций **ќе + да + *verbum finitum*** в модально-темпоральной системе македонского глагола

В македонском литературном языке глагольные формы с компонентом *ќе* представляют собой сегмент видо-временной и модальной системы глагола. Все формы этого комплекса образуются с помощью неизменяемой частицы *ќе*, восходящей к глаголу **ћѣтѣти*. Это формы будущего времени (*ќе + презенс*), будущего в прошедшем (*ќе + имперфект*), будущего результативного (*ќе + има + -н/-т-причастие*), будущего результативного в прошедшем (*ќе + имаше + н/-т-причастие*). Кроме того, имеются так называемые несвидетельские, или пересказывательные, формы для будущего и будущего в прошедшем (*ќе + сум + л-форма*), а также для результативных будущих (*ќе + сум + имал + н/-т-причастие*) времен, которые трактуются лингвистами различно: как время, наклонение или особая модальная категория, отличная от наклонения и выражающая не отношение действия к действительности с точки зрения говорящего, а отношение говорящего к содержанию высказывания с точки зрения его достоверности.

Перечисленные формы образуют своеобразную подсистему в рамках темпоральной системы македонского глагола. Все ее члены противопоставлены друг другу по признаку временной ориентации (абсолютный/относительный ориентационный момент), признаку временной определенности (определенный/неопределенный момент совершения действия) и по признаку пересказанности (достоверность/недостоверность или наблюдаемость/ненаблюдаемость).

Таким образом, система времен предстояния как сегмент темпоральной системы македонского литературного языка выглядит следующим образом (см. таблицу).

Каждая из этих форм обладает набором частных значений, формирующихся в результате взаимодействия ее семантического потенциала с различными элементами контекста. Формы в рамках подсистемы свя-

	Абсолютное время	Относительное время	Форма в пересказе
Определенные времена	Будущее ке + презенс	Будущее в прошедшем ке + имперфект	ке + сум + л-форма
Неопределенные времена	Будущее результативное ке + имав + + -н/-т-причастие	Будущее результативное в прошедшем ке + имаше + + н/-т-причастие	ке + сум + имал + + н/-т-причастие

заны как симметрией своих частных значений, так и возможностью употребления в некоторых контекстах немаркированного члена вместо маркированного или в одном ряду с ним. Так, значению действия, будущего по отношению к моменту речи, у формы **ке + презенс** соответствует значение действия, предстоящего по отношению к ориентационному моменту в прошлом, у формы **ке + имперфект**. Значению действия, повторяющегося в широком плане настоящего (итеративному, хабиутальному и т. д.) симметрично значение действия, повторявшегося в прошлом. Значению обусловленного будущего действия формы **ке + презенс** (реальное условие) соответствует значение предстоявшего в прошлом обусловленного действия формы **ке + имперфект** (ирреальное условие). Предстоявшее в прошлом действие, не реализовавшееся в силу названного или подразумеваемого условия, является ирреальным, потому форма **ке + имперфект** в этой части своих значений является формой косвенного наклонения — кондиционала.

Значение форм **ке + сум + л-форма** складывается из двух компонентов: темпоральное значение формы, которое является одним из частных значений формы **ке + презенс** или **ке + имперфект**, и субъективно-модального значения пересказа (ненаблюдаемости действия, собственно вторичной констатации действия и др.). Эти формы принадлежат особой модальной категории глагола, отличной по своему содержанию как от времени, так и от наклонения.

Кроме всех перечисленных выше, в македонском языке существует еще одна группа форм, образуемых с помощью частицы **ке**, которым в научной литературе уделялось мало внимания. Это конструкции, которые включают частицу **ке**, компонент **да** и спрягаемую форму глагола и ис-

пользуются для обозначения действия, которое предполагается говорящим, в достоверности которого он не убежден. Конструкции с *ке* + *да* и глаголом в презентной и имперфектной формах приводятся в качестве варианта соответствующей формы без *да* Б. Конеским¹ и К. Конеским² при описании значения предположения, которое могут выражать формы будущего и будущего в прошедшем. К. Конеский рассматривает *да* как особый знак, который маркирует значение предположения, вероятности. Он отмечает также наличие в языке конструкций с *ке* + *да* и глаголом в форме аориста, что, по его мнению, «указывает на грамматикализацию союза *да* в специальном значении»³. Однако языковой материал показывает, что после *ке да* может быть употреблена любая временная форма, а не только аорист, и, таким образом, возникает вопрос, каково же значение, статус этих образований и их место в системе, причины, обуславливающие появление таких конструкций.

Формы *ке* + *презентс*, помимо будущих действий, могут обозначать действия, относящиеся к настоящему неактуальному⁴. Большую группу среди них составляют потенциальные действия: возможность, готовность, долженствование совершить действие в широком плане настоящего. Одно из значений в этой группе — значение предположения, умозаключения о действии, относящемся к настоящему:

Некое големо место!.. Олкави куки нема во мали места!.. Толкаво место не ке е без крчма! ТГ А село-то большое!.. Такихдомиц в маленьких селах не бивает!.. В таком большом селе не может не быть корчмы!

Борис: *Тоа ти е обетка на увото?* Матей: *Да.* Борис: *Го дупна?* Матей: *Да.* Борис: *Болезе?* Матей: *Не.* Борис: *Колку пари дупенето?* Матей: *Пет илјади лири.* Борис: *Не се дупеше овде?* Матей: *Во Италија.* Борис: *Веднаш си реков не ке е ова дупено овде. Со здравје да си ја носиш.* ГС Борис: *Это у тебја сержка в ухе?* Матей: *Да.* Борис: *Проколот?* Матей: *Да.* Борис: *Больно было?* Матей: *Нет.* Борис: *Сколько стоит проколоть?* Матей: *Пять тысяч лир.* Борис: *Ты не здесь прокалывал?* Матей: *В Италии.* Борис: *Я сразу так и подумал: видать, не здесь прокололи.*

Чаще всего в этом значении употребляются глаголы *сум* (в том числе в составе аналитических результативных конструкций *сум* + *н/-т* причастие, как в примере выше) и *има*, но встречаются и другие глаголы:

— *А ти, кој човек бараш?* — *потем предиска праша Игно.*

— *Уште не знам: го барам ли? Не ке го познаваш...* Наум, висок, со црно палто, од новодојдените. ВМ

— *А ты кого ищешь?* — *переведа дух, спросил Игно.*

— *Да не знаю еще, ишу ли? Вряд ли ты его знаешь... Наум, високий та- кой, в черном пиджаке, из вновь прибывших.*

Полную параллель этому значению формы **ке** + **презент** представляет собой значение предполагаемого действия в прошлом формы **ке** + **им-перфект**, но в данном случае возможно только употребление глаголов **сум** и **има**:

Но детето дишеше и, дишејќи, ја туриваше водата насобрана во диплите на кошулчето. Не ке имаше повеќе од две години. Толку, две години, си рече Филка. Година и пол, помисли Калина... ВМ Но ребенок дышал, и по мере то- го как он дышал, выливалась вода, собравшаяся в складках его рубашечки. Ему было, похоже, не больше двух лет. Столько, два года, сказала себе Фил- ка. Полтора, подумала Калина.

Часто формы в таком значении употребляются в вопросительных предложениях со **што**, и тогда сочетание свойственного форме субъек- тивно-модального значения и вопросительной модальности предло- жения передает ситуацию размышления, поиска версий ответа, с воз- можным перифразом: *что бы это такое могло быть?*

Што нива ке беше таа што ги роди, и што раце ги нанижаа, толку уред- но? ... Педесетина низи црвени пиперки се сушат и ја красат новоградбата од нашата фотографија. «Нова Македонија» от 23.10.1992 И что же это было за поле, на котором они уродились, и чьи же руки их нанизали так ров- но?.. Пятьдесят низок красного перца сушатся и украшают новостройку на нашей фотографии. (Подпись под фотографией в газете.)

Интересно, что в данном значении могут быть употреблены и формы пересказа, причем при передаче собственного умозаключения, что на первый взгляд избыточно. Тем не менее, употребление пересказа можно объяснить удаленностью места и времени действия, к которому относится предположение, т. е. пересказ выступает в значении ненаблюдаемости ситуации, к которой относится предположение:

Еве го и Alphons XIII, roi d' Espagne ... голиштарче! Не ке имал повеќе од дванаесет години... ВМ А вот и Альфонс XIII, король испанский... желторо- тик! Ему, должно быть, лет двенадцать было, не больше... (Комментарий человека, разглядывающего изображение короля.)

С другой стороны, в македонском языке предположение может выра- жаться и с помощью **да**-конструкции. Этим термином в македонском языке обозначается сочетание **да** и финитной формы глагола (презенса

имперфекта, реже других форм), характеризующееся закрепленной позицией *да* непосредственно перед глаголом (между ними могут быть вставлены лишь краткие личные и возвратное местоимения и отрицательная частица *не*). Б. Конеский отмечает, что «раннее будущее время представляло собой конструкцию из формы презенса глагола ХОТЪТИ и инфинитива данного глагола»⁵. В современном литературном языке инфинитив полностью вытеснился *да*-конструкцией. «Это замещение <...> произошло и в составе будущего времени. Формы будущего времени типа *ке да оди, ке да види <...>* до сих пор живы в некоторых говорах». «Союз *да* утратился, поскольку не выполнял никакой существенной различительной функции»⁶. В тех говорах (например, в северном Кумановском), где регулярные формы будущего времени содержат *да*, «этот союз не вносит какого-либо нового оттенка значения»⁷. В литературном же языке конструкция с *ке + да* не используется для передачи значений будущего и будущего в прошедшем. На современном этапе она употребляется исключительно в контекстах, где присутствует субъективно-модальный оттенок предположения, неуверенности. Поэтому возникновение конструкций с *ке + да* следует рассматривать не как переосмысление формы будущего времени на некотором этапе ее развития, а как новый процесс в результате позднейшего пересечения сфер употребления форм с *ке* и *да*-конструкции, представляющей собой синтаксическое и смысловое единство, наделенное модальным значением.

Вопрос о статусе и значении *да*-конструкций в системе македонского глагола до сих пор остается спорным. Большинство исследователей считают их синтаксической конструкцией, другие же — формой ирреального наклонения — конъюнктива⁸. При этом различается зависимый (когда *да* выступает как подчинительный союз и вводит придаточное предложение) и независимый тип употребления. Р. П. Усикова отмечает, что *да*-конструкции по своим, очень разнообразным, семантическим признакам и типам употребления не вписываются в четкие противопоставления другим наклонениям, хотя и не выражают реальных действий, в отличие от форм индикатива. <...> В независимом типе употребления конструкции с *да*, употребляясь обычно транспозитивно вместо некоторых модальных глагольных форм, выражают разнообразные модальные значения. В зависимом типе употребления они лишь называют глагольное действие с общим неиндикативным значением»⁹.

При любом подходе к определению статуса конструкций с да все исследователи отмечают наличия модальных значений в ее спектре. Одно из них — значение предположения: *Но луѓето од Долна Долина веруваа, гласот да е претскажување на војна и трипати веќе се покажало точно тоа знаење. МФ Люди из Нижней Долины верили, что этот звук предвещает войну, и три раза уже примета сбывалась. Гледаме лежат жена и девојче... Девојчето... да има околу пет-шест години ПА¹⁰ Смотрим: лежат женина и девојка... Девочке лет пять-шесть.*

Гораздо чаще, чем в утвердительном предложении, в значении предположения, неуверенности да-конструкция употребляется в вопросе, и тогда возникает дополнительный нюанс опасения: *Маро, што велиш ти, да има некој дојдено и да има нејдено затворено, да е вратен? РК Мара, што ти скажеш, может быть, кто-то приходил, увидел, что заперто, да и назад воротился?*

Существенно, что в этом случае после да могут выступать все глагольные формы: презенс, перфект с *има*, как в примерах выше, перфект с *сум* как в следующем примере: *Да не дошол Најденко Јорданкин, рече Стојко Ваперот, и да ги испреметкал жиците и винтовите. Да не скинал нешто. ПА А не явился ли откуда-нибудь Найденко Йорданкин, сказал Стойко Вампир, не он ли перепутал все провода и винты. Не оборвал ли он чего? Не составляют исключение и формы с *ќе*: Станувам, и штуркам по долапите. да не ќе најдам едно лајче шеќер, да му направам блага вода. ПА Я встану и шарю по шкафчикам, не најду ли хоть ложечку сахара, послатить ему водичку.*

Итак, среди многочисленных значений форм будущего, будущего в прошедшем и да-конструкций имеется значение предположения. Иногда они могут даже выступать в одном контексте:

Се јавија сите камбани, и големата и средната и малечката, заеднички се огласија до најоддалечената куќа и сите знаеја дека викаат да се собере селото пред Одборот. Пожар да е — не ќе е, снегот непрекинато паѓа со делови, вода да е — не ќе е, нема река да поплави... ТТ Зазвонили все колокола: и большой, и средний, и малый, — хором, так что было слышно до самого дальнего дома, и все знали, что это созывают село собраться у Комитета. Может, пожар — да вряд ли: снег, не переставая, валит несколько дней. наводнение — тоже вряд ли: нет реки, что могла бы разлиться...

Наконец, есть примеры, правда, весьма малочисленные, в которых форманты *ќе* и *да* употребляются в комплексе, и при этом *да* предшествует

ет **ке**, что свидетельствует, во-первых, о том, что возможно их совместное использование для передачи одного значения, и, во-вторых, что процесс утверждения в языке конструкций **ке + да + финитный глагол** еще не завершен: *Можеби Стојан и да ке се смиреше, да ке си заминеше од овој век натажен, замолчен, каков што стана последните години, да не се појави Митре... КЧ Можеет быть, Стоян и успокоился бы, ушел бы на тот свет печальным и молчаливым, каким он стал в последние годы, если бы не появился Митре...*

Приведенные примеры позволяют думать, что конструкция **ке + да + финитный глагол** является своего рода контаминацией этих форм. Она является специализированным средством для выражения значения предположения. При этом в контексте могут присутствовать лексические показатели, дополняющие, раскрывающие это значение, но они не обязательны, поскольку оно присуще конструкции и в минимальном контексте. При этом после комбинации **ке + да** может следовать любая временная глагольная форма.

1. Конструкции **ке + да + презенс**

Действие, выраженное конструкцией **ке + да + презенс**, может относиться к плану настоящего или будущего. При этом помимо временного значения форма несет субъективно-модальный оттенок неуверенности говорящего в достоверности этого действия. Высказывание является первичной констатацией, представляющей собой собственное умозаключение говорящего или субъекта действия в несобственно-прямой речи.

«Мајко» прашаше Сандар, «која е највисока планина од нашите»? «Исток ке да е» одговараше мајка му Босилка. МФ «Мама, — спрашивал Сандар, — а какава из наших гор самая высокая?» «Должно быть, Исток,» — отвечала ему мать Босилка.

Виде и самиот, безмалку сто километри не видовме знак на патот, како да не сме на земја, туку горе, на Месечината! Таму бездруго ке да има повеќе знакови, отколку во оваа пустелија. КЧ Ты и сам видел, за сто километров без малого ни одного знака мы вдоль дороги не видели, будто мы не на земле, а вверху, на Луне! Там наверняка больше знаков, чем в этом захолустье.

Данное значение формы могут иметь и в вопросительных предложениях, когда говорящий, не зная ответа, размышляет в поисках предположений, которые могли бы быть ответом на вопрос: *Што луѓе ке да се сега*

пак овие? ТГ И что же это могут быть за люди? В большинстве случаев в этих формах употребляются сум и има, но возможны и другие глаголы: Браќата нејзини ми се заканауваат со убиство ако не ја земам за жена. <...> Ќе да ги учи мајка им Урѓија... МФ Ее братья угрожают мне, что убьют, если я не женюсь на ней. Это, видно, их научает их мать Урѓија.

Субъективная модальность предположения, неуверенности может накладываться и на другие частные значения, присущие формам *ќе + презенс*, в частности, на значение будущего обусловленного действия (А... *ако ги дадеш парите, ќе да може да се нареди некако работата...* КЧ А... *если ты дашь денег, дело, может быть, и можно будет обстряпать.*) или значение хабитуального действия (...*животот таму, горе, нема крај, тоа што ќе го одбере човек, или што ќе му го одберат, ќе да е со век, без крај, зашто крајот, како таков, е истеран отаде.* КЧ ...*у той жизни, на том свете, нет конца, и что человек выберет, или что ему выберут, как видно, на веки вечные, без конца и краю, потому что конца там нет как такового.*)

2. Конструкции *ќе + да + имперфект*

Эти конструкции обозначают действие, относящееся к плану прошлого, в отношении которого говорящий высказывает предположение, неуверенность в его истинности или о котором точно не помнит. В отличие от формы *ќе + имперфект*, в конструкциях с *ќе + да* могут употребляться не только глаголы *сум* и *има*:

Кога се вратиле во Добридол, Тихон имал спечалено четири златници: ќе да беа лири, не се сеќаваше точно МФ Когда они вернулись в Добридол, у Тихона было четыре заработанных золотых, вроде это были лиры, он точно не помнил.

Ќе да сакаше Несторе пак да им го сврти вниманието на офицерите и започна да им зборува. МФ Нестор, видимо, хотел снова привлечь внимание офицеров и стал им говорить что-то.

...ми се чини за слична работа сум читал песна, напишана од некој Германец, или ќе да зборуваше за тоа еден пијан селанец во Битола МФ ... мне кажется, я о чем-то подобном читал в стихах какого-то немца, а, может, об этом говорил один пьяный крестьянин в Битоле.

...офицерите ќе да го прашуваа, зошто се смеат селаните, што шепотат едно — едно на уво, а Нестор веќе весел им кажуваше на наш јазик МФ ...офицеры, наверно, спрашивали его, почему смеются крестьяне и что они

шепчут друг другу на ухо, а Нестор уже навеселе отвечал им на нашем языке. (Предположение относится к содержанию непонятной говорящему речи на иностранном языке.)

Во всех примерах выше конструкция **ке + да + имперфект** обозначает действия, которые, хотя говорящий и не уверен в них, являются реальными. Неуверенность относится не к грамматической реальности действия, а к тому произошло или не произошло действие на самом деле: *было/не было*, причем *не было* грамматически так же реально, как и *было*. Однако эти конструкции могут обозначать и ирреальные условные действия, которые входят в спектр значений форм **ке + имперфект**. При этом к объективно-модальному значению ирреальности присоединяется субъективно-модальное значение предположения:

Ке да беше поумно да послушав — мисли сега Киро Врбата. Ке да беше поумно да се вратев дома, да... Ама што да се прави, бе брате, кога судбина-та повела со човека, а не тој со неа? Како и да е, за арно или за лошо, Киро Врбата влезе во «Хортензија»... КЧ Было бы, наверно, умнее, если бы я послушался, думал теперь Киро Верба. Наверное, было бы умнее, если бы я вернулся домой, да... Но что поделаешь, браток, если судьба распоряжается человеком, а не он ею? Как бы то ни было, к добру ли, к худу ли, Киро Верба вошел в «Гортензию»...

Де има знаење и кажубање отаде каде што замина Емануел Митровски, ке да се знаеше: што помисли тој кога ги виде и автомобилот и колата, смирена, без кавга, без завист, како му ја оддаваат последната почит. КЧ Если бы приходили вести и сообщения оттуда, куда ушел Эммануил Митровский, может, было бы известно: что он подумал, когда увидел, как и автомобиль, и телега, примиренные, без всяких ссор, без зависти, отдают ему последние почести.

Итак, значение конструкций **ке + да + презенс** и **ке + да + имперфект** складывается из темпорального или объективно-модального значения, которое имела бы в данном контексте соответствующая форма без *да*, и субъективно-модального значения предположения, сомнения в достоверности этого действия.

Таким образом, на пересечении форм будущего и будущего в прошедшем и *да*-конструкций возникло специализированное образование для выражения предположения. Первоначально частица *да* (а в данном слу-

чае это модальная частица), служила для сигнализации того, что форма с **ќе** выступает именно в этом из своих частных значений, базирующемся на значении потенциальности в семантике форм будущего времени. Причем в этом значении почти исключительно выступают «экзистенциальные» глаголы **сум** и **има**, поскольку их значение отвечает сути значения предположения: *думам, што это так, но, может быть, и нет*. Маркировку этого значения частицей да можно объяснить необходимостью разгрузить и без того многозначные формы. Затем частица да начинает восприниматься как показатель этого субъективно-модального значения и выступать в сочетании с другими частными значениями из диапазона форм с **ќе**. Расширяется и возможность употребления других глаголов в этих конструкциях. Затем комбинация **ќе + да** становится носителем значения предположения и начинает выступать с другими глагольными формами, в том числе и с теми, с которыми частица **ќе** без да не встречается. При этом темпоральное или объективно-модальное значение формы сохраняется, а **ќе + да** вносит только значение предположения.

3. Конструкции **ќе + да** с другими глагольными формами

а) **ќе + да + аорист**

Следует отметить, что в македонском языке частица **ќе** без да с формой аориста употребляться не может. Конструкция **ќе + да + аорист** означает законченное целостное определенное действие в прошлом, относительно которого говорящий высказывает предположение:

Педата ќе да се сети за нешто, гледаше и ништо не зборуваше. МФ Коротышка, наверно, что-то вспомнил, он только смотрел и ничего не говорил.

Господи, колку време сум лежел, ќе да поминаа петнаесет дена оттогаш, а може и повеќе. МФ Господи, и сколько же времени я лежал, дней пятнадцать, должно быть, прошло, а то и больше.

б) **ќе + да + има-перфект и ќе + да + имаше-плюсквамперфект**

Перфектные и плюсквамперфектные формы в сочетании с **ќе + да** также сохраняют свое темпоральное значение (действие, результат которого актуален к настоящему моменту или к моменту в прошлом), к которому присоединяется значение предположения. *Тутунска слава Бразда не здоби, како на пример Прилеп, не. Не спомогна ни земјата, која не е положила од прилепската, не спомогна дури и Прилепскиот институт за тутун кој се*

опибе, чесно, да изнајде сорта тутун што ќе е најдобра за Бразда, па работите излегоа грди, резултатите не се покажаа добри, макар што и денес има души во Бразда кои веруваат дека се работи за потоморување на вистинските резултати од опитите, потоморување во кое ќе да се имаат замешано и човечки прсти. КЧ Бразда не приобрела табачной славы, как, например, Прилеп, нет. Не помогла ни земля, которая не хуже прилепской, не помог даже Прилепский институт табака, который честно пытался найти сорт табака, наиболее подходящий для Бразды, но дело обернулось неудачей, результаты оказались неудовлетворительными, хотя до сих пор есть в Бразде люди, которые считают, что тут не обошлось без сокрытия результатов опытов, к чему наверняка кто-то приложил руку.

При сè што не му скинал куршумот, пак нешто ќе да му имаше расипано. ПА Хотя пуля его и не убила, что-то в нем, *видать*, она все же испортила.

Ети конструкции скорее следует связывать не с формами будущего результативного или будущего результативного в прошлом, а с перфектом и плюсквамперфектом, поскольку формы будущих результативных времен употребляются крайне редко, и среди примеров их употребления не встречено примеров с выражением предположения.

4. Конструкции *ке + да + сум + л-форма*

Предположение может быть выражено конструкцией с *ке + да* и формой *сум-перфекта*, который может выступать как в своем темпоральном значении, так и в значении пересказа. Некоторые исследователи считают, что в данном случае имеется два ряда омонимичных форм — перфекта и пересказывательной разновидности аориста и имперфекта¹¹.

В следующих примерах *сум + л-форма* является перфектом, поскольку налицо наблюдаемость, в первом случае об этом говорят остальные непересказывательные формы, употребленные в контексте, а во втором — ситуация диалога. Предположение о действии делается на основании наблюдаемых результатов этого действия.

Ќе да забораваил нешто во манастирот Света Петка калуѓерот Калуш, па не појде по џадето за Битола, туку се враќаше назад во Даброво. МФ Наверно, *забыл что-то в монастыре Св. Параскевы монах Калуш, оттого и не пошел по дороге, ведущей в Битолу, а вернулся назад в Даброво.*

Ќе да сте недослушале нешто бездруго? А? КЧ Вы, *верно*, *чего-то не расслышали?*

Умозаключение, выраженное конструкцией *ке + да + сум + л-форма*, может относиться и к действию самого говорящего, если он совершил его неосознанно, не отдавая себе отчет, а затем делает вывод на основании наступивших последствий:

Но Благуна не го чу влегувањето, само кога се сврти го виде сиот бел небаре душа. Па, си рече, сепак некакви мисли ќе да ме однесле далеку од светов, инаку ќе го чуев качувањето. ВМ Но Благуна не слушала, как он вошел, только когда оглянулась, увидела его, всего белого, как призрак. Ну, сказала она себе, верно, какие-то мысли унесли меня далеко отсюда, иначе я бы услышала, как он поднимается.

В следующем примере форма после *ке + да* является пересказывательной, поскольку остальные формы также выдержаны в пересказе. Пересказ здесь выступает в частном значении ненаблюдаемости, а значение предположения вносится сочетанием частиц *ке* и *да*. Темпоральное значение конструкций то же, которое имела бы форма и без частиц *ке* и *да* — действия в прошлом.

Бојан ќе да си ја имал мувата на капата, тоа е. Стравот не доаѓа туку-така. Тој носел некои тајни работи, некои оружја ќе да носел, тоа е стравот. ВМ Боян знал, видно, за собою грех, в этом все дело. Страх неспроста возникает. Он вез какие-то запрещенные вещи, какое-то оружие, должно быть, вез, отсюда и страх.

Пересказ может выступать и в значении вторичной констатации, как в следующем примере:

«Возот ќе да е дојден», се чу од местото каде што до пред малку седеше раздразнетит човек. «Возот ќе да дошол и, за да нема бутканица, ќе не водат во редица» ВМ «Поезд, кажется, прибыл,» — послышалось с места, где только что сидел рассерженный человек. «Поезд вроде, говорят, прибыл и, чтобы не было давки, нас поведут шеренгами» Здесь дважды употреблены формы с *ке + да*. В первом случае предположение выражено конструкцией с перифрастическим результативом *сум + н/т-причастие*, а во втором при передаче чужого предположения использована конструкция с пересказывательной формой.

Таким образом, *ке + да* может сочетаться и с формами пересказа. При этом на темпоральное значение формы накладывается дополнительное модальное значение предположения, умозаключения, неуверенности, которое сочетается с пересказывательной модальностью, означающей ненаблюдаемость, вторичную констатацию факта.

Рассмотренный материал показывает, что частица *да* в сочетании с частицей *ке* становится специализированным средством для выражения субъективно-модального значения предположения, накладывающегося на временное значение формы. Комбинация *ке + да* в определенной степени самостоятельна, после нее может употребляться не только презенс и имперфект, как в формах будущего и будущего в прошедшем времени, но и другие глагольные формы и конструкции: аорист, перфект (с *сум* и с *има*), плюсквамперфект, пересказывательные формы, результативные конструкции *сум + н/т-причастие*. Сочетанием *ке + да* становится специализированным грамматическим средством для выражения значения предположения. Разумеется, речь идет о переходном этапе в развитии этих конструкций, свидетельство чему — неоднородность рассматриваемых форм. В формировании темпорального или объективно-модального (кондиционального) значения в ряде примеров участвует частица *ке*, в других же — она в комбинации с *да* является носителем только субъективной модальности предположения.

Видимо, рассматриваемые конструкции можно считать инновацией в македонском языке — формирующейся новой субъективно-модальной категорией конклюдива. Особенно широко рассматриваемые конструкции представлены у авторов — выходцев из юго-западной Македонии: В. Малеского (Струга), К. Чашуле (Прилеп), М. Фотева (Преспа), П. Андреевского (Демир Хисар), где, вероятно, находится центр этой инновации. Впрочем, этим писателям вообще свойственно разнообразное и широкое использование всех возможностей языка: грамматических, синтаксических, лексических, словообразовательных.

Источники и сокращения:

1. *Андреевски П. М.* Пиреј. Скопје, 1980. ПА
2. *Георгиевски Т.* Рамна земја. Скопје, 1982. ТГ
3. *Георгиевски Т.* Црно семе. Скопје., 1985.
4. *Крле Р.* Парите се отепувачка. Скопје, 1976. РК
5. *Малески В.* Разбој. Скопје, 1969. ВМ
6. *Стефановски Г.* Хај-фај // Одбрани драми. Скопје, 1987. ГС
7. *Фотев М.* Потомците на кат. Скопје, 1966. МФ

8. *Фотев М.* Неplодна вода. Скопје, 1978.
9. *Чашуле К.* Вомјазии. Скопје, 1981. КЧ
10. *Чашуле К.* Црнила // Одбрани дела во осум книги. Книга 2. Драмии. Скопје, 1978.

Примечания

¹ *Конески Б.* Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје, 1967. Цит по Избрани дела во седум книги (второ дополнето јубилејно издание). *Конески Б.* Скопје, 1981. Книга шеста. С. 488, 493.

² *Конески К.* Глаголските конструкции со ќе во македонскиот јазик. Скопје, 1979. С. 80-81, 190-191.

³ Там же, с. 191.

⁴ Следует напомнить, что в македонском языке глаголы совершенного вида в настоящем времени не употребляются, и потенциальные и повторяющиеся действия, которые, например, в сербском, болгарском и русском языках выражаются презентом совершенного вида, в македонском языке передаются формами будущего времени.

⁵ *Конески Б.* Историја на македонскиот јазик. Скопје, 1965. С. 13.

⁶ Там же. С. 202—203.

⁷ *Видоески Б.* Кумановскиот говор. Скопје, 1962. С. 221.

⁸ См.: *Голомб З.* Два македонски говора (на Сухо и Висока во Солунско). Јазична обработка // Македонски јазик. XI—XII, кн. 1-2, Скопје, 1961-1962. С. 113—182.

⁹ *Усикова Р. П.* Грамматика македонского литературного языка. М., 2003. С. 212—213.

¹⁰ Пример взят: *Усикова Р. П.* Обид за функционално-семантичката карактеристика на изразните средства а модалноста на веродостојност во македонскиот литературен јазик контрастивно со рускиот // Прилози на Македонската Академија на науките и уметностите XVI. 1 (1991). Скопје, 1992. С. 132.

¹¹ См.: *Усикова Р. П.* Грамматика македонского литературного языка. С. 217—221

У. Гайдова,

Институт македонского языка им. Крсте Мисиркова, Скопье

Литературный язык и исследование македонских диалектов

В своей статье я остановлюсь на значении диалектологических исследований в процессе уточнения норм македонского литературного языка, учитывая взаимоотношения диалектов и кодифицированного языка в Македонии.

Если говорить об отношении между диалектным и литературным языком вообще, то нужно иметь в виду, что его составляют два взаимосвязанных фактора. Это, с одной стороны, степень диалектной раздробленности языка, а с другой стороны, временная дистанция между тем моментом, который условно берется за начало самостоятельного развития данной диасистемы, и тем моментом, когда система приобретает кодифицированный стандартный вариант, функционально надстраивающийся над всеми остальными, географически распределенными вариантами¹.

Общеизвестно, что диалектная раздробленность македонского языка довольно велика, особенно на периферии македонской языковой территории, которая граничит с неславянскими балканскими языками: албанским, греческим и аромунским. Сам процесс диалектной дифференциации македонского языка можно проследить еще с XI в., так что «основные контуры сегодняшних македонских диалектов обозначились уже на рубеже XIII—XIV вв. Эволюция многих процессов, начавшихся в глубокой древности, продолжилась и позднее, а некоторые до сих пор не окончены...»²

По отношению к фактору «время» ситуация следующая: после серии попыток представителей македонского национального возрождения XIX в. — Иоакима Крчовского, Кирилла Пейчиновича, Партения Зографского, Кузмана Шапкарева, Георги Пулевского и др. — первая кодификация македонского языка была осуществлена Крсте Петковым Мисирковым, изложившим свои мысли по поводу македонского языка и его кодификации в книге «О македонских проблемах», опубликованной в 1903 г. в Софии. Положения Мисиркова окончательное воплоще-

ние находят в 1945 г., когда основы македонского литературного языка, его алфавит и орфография закрепляются законодательно.

Македонский литературный язык кодифицирован на основе центральных македонских говоров (прилепско-битольских, кичевско-пореческих и скопско-велесских), которые входят в западномакедонское наречие.

Сама «стандартизация языка означает сублимацию узуальной нормы выбранного диалекта, его возвышение до ранга прескриптивной нормы будущего стандарта, а также ее доработку для того, чтобы он смог успешно выполнять функции, характерные для литературного языка и не свойственные местному диалекту»³.

Нормы литературного языка после кодификации продолжают верифицироваться в дальнейшей разговорной практике. Решения для уточнения нормы нужно искать в пределах диалектной системы. А новые языковые образования, которые являются результатом таких современных условий жизни, как появление заимствований, использование новых синтаксических конструкций под влиянием других языков, на сегодняшний день — английского, т. е. языковые образования, непредусмотренные в процессе кодификации, нужно сознательно направлять по пути нормирования. Я задержусь на тех вопросах, которые нуждаются в дополнительном рассмотрении в связи с исследованиями македонских диалектов.

Македонские диалекты дают основание для исследований подобного типа. Они и сегодня, спустя более 100 лет со дня первой кодификации македонского языка и 60 лет со дня официальной кодификации, хорошо сохранились. Точнее говоря, временной дистанции от начала кодификации до сегодняшнего дня оказалось недостаточно для того, чтобы стереть разницу между диалектами и литературным языком. Разумеется, имеются определенные изменения внутри диалектных систем, связанные с их самостоятельным внутренним развитием, с влиянием соседних диалектов, литературного языка или же с изменением демографической картины в отдельных населенных пунктах. Последняя ситуация наиболее ярко представлена в Скопье, где за короткое время произошло значительное увеличение числа жителей. Однако исследования македонских диалектов прошлых лет и исследования, проводимые в последние годы, не показывают каких-либо резких изменений в системе. Отмечаются, главным образом, только различия, которые являются результатом развития отдельных языковых форм и явлений, дополняющих предшествующую картину.

Что же касается фактора «диалектная раздробленность», как известно, достаточно сильного в македонском языке, следует учитывать его позитивную роль с точки зрения сохранения македонских диалектов. Сильная диалектная раздробленность, как отмечалось выше, обусловлена периферийным положением македонского языка по отношению к славянской языковой территории и долговременными непосредственными контактами с неславянскими балканскими языками. Именно это стало причиной зарождения серии инновационных процессов на всех языковых уровнях⁴, приведших к иному пути развития македонского языка по сравнению с другими южнославянскими языками.

В последние годы диалектологические исследования проводятся в области синтаксиса и морфосинтаксиса на материале ряда македонских говоров, кроме того, отдельные языковые проблемы из этой области рассматриваются на всей македонской языковой территории⁵. Исследования подобного типа обусловлены тем фактом, что македонский язык демонстрирует особую морфосинтаксическую структуру, являющуюся не просто собранием так называемых балканизмов, наиболее многочисленных именно в области морфосинтаксиса, а показывающую специфическое развитие общеизвестных канонических балканизмов (образование футурума с помощью *velle*, *habere*-перфекта, сохранение аориста и имперфекта как основных показателей претерита, развитие категории статуса, удвоение объекта и т. д.). Известно, что балканские языковые черты в македонском языке наивысшей степени грамматикализации достигли в центральных македонских говорах. Здесь языковые черты балканского характера являются не результатом непосредственного влияния неславянских балканских народов, а представляют собой развитое языковое явление, комплексно встроенное в языковую систему. Особого внимания при изучении македонских диалектов и литературного языка требует глагольная система как наиболее балканизированный элемент македонского языка. Пристальное изучение македонских глагольных конструкций как в диалектах, так и в литературном языке, показывает, что необходимо более точное определение их первичных функций, являющихся результатом специфического развития в македонской языковой среде⁶. В связи с этим речь пойдет о **ке-конструкциях** в македонском языке и об их первичной функции — показателя кондиционала (кондиционал *praesentis* / кондиционал *praeteriti ke oдам/ке одеа*), о вторичной функции — показателя македонского футурума и *futurum praeteriti*, а также о развитии

субъюнктива, значение которого передает так называемая да-конструкция (субъюнктив *praesentis* / субъюнктив *praeteriti da doјdam/da doјdev*), и, конечно же, о формировании категории статуса.

В связи с этим я попытаюсь суммировать некоторые представления большинства исследователей македонских диалектов и литературного языка относительно функциональной нагруженности конструкций типа *сум + л-форма* и определения их базовой семантики в македонском языке. Эта конструкция представляет собой развитие старославянского перфекта типа *byti + l-партицип*. Интерес к функциональной нагрузке конструкций типа *сум + л-форма* в македонском языке достаточно велик, если учитывать и тот факт, что в македонском языке выделяют еще два типа конструкций, представителей так называемого балканского перфекта, образованных с помощью вспомогательного глагола *habere + причастие* на *—н-/—т* (*имам напишано*) и *esse + причастие* на *—н-/—т* (*сум дојден*). Кроме того, в македонском языке сохранились простые прошедшие времена: аорист и имперфект. В «Грамматике македонского языка» Б. Конеского⁷ конструкция *сум + л-форма* получила название «прошедшее неопределенное время» (*Сум ти кажал / кажувал (некогаш) и пак ќе ти кажам*), противопоставленное прошедшим определенным временам: аористу и имперфекту (*Ти кажав/кажував (вчера) ...*). При этом отмечается, что одна и та же конструкция используется как для непосредственного обозначения события (ср. *Сме живееле и подобро некогаш*) и для так называемого пересказа, т. е. для передачи информации о событии, свидетелем которого говорящий не был (ср. *Ми рекоа дека Петар веќе стигнал; Кога дошле комшиите да ги посетат, тие не им ја отвориле вратата*). Для этой конструкции, являющейся результатом развития старославянского перфекта типа *сум + л-форма*, не чуждо значение перфекта: актуальность факта свершившегося действия в прошлом на настоящий момент (ср. *Денес сум дошол за работа, не за забава*). Говоря о конструкции *сум + л-форма*, В. Фридман⁸ не останавливается на одной, инвариантной, основной функции, а выделяет четыре контекстуальных семантических варианта: неопределенность, результативность, незасвидетельствованность, отсутствие утвердительности. Именно благодаря своей полифункциональности конструкция *сум + л-форма* обозначается в лингвистической литературе, посвященной македонскому языку, с помощью целой серии терминов, связанных с ее модальной семантикой: эвиденциал, имперцептив, дубитатив, адмиратив и др. Более пристальное рассмотрение

македонских диалектов и литературного языка позволяет определять конструкцию *сум + л-форма* прежде всего как выражение категории статуса, это означает, что основная интерпретация данной конструкции связана с выражением личной, субъективной позиции говорящего по отношению к истинности обозначаемого события; в большинстве случаев речь идет о более или менее дистанцированной позиции говорящего относительно истинности обозначаемого события. Последнее определение отмечалось еще в первой «Грамматике македонского литературного языка» Х. Ланта, опубликованной в 1952 г. в Скопье⁹.

Семантике и использованию конструкции *сум + л-форма* посвящена часть монографических описаний отдельных говоров и диалектных групп говоров македонского языка, а ее комплексное описание осуществлено на материале южномакедонских говоров. Об этой конструкции З. Тополинская говорит: «На западной периферии эта категория (дубитатив. — У. Г.) представлена наиболее широко и наиболее ясно оформлена, именно она является единственной функцией *сум-перфекта*, при этом преобладает маркированный адмиративный вариант дубитатива. Ближе к востоку дубитатив присутствует в живой разговорной речи, в то время как в языке народного творчества (в сказках) он четко не отделяется от других функций прошедшего неопределенного времени. И, наконец, в юго-восточных говорах дубитатив, хотя и присутствует, однако сложнее всего выделяется, что, вероятно, связано со смещением статуса перфекта, т. е. с размыванием границ между определенными и неопределенными временами»¹⁰.

Приведенная цитата показывает, что судьба древнего *сум-перфекта* в македонском языке является различной в разных языковых средах. Развитие этой конструкции в македонском языке коррелирует с развитием аориста и имперфекта (прошедшим определенным совершенным и прошедшим определенным несовершенным временами) и с развитием *havege-перфекта* (*имам дојдено*).

На крайнем юго-западе аорист и имперфект являются основными формами претерита, ср.: *Бјд ена мајка, имјдше ено дјдте. Ено време беше еден цар и жена му не родваше*¹¹; в качестве прошедшего неопределенного времени и перфекта используется *havege-перфект*, ср.: *Јас имам орано вногу нивје; Сеа го има вјанато водата, потонат ет во водата*¹²; *сум + л-форма* сохраняется в функции дубитатива / адмиратива, ср.: *Тој бе бил будала!, рече царо; ка се гредјдо со све марице во дворо царутому; До барем имало*

*и други будали кај домашнити моји*¹³; семантика пересказа, т. е. несвидетельской модальности, не развита.

На остальной части македонской языковой территории в качестве основных носителей семантики претерита в основном утверждаются аорист и имперфект, однако они конкурируют с конструкцией *сум + л-форма*, которая пытается занять ту же позицию (ср. развитие древнейшего *сум-перфекта* в остальных славянских языках, прежде всего, небалканских). В македонском языке, как и в других балканских (неславянских) языках, преобладают синтетические формы претерита. Другими словами, конструкция *сум + л-форма* была вынуждена развиваться по иному пути.

С другой стороны, наличие конструкций типа *сум + л-форма* в свою очередь влияет на развитие аориста и имперфекта в македонском языке. Последние используются в функции прошедшего определенного совершенного и несовершенного времен, при этом *л-форма* в македонском языке образуется как от основы аориста, так и от основы имперфекта (*испил, пиел, научил, учел*).

Оппозиция определенность: неопределенность в собственно темпоральном плане (противопоставление прошедшего определенного времени, с одной стороны, и прошедшего неопределенного, с другой) не проявляет себя как различительная. Это подтверждается немотивированным чередованием форм аориста (от перфективных и имперфективных глаголов) и конструкций типа *сум + л-форма* в текстах. Подобные случаи часто наблюдаются в архаичных текстах, ср. в «Кулакиско Евангелие» (Солунь): *Па он му говори, да му риче на татко му Таткото му рекал па на него ...* (Mazon, Vaillant 1938). Сходная ситуация отмечается в текстах, записанных в селах Сухо и Висока (Лагадин) М. Малецким (1934), а также в сборнике сказок Ст. Верковича (Лавров, Поливка 1932)¹⁴.

Оппозиция определенность : неопределенность не является основной с точки зрения времени совершения события, поэтому естественно возникает необходимость поиска более сильной оппозиции в системе прошедших определенных и неопределенных времен, ею оказывается субъективная точка зрения говорящего, который по отношению к описываемому событию занимает либо позицию свидетеля (аорист и имперфект), либо снимает с себя ответственность за информацию о передаваемом событии, потому что не может лично ее засвидетельствовать (*сум + л-форма*). Другими словами, в македонском языке начинает развиваться имперцептив.

Грамматикализация категории засвидетельствованности: незасвидетельствованности обнаруживается в процессе развития форм аориста и имперфекта, с одной стороны, и сум-перфекта, с другой. Если с помощью первых форм обозначаются засвидетельствованные действия, то вторые варьируются с точки зрения засвидетельствованности; иными словами, аорист и имперфект маркированы как свидетельские формы, в то время как конструкция **сум + л-форма** является +/- —маркированной с позиции засвидетельствованности (см. выше). Это говорит о том, что категория статуса, субъективного отношения говорящего к обозначаемому событию, встраивается в вербальную систему македонского языка.

Имперцептив, или незасвидетельствованность, грамматикализуется как в литературном языке, так и на большей части македонской языковой территории. Это прослеживается в различении форм, обозначающих пересказ/ незасвидетельствованность, которые темпорально лоцируют событие в прошлое или настоящее (**сум + л-форма**), ср.: *Јане вчера пристигнал во Скопје*; *Томе вели дека Јане дошол* ('он здесь' / 'приехал') или выступают как формы пересказа события, темпорально лоцированного в будущем, а также события будущего по отношению к какому-либо моменту в прошлом (**ке сум + л-форма**), ср.: *Тој ќе ни дошол утре на гости*; *Тој ќе ни дошол тогаш на гости, да не се разболел*¹⁵.

В развитии семантики пересказа/незасвидетельствованности свою роль, конечно же, сыграл турецкий язык, где различаются формы для обозначения засвидетельствованных и незасвидетельствованных событий. Однако формирование категории статуса зависит не только от процесса грамматикализации пересказа, ее семантика находится в основе оппозиции определенных и неопределенных прошедших времен. При рассмотрении категории статуса следует учитывать ситуацию в македонских юго-западных говорах, где конструкция **сум + л-форма** используется в функции дубитатива / адмиратива. При этом очевидно, что расширяется зона использования **havege-перфекта** на македонской языковой территории, в связи с чем утрачивается использование конструкции **сум + л-форма** в функции перфекта и грамматикализуется ее модальная семантика.

Все вышесказанное позволяет считать конструкцию **сум + л-форма** прежде всего показателем категории статуса, а ее основной функцией — субъективную позицию говорящего по отношению к истинности обозначаемого события. Позиция говорящего может варьироваться от подтвержденности и засвидетельствованности события (*Денес сум дошол да те видам тебе*), неподтвержденности, незасвидетельствованности, сом-

нения в истинности обозначаемого события (*Се појавил вчера на работа, но јас не го видов*) до удивления (*Колку си се изменил, не можам да те препознаам*), а также и до отрицания истинности обозначаемого события с точки зрения говорящего (*Тој знаел да поправа телевизори, не знае ниту да го вклучи телевизорот*).

Другими словами, конструкция *сум + л-форма* обозначает событие как вероятное и недвусмысленно фактивное. Степень вероятности может варьировать от + засвидетельствованность и + фактивность до — засвидетельствованность и, согласно оценке говорящего, — фактивность. Степень вероятности зависит от контекста или от ситуации, или же выражается при помощи других показателей: модальных наречий типа *можеби, веројатно, сигурно, невозможно* и т. д., дополнительных предикатов типа *verba dicendi* или *verba cogitandi*, напр.: *Сигурно ти кажал; Можеби веќе пристигнал; Ми рече/јави дека ја завршил работат; Ми се чини/Сметам дека веќе дошло време да побараш работа* и др.

С точки зрения формальной, конечно же, следует сказать, что конструкции типа *сум + л-форма* в македонском языке образуются без вспомогательного глагола в 3 л. ед. и мн.ч. *сум одел, си одел, одел, сме оделе, сте оделе, оделе*). Это правило действует в македонском литературном языке, в западных македонских говорах, а также характерно для большинства восточных говоров. Л-форма образуется, как я уже говорила, и от основы аориста (*открил, испил*), и от основы имперфекта (*откриел, пиел, возел*), а на македонской языковой территории расширяется использование л-форм, образованных от основы имперфекта в функции нефактивности (*ќе дознаел, ќе посетел*).

Ситуация с образованием и употреблением конструкций типа *сум + л-форма* в македонских диалектах и литературном языке показывает, что инновационные процессы, начавшиеся на македонской языковой территории под влиянием балканской языковой среды, все еще находятся в стадии развития, что отражается и на их использовании, и на их интерпретации в македонском литературном языке. Исследование морфосинтаксиса глагольных конструкций в диалектах македонского языка показывает статистически доминантные функции, характерные для отдельных языковых систем, и предлагает ясную картину исторического развития данного явления в языке, кроме того, позволяет дать более точные дефиниции морфосинтаксическим конструкциям македонского литературного языка.

Библиографија

1. Видоески Б. Дијалектите на македонскиот јазик. Скопје: МАНУ, 1998. Т. 1.
2. Гайдова У. Темпоралната карактеристика на финитните глаголски конструкции во југоисточните македонски говори. Скопје: Институт за македонски јазик, 2002.
3. Гайдова У. Од истражувањата на морфосинтаксичките особености на македонскиот дијалектен јазик. *Dijahronija in sinhronija v dialektoloskih raziskavah*. Maribor, 2006.
4. Голомб З. Два македонски говора (на Сухо и Висока во Солунско). Македонски јазик XI-XII. 1961/62.
5. Конески Б. Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје: Култура, 1981.
6. Тополињска З. Македонските дијалекти во Егејска Македонија. Синтакса. I дел, Скопје: МАНУ, 1995.
7. Тополињска З. За стандардизацијата на македонскиот морфосинтаксички систем // Педесет години на македанската наука за јазикот. Зборник на научен собир. Скопје: МАНУ, 1998.
8. Тополињска З. Балкански карактер на македонскиот глаголски систем // Македонскиот глагол, синхронија и дијахронија. Зборник од научен собир. Скопје: Институт за македонски јазик, 2001.
9. Friedman V. *The Grammatical Categories of the Macedonian Indicative*. Columbus. 1977.
10. Lavrov P. A., Polívka J. *Lidové povídky jihomakedonské z rukopisů St. Verkovičových*. Praha. 1932.
11. Lunt H. *A Grammar of the Macedonian Literary Language*. Скопје, 1952.
12. Maiecki M. *Dwie gwary macedońskie. Sucho i Wysoka w Sojuczkim I: Teksty*, Kraków, 1934.
13. Mazon A., Vaillant A. *L'evangélique de Kulakia, un parler slave du Bas-Vardar*. Paris, 1938.

Примечания

- ¹ Тополињска З. За стандардизацијата на македонскиот морфосинтаксички систем // Педесет години на македанската наука за јазикот. Зборник на научен собир. Скопје: МАНУ, 1998. С. 7.

² *Видоески Б.* Дијалектите на македонскиот јазик. Скопје: МАНУ, 1998. С. 29. Т. 1.

³ *Тополињска З.* За стандардизацијата на македонскиот морфосинтаксички систем... С. 109.

⁴ *Видоески Б.* Дијалектите на македонскиот јазик... С. 9—31.

⁵ *Гајдова У.* Од истражувањата на морфосинтаксичките особености на македонскиот дијалектен јазик. *Dijahronija in sinhronija v dialektoloskih raziskavah.* Maribor, 2006. 407—414.

⁶ *Тополињска З.* Балкански карактер на македонскиот глаголки систем // Македонскиот глагол, синхронија и дијахронија. Зборник од научен собир. Скопје: Институт за македонски јазик, 2001. С. 17—24.

⁷ *Конески Б.* Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје: Култура. 1981. С. 459.

⁸ *Friedman V.* The Grammatical Categories of the Macedonian Indicative. Columbus. 1977. P. 61.

⁹ *Lunt H. A.* Grammar of the Macedonian Literary Language. Скопје, 1952. P. 91.

¹⁰ *Тополињска З.* Македонските дијалекти во Егејска Македонија. Синтакса. Идел, Скопје: МАНУ, 1995. С. 251.

¹¹ Там же. С. 215.

¹² Там же. С. 206.

¹³ Там же. С. 246.

¹⁴ Подрубно об этом см.: *Голомб З.* Два македонски говора (на Сухо и Високо во Солунско). Македонски јазик XI-XII. 1961/62. С. 163; *Тополињска З.* Македонските дијалекти во Егејска Македонија. С. 213—220, 245—251; *Гајдова У.* Темпоралната карактеристика на финитните глаголки конструкции во југоисточните македонски говори. Скопје: Институт за македонски јазик, 2002. С. 86—87.

¹⁵ *Конески Б.* Граматика на македонскиот литературен јазик. С. 497.

В. Лаброская,

Институт македонского языка им. К. Мисиркова, Скопье

О консонантной системе говора села Кула (обл. Серреса)

Введение. Село Кула, говор которого является предметом нашего анализа, расположено к северо-западу от города Серрес¹, в юго-восточной части исторической Македонии. Сегодня село находится на территории Республики Греции и насчитывает около 400 домов. Оно раскинулось в долине реки Струмы, в семнадцати километрах от самой реки.

Говор с. Кула, согласно классификации Б. Видоеского, принадлежит к серским говорам, охватывающим область долины р. Струма к югу от Бутковского озера и юго-западные границы горы Али Ботуш². По своим характеристикам говор с. Кула является типичным для этой диалектной зоны.

Материал для анализа собран согласно «Вопроснику для сбора материала для македонского диалектного атласа» (Видоески 2000). Информантами были Коста и Георгия Алтанджиевы, переселенцы из с. Кула, которые в период сбора материала жили в с. Чардак (Скопская Црна Гора).

Говор с. Кула, как говор юго-восточного македонского наречия, изобилует языковыми особенностями, отличающими его от македонского литературного языка. В связи с этим мы остановимся только на специфике фонологической системы, а точнее, на особенностях консонантизма.

В консонантной системе говора с. Кула, как и в серском говоре в целом, все согласные имеют свою палатализованную пару, за исключением глайда /j/ и фонем /ц/, /ч/, /ж/, /ш/, которые во всех позициях являются палатализованными и не имеют твердой пары. Благодаря этому в кульском говоре мы наблюдаем следующие 39 консонантов: б, б', п, п', в, в', ф, ф', д, д', т, т', з, з', с, с', s, s', ц, ц', г, г', к, к', х, х', м, м', н, н', л, л', р, р', ј, џ, ч, ж, ш. Указанная ситуация является следствием того факта, что в юго-восточных говорах македонского языка мы наблюдаем развитие оппозиции фонем по признаку твердости-мягкости, утраченной в других говорах. При этом следует отметить тот факт, что в данном случае речь идет не о палатальности, как, например, в русском языке, а о палатализо-

ванности, или полумягкости³. Палатализованность перед гласными переднего ряда /и/ и /е/ утрачивает свою фонологическую значимость и нейтрализуется при произношении палатализованных и непалатализованных пар в одной позиции. Так, мы наблюдаем одинаковое произношение /н/ и /н'/ перед /и/ в лексемах *к'он'и* и *л'ан'и*.

Дистрибуция. Рассмотрев дистрибуцию консонантов в кульском говоре, мы пришли к следующим выводам. В целом можно констатировать, что перед гласными переднего ряда все согласные произносятся как палатализованные, т. е. в этой позиции оппозиция палатализованность/непалатализованность утрачивает свою фонологическую ценность. Непалатализованные согласные перед гласными переднего ряда /е/ и /и/ смягчаются и совпадают со своими палатализованными парами. Например: *б'ал'и* (: *б'ал*), *брат'учед'и* (: *брат'учеда*), *гл'ав'и* (: *глава*), *гол'ам'и* (: *гол'ам*), *јак'и* (: *јек'а*), *к'уп'и* (: *куп'а*), *ле'ус'и* (: *ле'уса*), *п'елен'и* (: *п'елена*), *с'еср'и* (: *с'есра*), *слаб'и* (: *слаба*), *уст'и* (: *уста*) (далее в тексте характер согласных перед /и/ и /е/ не отмечается).

Палатализованные консонанты сохраняют свою фонологическую ценность перед гласными непреднего ряда, перед согласными и на конце слова. В позиции перед гласными переднего ряда их аллофоны совпадают с аллофонами непалатализованных консонантов. Например: *б'ан'а*, *кон'*, *кош'ул'ка*, *сн'ак*, но *б'ани*, *к'они*, *снег'о*; *бол'ат*, *м'ол'ат*, но *боли*, *м'оли*; *р'ака*, *риб'ар'о*, но *река'та*, *риб'ари*.

Консонанты /к'/ и /г'/ реализуются как палатализованные звуки и не ограничены позиционно: *Бож'ик'*, *к'ерка*, *к'иш'е*, *к'ораф*; *анг'ал*, *г'убре*.

Что касается сонанта /н/, отметим, что перед консонантами /к/ и /г/ он выступает в велярном варианте [ɲ]: *Костад'и њка*, *план'и њка*, *с'а њка*, *Стој'а њка*, который мы также не будем отмечать в тексте особым значком.

Глайд /j/ не употребляется перед гласными переднего ряда, не только в начале слова, но и во всех других позициях, например: *ез'ик'*, *д'ебе*, *л'уде*, *м'ои*. В интервокальной позиции, после гласного переднего ряда и перед гласным /а/, /j/ он реализуется как переходный звук с очень слабой артикуляцией, поэтому во многих случаях вообще не слышен: *ок'о-ли(j)а*, *мустакл'и(j)а*, *лошот'и(j)а*, *ки(j)ав'ица*. Перед согласным и после гласных непреднего ряда на конце слова /j/ произносится как неслоговое [j̥]: *б'о j̥е*, *гл'еда j̥&те*, *гн'о j̥*, *д'о j̥ди*, *зн'о j̥*, *органци j̥ка*, *тр'а j̥те*.

Рассматривая дистрибуцию согласных в кульском говоре, мы можем отметить, что правила регрессивной ассимиляции согласных по звонкости-глухости на конце слова, характерные для других македонских говоров, действуют и здесь. Так, в сочетаниях глухой + звонкий согласный и наоборот мы имеем регрессивную ассимиляцию: *л'анче*, *св'адба*, в абсолютном конце слова могут находиться только глухие согласные: *зит* (*з'идо*), *зраф* (*зр'ава*), *м'аш* (*м'аж'о*), *обр'ас* (*обр'аз'о*), *слап* (*сл'аба*), *с'ат* (*с'адо*).

Исторические процессы. Что касается исторических изменений в консонантной системе говора с. Кула, мы пришли к следующим заключениям. Основываясь на состоянии старославянского языка, рассмотрим прежде всего судьбу древних мягких (палатальных) согласных. Фонетической мягкостью в старославянском языке обладали /ж/, /ш/, /ч/, /ц/, и /с/, а также, с известными отличиями, сочетания /шт/ и /жд/⁴. Мягкость /ж/, /ш/, /ч/, а также групп /шт/ и /жд/, которая сейчас в сущности является палатализованностью, а не палатальностью, сохранилась в кульском говоре, ее приобрела и фонема /ц/, появившаяся в его консонантной системе позже, как заимствование из турецкого языка и как звонкий аллофон фонемы /ч/. Все перечисленные фонемы в кульском говоре произносятся как мягкие (палатализованные) звуки во всех позициях: *ж'аба*, *ж'ал*, *ж'ен'ал*; *к'л'уч'*, *ч'аш'а*, *ч'ов'ак*; *гор'еш'та*, *изм'ош'тан*, *ф'аш'там*; *даж'дел'иво*; *оц'а*, *ц'ам*, *ц'ам'ица* (далее мягкость фонетически мягких консонантов не отмечается). Древние палатальные /с/ и /ц/ в кульском говоре отвердели, впрочем, подтверждение их раннего отвердения на македонской почве мы находим в большинстве старославянских текстов⁵. Новое мягкое /ц/ появилось позднее в позиции перед рефлексом **ѣ**: *ц'ади*, *ц'ана*, *ц'алувна*.

Фонологически релевантную мягкость в старославянском языке имели согласные /н'/, /л'/, /р'/ и с ограничениями /с'/ . Старославянское мягкое /с'/ в кульском говоре отвердело. Новое /с'/ возникло в позиции перед рефлексом **ѣ**: *с'аме*, *с'анка*, *с'ак'ој*, *с'ара*, *с'ачило*.

Мягкое /л'/ среди фонологически мягких согласных имеет более широкую дистрибуцию. Например: *б'ол'ат*, *к'ошул'а*, *л'уде*, *м'ол'ат*, *не-д'ал'а*, *род'ител'*. Отверждение мягкого /л'/ мы имеем в финальной позиции в нескольких словах: *жал*, *приј'ател*, *уч'ител*. Интересную судьбу в кульском говоре имеет древний l'-эпентетикум. В отличие от других македонских говоров, где он полностью утрачивается в позиции перед дру-

ной морфемой⁶, в говоре с. Кула этот процесс еще не завершен, так, эпинтетический /r/ до сих пор сохраняется в словах: *др'опл'а, з'емл'а, с'абл'а, икр'анл'а*. Следует отметить, что лексема *з'емл'а* может произноситься и как *з'ем'а*, без /r/-эпинтетиком, но при этом мягкость абсорбируется в предыдущем звуке.

Согласный /n'/ в говоре с. Кула перед гласными непереднего ряда и в абсолютном конце слова до сих пор сохраняет мягкость: *б'ан'а, кон', кон'о, с'ин'о* (но *син*), а перед гласными переднего ряда аллофоны /n/ и /n'/ совпали: (*се*) *кл'ани, к'они, к'онити, н'егоф, н'егова, неjn, н'ejна, н'ива*. Подобная ситуация характерна и для говора с. Секавец⁷.

Мягкое /r'/ в кульском говоре сохранилось главным образом в старой позиции конца слова: *д'евеr' — д'евеr'о, риб'ар'о* (но *риб'ар*), перед гласными же переднего ряда наблюдается нейтрализация оппозиции по твердости: мягкости: *м'оре, риб'ари*.

Для всех фонологически мягких консонантов характерно общее явление. А именно, несмотря на то, что мы наблюдаем достаточное количество лексем, где в финальной позиции встречается мягкий консонант, имеются лексемы, в которых происходит отверждение конечного согласного, хотя мягкость в середине слова, перед гласным непереднего ряда, сохраняется. Так, например, мы имеем *син* 'синий', но *с'ин'о, риб'ар, но риб'ар'о*. Об этом явлении говорит З. Голомб в статье о говоре сел Сухо и Висока⁸. Он объясняет его как результат невыразительной артикуляции мягкого звука в конце слова и его недостаточной различительной ценности. С другой стороны, тенденция к сохранению мягкости в позиции перед гласным непереднего ряда стала толчком для вторичного смягчения звуков в словах, где раньше не было мягкого согласного, например: *'езеr'о, 'ориз'о* (но *'орис*).

Одним из явлений, приведших к увеличению числа мягких консонантов, было сохранение мягкости в позиции конца слова перед древнейшим редуцированным переднего ряда, например: *б'ол'ка (боль), г'оспот', ден', зет', сол'*.

Еще более заметным стало появление мягких консонантов в позиции перед звуком /e/ в суффиксе —en → —ан. В этой позиции мягкость предшествующего суффиксу консонанта сохраняется, например: *б'олен → б'ол'ан, в'аглан → в'агл'ан, гр'озен → гр'оз'ан, гн'усен → гн'ус'ан, д'глжен → д'агж'ан, з'елен → з'ел'ан*.

Это явление по аналогии распространилось и на другие лексемы, оканчивающиеся на *-ан* (< *-ин*): *арг'ат'ан*, *гражд'ан'ан*, *г'ост'ан*, *драг'ат'ан*, *налб'ат'ан*. Таким образом, конечные аффиксы *-ен* и *-ин* в безударной позиции фонетически совпали: *б'олен* (< *вольнъ*) → *б'ол'ан*, *з'елен* → *з'ел'ан*, *арг'атин* → *арг'ат'ан*. Полумягкость согласных перед /е, и/ укрепилась, когда гласный переднего ряда редуцировался в [а] и в других аффиксальных образованиях, например: *март'овец* → *март'ов'ац*, *св'ет'ац*; *з'елник* → *з'елн'ак*, *маг'ешник* → *маг'ешн'ак*, *сл'угник* → *сл'угн'ак*, *ск'итн'ак*, *умн'ак*.

В целом наибольшее влияние на сохранение мягких согласных и на увеличение их числа оказал гласный **ѣ**, т. е. его рефлекс в /'а/ в безударной позиции⁹. В позиции перед рефлексом **ѣ** под ударением все консонанты произносятся мягко. Например: /м'/ *м'асац*, *м'асто*, *м'ах*, *разм'асах*; /н'/ *н'ам*, *гн'аздо*, *прсин'а*, *огрозн'а*, *н'акој*, *н'ашто*, *сн'ак*; /л'/ *бел'ак*, *вл'ава/фл'ава*, *фл'ази*, *гол'ам* — *гол'ама*, *жил'азо*, *изл'ачах*, *л'ак*, *л'ашка*, *кул'ано*, *пл'ава*, *пл'амна*, *разбол'а*, *сл'ап*; /р'/ *бр'ак*, *бр'ас*, *вр'аме*, *гр'ах*, *др'ан*, *мр'ажа*, *ор'ах*, *р'ака*, *тр'аба*, *тр'ава*, *умр'ал*; /б'/ *б'ал* — *б'али*, *б'алка*, *б'ах* — *б'аше*; /п'/ *п'ана*; /в'/ *в'ара*, *в'ашка*, *дв'а*, *цв'ат*, *чов'ак*; /ф'/ *сф'аат*; /д'/ *вид'ах*, *д'ате*, *д'адо*, *нед'ал'а*, *сед'ах*, *уд'анува*; /т'/ *т'аме*, *т'асто*; /з'/ *из'аде*; /с'/ *с'анка*, *с'ачило*, *пас'ах*; /ц'/ *ц'ади*, *ц'алувна*, *ц'ана*. Эта мягкость является фонологически релевантной, потому что образовались пары слов, различающихся только мягкостью согласных: *б'алка* (вид тыквы) / *б'алка*, *два* / *дв'а* (формы ж. р. и ср. р.), *слап* / *сл'ап*.

Несколько слов скажем о мягких /г'/ и /к'/ . Эти две фонемы в кульском говоре возникли благодаря заимствованиям, а не в результате внутреннего фонетического развития системы. Подобную ситуацию мы встречаем в других юго-восточных говорах¹⁰. Так, /г'/ и /к'/ мы наблюдаем в лексемах турецкого и греческого происхождения и в заимствованиях из других диалектов: *анг'ал*, *анг'ели*, *г'ердан*, *г'убре*, *маг'ешн'ак*; *дук'ан*, *к'елеф*, *к'ише*, *к'ораф*, *к'ирац'ијка*, *муст'к'и*; *к'ерка*, *Б'ожик*, *н'ок'и*.

Так называемая «новая йотация» для кульского говора не характерна, наблюдается абсорбирование свойств звука [j] в предыдущем согласном, что ощущается в его смягчении перед гласными непереднего ряда и нейтрализации противопоставления по твердости : мягкости перед гласными переднего ряда. Например, *бр'ат'а* (: *дв'а бр'ата*), *д'авол*, *з'еле/з'ели*,

зр'аве/зр'ави, к'опе/к'опи, л'озе, л'уде/л'уди, сф'ат'а, ф'ат'а, цв'ате; ј'адене, п'иџе, с'ирџе. Такая ситуация характерна и для других южных говоров¹¹.

Рефлексы праславянских групп *tj, *kt', *dj в кульском говоре следующие. Для групп *tj и *kt' мы имеем рефлекс /шт (ш)/, например: *вр'ашта, г'аштест, гор'еш, горештина, изм'оштан, к'гшта, к'гшtica, л'ешта, обр'ашта, пл'ешки, п'омош, пом'ошник, пр'ашта, разг'аштањ, св'ашта, свешт'арник, ф'ашта.* Исключения составляют формы глагола *н'ек'е*, частица *к'е* // *к'и*, с помощью которой образуются формы будущего времени, лексемы *к'ерка, Б'ожик', н'ок'и* и производные от них, в которых встречается /к'/. Все эти слова в кульском говоре, как и во всем серско-драмском диалектном регионе, представляют собой заимствования из других македонских диалектов¹².

Группа *dj в кульском говоре имеет рефлекс /жд/. Например, *в'ашка (в'ажда), гражд'ан'ан, гражд'анка, м'ежду, р'ажда, ражд'асан, с'ажди, едн'оч, чус — ч'ужди* наряду с *чужд'енец, чуждина*, а также в глаголах, образованных с помощью суффикса —*ја*: *зав'ижда, за'ожда.*

Праславянские группы *skj, *stj, *zgj, *zdj в говоре с. Кула переходят в /шт/ и /жд/: *кл'ашти*, в аффиксах —*иште, —ишта*: *б'уништи, моч'уришти, п'асишти, сарн'ишти, ветр'ишта, п'гтишта; б'ачвишти, ж'еништи, маж'ишти, офчишти*; у глаголов, образованных с помощью суффикса —*јава*: *гошт'ава, каршт'ава, прошт'ава; д'аш, даждед'иф, дажд'и, зав'ижда, задажд'и.*

Праславянское сочетание *čg в говоре с. Кула дает рефлекс *ц'ар* (*цар*) Так, мы имеем *ц'арф — ц'арви, ц'арфчи, царфл'иф, ц'арн, царв'ен, царвеник'аф, ц'арнка.* Этот рефлекс характерен для большей части беллицкого говора в обл. Серреса, к которому принадлежит и кульский. В праславянской группе *čge мы встречаем рефлекс *цр'а* в лексемах *цр'аво — црев'ото*, а в лексемах *чор'аша, чор'ашова* характерен рефлекс *чр'а → чор'а.*

Говор с. Кула принадлежит к той группе македонских говоров, где наблюдается сохранение звука /х/ во всех позициях в слове. Сюда входят крайние юго-восточные говоры по направлению Гоце Делчев — Серрес — Лагадина¹³. Однако мы можем отметить, что в речи наших информаторов звук /х/ в некоторых позициях вообще не слышен или же произносится со столь слабой выдохом, что едва уловим. Это особенно характерно для

тех лексем, где /x/ находится в инициальной или в интервокальной позициях. Из-за отсутствия возможности проверить состояние говора в селе, мы основываем свои выводы на сопоставлениях с языковой ситуацией в селах Секавец, Савек и Календра. В начале слова произношение /x/ ослаблено или звук выпадает: (x)ад'ет, (x)ил'ада, (x)итар, (x)л'ан, 'оро, р'ани. Сходную ситуацию мы имеем в с. Секавец¹⁴, а также в селах Савек (ср.: ил'ада, л'ан) и Календра (ср.: 'оро, 'оца).

В интервокальной позиции в кульском говоре согласный /x/ чаще всего выпадает: *Вла'инка, вр'ао, зме'ови, ме'ови, сн'аа, 'уо*, однако имеются слова, где /x/ сохраняется, чаще всего в формах аориста и имперфекта: *заст'анаха, пред'адоха, фл'агаха, ф'апл'аха*. В некоторых случаях в интервокальной позиции мы наблюдаем мену /x/ на /в/: *б'уво, м'ува, с'уво*. Сходная ситуация имеется и в говорах с. Секавец¹⁵, Календра (*сн'аа*, но *б'ухр*) и Савек (*м'уа, ма'о (мов)*), однако замена /x/ на /в/ в этих говорах встречается реже (ср. в говоре с. Савек: *гл'ува*).

В позиции перед другим консонантом (чаще в глагольных морфемах) звук /x/ сохраняется или же заменяется на /в (ф)/: *изд'ахнам, пред'ахми, пред'ахти, с'ед'ахми, с'ед'ахти; зм'ефчи, м'увл'а, мувл'асан, 'орефчи*.

В абсолютном конце слова /x/ обычно сохраняется или заменяется на /в (ф)/: *глух, гр'ах, з'адух, змах, мах, срах; заст'анах, с'ед'ах, ст'ојах, фл'агах*; с заменой /x/ на /ф(в)/: *враф, ваф, меф*. По словам Иванова, мена /x/ на /ф/ в конечной позиции особенно характерна для белицкого говора, к которому принадлежит и кульский¹⁶. Подтверждение этой замены мы обнаружили и в говорах трех контрольных пунктов: Секавец — *з'адуф, кууж'уф*; Савек — *гл'уф, з'адуф*; Календра — *з'адуф*.

Сочетание *хв-* в говоре с. Кула дало /ф/: *фалбац'иа, ф'ат'ах, ф'ат'ахми, ф'аштам*. В говоре с. Савек мы имеем *ф'ашта, в'албац'иа*, а с. Календра — *фалбац'иа, ф'ашта*.

Звук /в/ в говоре с. Кула, как и в других восточных говорах, сохраняется в интервокальной позиции: *вол'ови, вол'овар, в'айкова, гл'ава, гл'ува, го'ведо, госп'одова, јалов'ица, м'ува, нев'аста, основа, сов'алка, чув'ак*.

Утрата начального /в/ наблюдается в словах *л'акно (< влакно), 'ода (< вода), 'осок (< восок), т'орник (< вторник)*. Сходные примеры встречаются и в говоре с. Секавец¹⁷, утрата инициального /в/ достаточно часто наблюдается и в соседних драмских говорах¹⁸.

Протетический /в/ встречается в словах *валт'ар (< олтар), в'ава (< јава)*.

На конце слова и перед глухим согласным /в/ переходит в /ф/: *в'арф*, *гл'афче*, *камен'иф*, *к'адр'аф*, *к'арф*, *карфт'а*, *мр'афка*, *н'иф*, *'офци*, *с'уф*, *т'олкаф*, *тр'афка*, *'уфци*.

Звук /ф/ в говоре с. Кула употребляется в основном в заимствованных словах, за исключением тех случаев, где он является глухим коррелятом консонанта /в/: *ф'ајда*, *ф'остан*. Консонант /ф/ встречается и как соответствие сочетания *хв-*: *фалбац'ија*, *ф'ат'ах*, *ф'ат'ахми*, *ф'аштам*.

Замена /ф/ на /в/ характерна для многих македонских говоров, главным образом, сельских, встречаем мы ее и в кульском, в двух лексемах: *в'ес* (< *фес*), *вит'ил'* (< *фитил*).

Группы согласных; изменения в группах согласных и выпадение согласных

В этом разделе будут рассмотрены группы согласных, изменения, происходящие в них, а также позиции, где происходит утрата согласных.

В группах *стр* > *ср* и *здр* > *зр* происходит упрощение, а именно, выпадение смычных согласных /т/ и /д/. Например, *иср'ижи*, *'осра*, *сарн'ишти*, *с'есра*, *ср'аница*, *ср'ачка*, *ср'ах*, *ср'ала*, *ср'еа*, *ср'ижи*, *с'армен*, *пос'есрина*; *зр'аф*, *зр'аве*, *зр'авец*.

В группе *вн* произошла ассимиляция (*вн* > *мн*): *мн'ук*, *мн'ука*, *р'амнина*. Изменение *вн* > *мн* характерно для большинства наших диалектов¹⁹, а лексема *рамнина* в такой форме вошла и в литературный язык.

Группа согласных *ск* в составе суффикса —*ск*— переходит в *цк* в положении после согласного: *бит'олцки*, *г'орцки* ('лесник'), *прил'епцки*, *С'арцка*, *чуб'аницка*.

Группа *пс* > *пц* в слове *тепц'и(ј)а*, но остается неизменной в церковной лексике: *пс'али*, *пс'алт*.

В прилагательных *н'исок* и *т'ешок* /с/ и /ш/ возникли по аналогии с остальными формами: *н'иска* — *н'иско* — *н'иски* и *т'ешка* — *т'ешко* — *т'ешки*, в которых, согласно известному правилу о регрессивной ассимиляции по звучности, согласные /з/ и /ж/ перешли в /с/ и /ш/ соответственно.

В слове *лиш'ица* мы встречаемся с явлением дистактной диссимиляции. Фрикативное /с/ как компонент, входящий в состав аффрикаты /ц/, переходит в /ш/.

Достаточно распространенным процессом, охватывающим обширную зону южных говоров, где рефлекс ж — /г/, является метатеза²⁰. Он охватывает те лексемы, в которых сонант /р/ соседствует с гласным, это приводит к метатезе, гласный занимает позицию перед сонантом. Например: *гарм'ада* (< грамада), *г'арди* (< гради), *сарг'ало* (< стругало), *п'арт* (*прат*). Явление метатезы в сочетаниях /р/ + гласный встречается в большинстве диалектов²¹.

Другие случаи метатезы мы зарегистрировали в лексемах: *г'арван* (< гавран), *пр'ешнал* (< пришен), *таиб'ет* (< табиет), *чуп'ерка* (< печурка).

В слове *уб'исво* наблюдается упрощение консонантной группы —ство в —сво из-за сложности произнесения.

Выпадение звука /г/ отмечается в конечных группах согласных —ст и —шт: *бр'ас*, *гор'еш*, *д'гш*, *ж'алос*, *п'ос*, *р'адос*, *ч'ис*.

Членная морфема м.р. упрощается за счет утраты смычного /т/: *клас'о*, *к'он'о*, *разб'ојо*, *снег'о*.

Звук /г/ утрачивается также в конечной позиции десятичных числительных: *един'ајсе*, *дван'ајсе*, *четарн'ајсе*, *дв'ајсе*, *тр'иисе*, *четир'иисе*.

Утрата согласных в начале слова отмечена в лексемах: *'име* (< виме), *ин'ица* (< јуница), *л'акно* (< влакно), *'ода* (< вода), *'урка* (< фурка) и *ч'ела* (< пчела).

Для кульского говора не характерна утрата консонантов в интервокальной позиции. Однако в некоторых примерах она отмечается, часто это достаточно фреквентная лексика: /в/ — *забор'аено*, *напр'ајти*, *напр'ај*, *попр'ао*, *пр'ајш*, *прај*, *пр'ајми*, *пр'аат*, *ст'ишл*; /ж/ — *мојш*, *кајш*; /к/ — *к'ао*; /г/ — *с'еа*, *с'оа*, *ка* (< кога); /д/ — *кл'ајми*, *д'аат*, *дајш*, *д'ајми*; /т/ — *ојд'е*, *ојд'ел*, *ојд'еа*, *шо*.

Заключение. На основании вышеизложенного о консонантной системе кульского говора можно заключить следующее: основной характеристикой консонантной системы является оппозиция палатализованность/непалатализованность, которая получила дополнительное развитие в юго-восточных говорах македонского языка. Таким образом, система согласных кульского говора состоит из 39 звуков, все звуки имеют свою палатализованную пару, за исключением глайда /j/ и фонем /ц/, /ч/, /ж/, /ш/, которые во всех позициях являются палатализованными и не имеют твердой пары.

На месте праславянских групп согласных *tj, *kt' и *dj в кульском говоре встречаются /шт/ и /жд/: *к'ашта*, *р'ажда*. Праславянским группам *skj, *stj, *zgj и *zdj соответствуют те же рефлексы: *гошт'ава*, *дажд'и*.

Звук /х/, за некоторыми исключениями, сохраняется в говоре с. Кула. Он утрачивается, как правило, в инициальной и интервокальной позициях: *'оро*, *Вла'инка* (а в других позициях сохраняется: *пред'ахми*, *м'ах*, *ср'ах*).

Среди изменений в группах согласных наиболее яркой чертой является упрощение групп *стр*, *здр* в *ср*, *зр*: *с'есра*, *зр'аф*.

Все эти характеристики фонологической системы говора с. Кула являются еще одним подтверждением специфических путей развития, характерных для македонских диалектов. Они представляют собой истинное богатство и своеобразное свидетельство не только об историческом развитии македонского языка, но и об историческом развитии славянских языков в целом, чью крайнюю южную периферию составляют именно македонские диалекты.

Библиография

1. Видоески Б. Основни дијалектни групи во Македонија // Македонски јазик, XI—XII, кн. 1—2. Скопје, 1960—1961. С. 13—31.
2. Видоески Б. Фонемата /х/ во дијалектите на македонскиот јазик // Прилози на МАНУ, VI, 2. Скопје, 1981. С. 5—23 + 10 карти.
3. Видоески Б. Говорот на селото Секавец (диј. С'јаковиц, гр. Ливдлчшсйпн) — Серско // Прилози на МАНУ XV, 1. Скопје (1990), 1991. С. 41—82.
4. Видоески Б. Македонските дијалекти во Егејска Македонија (обид за класификација). Посебен отпечаток на МАНУ. Скопје, 1994.
5. Видоески Б. Дијалектите на македонскиот јазик. Скопје: МАНУ, 1999. Т. 1.
6. Видоески Б. Дијалектите на македонскиот јазик. Скопје: МАНУ, 1999. Т. 2.
7. Видоески Б. Дијалектите на македонскиот јазик. Скопје: МАНУ, 1999. Т. 3.
8. Видоески Б. Фонолошки бази на говорите на македонскиот јазик. Скопје: МАНУ, 2000.
9. Видоески Б. Прашалник за собирање материјал за македонскиот дијалектен атлас. Скопје: ИМЈ, 2000.
10. Голомб З. Два македонски говора (на Сухо и Висока во Солунско) // Македонски јазик XI—XII. Скопје, 1961/1963. XIII—XIV. Скопје, 1963/1964.
11. Ивановъ Й. Български преселнически говори. Говорите от Драмско и Сяр-

ско. София: БАН, 1977.

12. *Конески Б.* Историја на македонскиот јазик. Скопје, 1982.

13. *Мирчевъ К.* Историческа граматика на българския език. София, 1958.

14. *Поповски А.* Изменување на групата р + вокал меѓу согласки (редукција на вокалот зад р) // Македонски јазик, XXIII. Скопје, 1972.

15. *Тошев К.* Промените на консонантските групи вн и бн во мн // Македонски јазик, I, 3. Скопје, 1950.

16. *Угринова-Скаловска Р.* Старословенски јазик. Скопје, 1979.

Примечания

¹ Серрес — гр. Σέρρες, мак. Сер, отсюда название говоров «серские» (Примеч. переводчика).

² *Видоески Б.* Македонските дијалекти во Егејска Македонија (обид за класификација). Посебен отпечаток на МАНУ. Скопје, 1994. С. 37.

³ *Мирчевъ К.* Историческа граматика на българския език. София, 1958. С. 136.

⁴ *Конески Б.* Историја на македонскиот јазик. Скопје, 1982. С. 65.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 66.

⁷ *Видоески Б.* Говорот на селото Секавец (диј. С'јаковиц, гр. Λιβαδοχώριον) — Серско // Прилози на МАНУ XV, 1. Скопје (1990), 1991. С. 52.

⁸ *Голомб З.* Два македонски говора (на Сухо и Висока во Солунско) // Македонски јазик XI—XII. Скопје, 1961/1963. XIII—XIV. Скопје, 1963/1964. С. 224—245.

⁹ В кульском говоре рефлексом /'а/ в безударной позиции, несмотря на природу следующего звука или слога, является гласный /'а/, который влияет на смягчение предшествующего консонанта, в то время как в безударной позиции мы имеем рефлекс /е/, совпадающий с этимологическим /е/.

¹⁰ *Видоески Б.* Говорот на селото Секавец (диј. С'јаковиц, гр. Λιβαδοχώριον) — Серско. С. 53.

¹¹ Там же. С. 53.

¹² Там же. С. 51.

¹³ *Видоески Б.* Фонемата /х/ во дијалектите на македонскиот јазик // Прилози на МАНУ, VI, 2. Скопје, 1981. С. 5—23 + 10 карти. С. 6.

¹⁴ *Видоески Б.* Говорот на селото Секавец (диј. С'јаковиц, гр. Λιβαδοχώριον) — Серско. С. 50.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Ивановъ Й.* Български преселнически говори. Говорите от Драмско и Сярско. София: БАН, 1977. С. 122.

¹⁷ *Видоески Б.* Говорот на селото Секавец (диј. С'јакавиц, гр. Λιβαδοχώριον) — Серско. С. 54.

¹⁸ *Ивановъ Й.* Български преселнически говори. Говорите от Драмско и Сярско. София: БАН, 1977. С. 118.

¹⁹ *Тошев К.* Промените на консонантските групи **вн** и **бн** во **мн** // Македонски јазик, I, 3. Скопје, 1950. С. 59.

²⁰ *Видоески Б.* Говорот на селото Секавец (диј. С'јакавиц, гр. Λιβαδοχώριον) — Серско. С. 53.

²¹ *Поповски А.* Изменување на групата **р** + вокал меѓу согласки (редукција на вокалот зад **р**) // Македонски јазик, XXIII. Скопје, 1972. С. 237.

С. Давкова-Гёргиева,

Институт македонского языка им. К. Мисиркова, Скопье

О говоре села Чифлиджик

По местоположению и языковым характеристикам говор села Чифлиджик (область Демир-Хисара, Эгейская Македония) представляет собой диалект, принадлежащий к серской¹ группе говоров. Серская группа говоров по рефлексу носового заднего ряда 4 делится на северный а-говор и южный г-говор. Чифлиджикский говор относится к г-говору, так называемому белицкому говору, который охватывает села, расположенные по обеим сторонам от реки Белицы, протекающей на востоке Серского поля².

Село Чифлиджик расположено в пятнадцати километрах к югу от греко-болгарской границы, на левой стороне реки Струма, у подножия двух гор — Беласицы и Рупельской, на плодородной Серской равнине. В километре к западу от села протекает река Струма. Вблизи от села Чифлиджик находятся важнейшие транспортные артерии, связывающие его со многими крупными экономическими, торговыми и культурно-просветительскими центрами, такими, как Салоники, Кукуш, Серрес, Демир-Хисар (Валовишта) и Драма.

Согласно статистическим данным, которые приводит В. Кынчов, в Демир-хисарской каазе³, куда входило и село Чифлиджик, в середине 90-х годов XIX в. насчитывалось 26 000 христиан, по преимуществу македонцев. После греко-турецкой войны 1920—1921 гг. численность греческого населения благодаря переселенцам из Малой Азии увеличивается. Миграционные процессы становятся более интенсивными после Второй мировой войны и гражданской войны в Греции, когда часть притесняемого македонского населения эмигрирует в Болгарию и в Македонию.

Сегодня село, носящее греческое имя Стримонохорион (Стримонохорион)⁴, насчитывает около 400 домов. Население общается на греческом языке, однако люди старшего поколения до сих пор в семейном кругу говорят по-македонски.

В своей статье мы представим наиболее яркие характеристики чифлиджикского говора на основе материала, собранного в соответствии

с «Вопросником для сбора материала для македонского диалектного атласа», автором которого является Божидар Видоеский. Описывая говор, нье живое звучание все реже и реже можно услышать в с. Чифлиджик, мы надеемся, что таким образом поможем сохранить в памяти малую, но драгоценную часть нашего диалектного богатства.

* * *

Фонетика. Рассматривая современное состояние вокалической системы чифлиджикского говора, отметим, что ее характеризует наличие фонемы среднего ряда, среднего подъема /ǎ/. Таким образом, в данном говоре, в отличие от македонского литературного языка, представлена шестичленная вокалическая система /e, и, а, г, о, у/. Эти гласные в своем основном варианте встречаются только в позиции под ударением.

В географическом плане подобные системы встречаются на довольно обширной диалектной территории, а именно: шестичленная система гласных фонем на македонской диалектной территории характерна для всех северных диалектов, всех восточных и южных говоров, а также для нескольких говоров западной языковой периферии, однако происхождение фонемы /г/ в этих диалектах различное⁵.

Значимой характеристикой чифлиджикского говора, как и восточных говоров в целом, является редукция гласных. Под влиянием динамического экспираторного ударения безударные низкие (открытые) гласные /e, а, о/ подвергаются качественной редукции. В безударной позиции /e/ редуцируется в двух направлениях — по направлению к /и/ и к /г/, при этом встречаются аллофоны двух видов: закрытое [e̞], напр.: *вр'аме*, *м'ене*, *к'амен* и закрытое [a̞], напр.: *б'асан*, *б'олан* : *б'оле̞н*, *гл'адан* : *гл'аден*. Сильно выраженную редукцию в чифлиджикском говоре имеет гласный /о/. Этот звук редуцируется по направлению: /о/ — /о̞/ (закрытый аллофон) — /у/: *'арно*, *б'ало*, *п'исмо* наряду с *'арну*, *б'алу*. В предударном слоге наблюдается более сильная редукция безударного /о/: *убр'ас*, *гул'ам*, *гувид'ар*. Безударное /а/ редуцируется в закрытый аллофон, который по слуховым характеристикам представляет собой звук, средний между [a] и [ǎ], более близкий к [a], чем к [ǎ], и совпадает с аллофоном безударного /ǎ/, ср.: *б'аба*, *гаит'ан*, *гл'ава* — *глав'атǎ*, *кр'астав'ица*, *стар'е̞ц*. У гласного среднего ряда /ǎ/ наблюдается так называемая «об-

ратная редукция», когда безударный гласный меняет свое звучание по направлению к более низкому корреляту [а], ср.: *в'глк* — *в'лч'ица*, *з'ап* — *з'аб'о*, *р'ака* — *р'акат*.

Обращаясь к историческим изменениям гласных, рассмотрим прежде всего рефлексы юсов. Носовой заднего ряда /ж/ в говоре с. Чифлиджик замещается фонемой /г/, реализующейся в двух аллофонах: *в'адица*, *в'азел*, *г'аба*, *кад'е*, *кап'ина*, *м'аш* / *м'ажо*. Остатки назализма наблюдаются в следующих лексемах: *'ендар*, *п'ент*, *пендес'е(т)*, *девендес'е*, *ј'анза*, *м'андро* и *мандр'ец*. В качестве рефлекса носового переднего ряда /л/ в этом говоре выступает гласный /е/, мены носовых не наблюдается: *ез'ик* / *из'ик*, *зет*, *з'аек*, *ичум'ен*, *рет*.

Редуцированный переднего ряда /ь/ во всех позициях и морфемах заменяется на /е/: *бъл'ен*, *ден*, *ед'ен*, *лен*, *т'енко*. Ер /ъ/ в корневых морфемах регулярно замещается на /я/ и реализуется в двух аллофонах, ср.: *в'ячва*, *б'яшка*, *д'яш*, *сн'яха*, *как'яф*, *так'яф*. Подобное явление отмечается в крайних юго-восточных говорах района Салоник — в селах Сухо и Висока⁶, а также в с. Горно Броди (обл. Драмы)⁷. В словообразовательных и грамматических морфемах на месте ера встречается рефлекс /о/, который в безударной позиции в результате редукции звучит как /о/ или /у/: *доб'иток* / *доб'итук*, *л'акот*, *п'асок*, *п'еток* / *п'етук*, *р'учок*; и в членной морфеме —о (—от): *б'алио*, *брег'о* (*брегот*), *ден'о*, *п'асок*.

Вторичный ер в корневых морфемах развивается так же, как носовой заднего ряда /ж/: *магла*, *нац'япти*, *осам'а*. В конечной позиции встречаем соответствия: для группы —*тгъ > —ар (*д'обар*, *'ендар*), для группы —*тѣ > —ал (*п'екал*, *р'екал*) и для группы —*тнъ > —ям // —ам наряду с —ем (*с'ам* и *сам*, *н'есам*, *'осем* // *осемдес'ет*).

Старославянский /ы/ в чифлиджикском говоре, как и в других серреско-драмских говорах, за исключением некоторых пунктов, относящихся к чечскому говору⁸, дает рефлекс /и/: *в'ика*, *дим*, *п'ита*, *р'иба*, *син*, *сит*, *ти*, *т'икфа*.

В говоре с. Чифлиджик, как и в других говорах серресской группы, за исключением некоторых говоров белицкой диалектной зоны⁹, рефлекс /ѣ/ обусловлен местом ударения, а именно: под ударением /ѣ/ переходит в /а/ вне зависимости от характера предыдущего слога, при этом предшествующий консонант смягчается, ср.: *б'ал* — *б'ала* — *б'али*, *бр'ак* — *брег'о*, *вр'аме*, *д'адо*, *зв'азда*, *л'ан* — *л'анче*, *м'асец*, *нив'аста*, *пун-*

д'алник, цр'ва, чув'ак. В безударной позиции /ѣ/ переходит в /е/, которое подлежит редукции, напр.: брег'о, дет'ето, (: д'ате), лет'а (: л'ато), млек'ото (: мл'ако), рек'ата, снег'о, цед'ило.

Из древнейших дифтонгических сочетаний ър/ръ и ър/рь развились двухфонемные группы, состоящие из вокального компонента и сонанта: /ър/ — /рă/ и /ъл/ — /лă/. Напр.: в'ърба, г'ърп / г'арб'а, г'ърло, ц'ърви, вр'асник, мр'асно, р'аш, тр'ан / тр'ане; б'ълва, ж'ълт, с'ълса, жл'ачка, л'асна, пл'ан, сл'анце.

Среди изменений в области гласных отметим также переход гласных переднего ряда /и, е/ в /у/ и длабиализацию /у/ > /и/, напр.: ичум'ен, п'ештура, пун'ерка, но и пип'ерка, чур'аша, шул'еце, шум'ија; ин'ице (јуница), цумб'иш (цумбуш).

Главной характеристикой консонантной системы чифлиджикского говора, которая насчитывает 39 фонем, является оппозиция по твердости /мягкости. Глайд /j/ и фонемы /ц, ч, ж, ш/ благодаря своей фонетической мягкости во всех позициях реализуются как палатализованные, т. е. не коррелируют по мягкости. Палатализованность, которая является «характеристикой всех юго-восточных македонских говоров по линии Лагадин — Серрес — Драма — Гоце Делчев»¹⁰, присутствует и в чифлиджикском говоре. Твердые согласные в своих основных аллофонах реализуются перед гласными непереднего ряда [у, о, ѓ, а], перед другим согласным и в конечной позиции. В позиции перед гласными переднего ряда [и, е] они реализуются как смягченные (полумягкие). Наибольшее число мягких согласных в данном говоре возникло из своих твердых пар в определенных позициях — это мягкость, возникшая из полумягкости, вызванной положением перед сверхкратким ь и ѣ¹¹. Наиболее последовательно независимо от характера последующего слога, палатализация отмечается перед рефлексом ѣ, напр.: /б'/ б'ал — б'али, б'ах — б'ахта; /в'/ в'атер св'ар; /д'/ д'аца, нид'ала; /л'/ л'ато, мл'ако (: млек'ото), фл'ава; /м'/ м'асто, м'асиц; /н'/ н'ам — н'амо — н'ами, сн'ак; /п'/ п'асна, п'асак; /р'/ р'ака, ср'ада; /с'/ с'аме, с'ал, с'акаде; /т'/ т'асни, т'асто; /ф'/ сф'ат, сф'ашта; /ц'/ ц'ади, ц'ани.

Среди мягких фонем особо упомянем /л'/, которое реализуется во всех фонетических позициях, напр.: б'олка, гул'ами — перед ѣ; жал' л'ан, сл'ан, тел', сол' — перед ь; и эпентетическое /л'/ в лексеме ч'анл'а — ч'анл'е.

Перед гласными непереднего ряда, перед /а/ < ѣ и на конце словоформы (реже) сохраняется мягкость сонанта /н'/: *н'ан'а, ден'*, но *к'орен, т'грн'а*; а перед гласными переднего ряда он совпадает в произношении с /н/: *б'ани, к'оне*.

Шумные заднеязычные согласные /к/ и /г/ позиционно ограничены. Они реализуются как мягкие /к', г'/ в словах славянского происхождения *к'е, к'ерка, дом'ак'ин, к'итки* и в словах тюркского (персидского) происхождения *г'ерд'ан, к'ар, к'ор'аф, к'ут'ук*.

Звонкие аффрикаты /с/ и /ц/ имеют ограниченную дистрибуцию. Аффриката /с/ чаще всего встречается в сочетаниях с /в/ и перед гласным, напр.: *св'азда, кофч'еси, пом'осу*. Аффриката /ц/ встречается в заимствованной лексике (главным образом тюркского происхождения), в сочетании с гласным: *арпац'ик, суц'ук, цам*, а также в суффиксе —ција: *алвац'ија, калајц'ија*.

В чифлиджикском говоре (за редкими исключениями), как и в пограничных юго-восточных говорах по направлению Гоце Делчев — Серрес — Лагадин, использование /х/ позиционно не ограничивается¹². Ср.: *гл'ух? — гл'ухи, м'ух? — м'ухи, 'ухо, хр'ана* — в середине слова, в сочетании с согласными; *Вл'ах, них, ор'ах, см'ех, сирум'ах* — на конце слова; *'имах — 'имаме — 'има(х)а* — в глагольных морфемах. Однако имеется ограничение на использование /х/ в инициальной и интервокальной позициях: *'ајде, л'ан, л'адно, 'оро, но хил'ада, х'итар*, также *'итар, х'оди* и *'оди*. В нескольких лексемах /х/ заменяется на /ф/: *глуф* и *глух, кож'уф* и *кож'ух, 'офтика, праф, суф — с'ува* и *сух — с'уха*.

Праславянские группы *tj, *kt / *dj в данном говоре последовательно сохранили древнейшие рефлексy — /шт/: *г'ашти, горешт'ина, м'аштеа, ф'ашта*; /жд/: *за'оджа, гра'жданец, м'ежду, р'ажда*.

Лексемы *Бож'ик', в'ек'е, п'овек'е, дом'ак'ин*, частица *к'е /к'и*, глагольные формы *н'е(ј)к'у / н'ек'е / н'ек'ат* и некоторые другие формы с /к'/ и /г'/ в чифлиджикском говоре, а также «во всем серресско-драмском диалектном регионе представляют собой заимствования из других македонских говоров»¹³.

Праславянским сочетаниям *ѣг-, ѣге- в говоре с. Чифлиджик, по нашим наблюдениям, соответствуют следующие формы: *ц'арна, царв'ен, царв'ек, царл'иф*, но *ч'ерево — черев'ото (црево)*.

Среди изменений в области согласных упомянем метатезу в тех лексемах, где имеется сочетание р + гласный: *бар'як* и *байр'ак*, *варт'ена* (*вретена*), *гард'ина* (*градина*), *г'авран*, *корм'ит*.

Для произношения групп согласных в данном говоре характерно упрощение *стр* > *ср*, *здр* > *зр*: *б'исра* — *б'исри*, *с'есра*, *ср'ах*, *зр'аф* — *зр'ави*, *зрак*, *позрав'и*.

Выпадение согласных мы наблюдаем во многих позициях: в начале слова (напр., *'име* (< виме), *'оз* (< воз), *'ода* (< вода), *ол* — *ол'ове*, *т'орник*), в интервокальной позиции (*б'иу'лица*, *з'ат'ори*, *з'а'тур*), на конце слова (*два'исе*, *гр'ад'о*, *н'ожо*).

Просодия. По акцентологическому типу чифлиджикский говор принадлежит к системам со свободным ударением: ударение может падать «на любой слог словоформы в составе парадигмы, на любую морфему, включая и флексию»¹⁴. Подобный тип ударения характерен для «всей группы серско-драмских говоров, которые, включая говоры с. Сухо и Висока в области Салоник, присоединяются по признаку место ударения (за редкими исключениями) к малешевско-пиринским и гоце-делчевскому (неврокопскому) говору на севере»¹⁵. Другое специфическое явление — это наличие второстепенного ударения. Побочное ударение включает данный говор в группу юго-восточных македонских говоров. Двойное ударение возникает в том случае, когда за ударным слогом следуют три безударных, а на предпоследний слог падает второстепенное ударение¹⁶. Подобное ударение характерно для существительных (*бр'адав'ица*, *ј'алу-в'ица*, *кр'астав'ица*), для прилагательных и всех сравнительных форм прилагательных и наречий (*н'екасмет'ија*, *н'обуг'ат*, *н'ајдиб'ел*, *н'ајмн'огу*, *н'аист'ина*), для глаголов в повелительной форме (*д'онес'ите*, *'откос'ите*) и для акцентных групп, чаще состоящих из глагола и энклитики (*д'онес'ите-ми*, *с'обер'ите-ни*).

Морфология. В области морфологии остановимся прежде всего на характеристике знаменательных слов в чифлиджикском говоре.

У имен существительных м. р., оканчивающихся на —ел, —ен, —ен, таких, как *петел*, *овен*, *палец*, беглая гласная /е/ сохраняется и в форме мн. ч.: *пет'ел* — *пет'ели*, *ов'ен* — *ов'ени*, *п'алец* — *п'алеци*.

Окончание —и, произошедшее из древней формы двойственного числа, встречается у ограниченного числа имен: *'око* — *'очи* — *оч'ите* и *'ухо* — *'уши* — *уш'ите*. У имен существительных, оканчивающихся на —е, преобладает старославянское окончание —ета (—ета), однако в некоторых

формах регистрируется окончание —ина: *б'уре* — *б'урета*, *г'арне* — *г'арнета*, *ј'агне* — *ј'агнета*, *т'еле* — *т'елета* / *т'ел'ина*.

Из-за того, что фонетическая форма древнего окончания собирательного множественного —је совпадает с формой обычного множественного —е, граница между ними в говоре с. Чифлиджик размыта. Ср.: соб. *д'ан* — *д'абе* : мн. *д'абове*, *кол* — *к'олове* : *к'оле*, *сноп* — *сн'опове* — *сн'опе*.

Что касается категории определенности, следует отметить отсутствие членных морфем —ов и —он.

Из области словообразования существительных упомянем образования, связанные с эмоциональной оценкой. Среди суффиксов с уменьшительно-ласкательным значением наиболее продуктивным является суффикс —инка, известный в обширном ареале юго-восточных македонских говоров¹⁷. Этот суффикс в чифлиджикском говоре присоединяется к существительным всех трех родов: *вр'ата* — *вра'тинка*, *глав'инка*, *нос* — *нос'инка*, *'око* — *оч'инка*, *уш'инка*. Сходное значение имеет и менее частотный суффикс —ичка: *буз'ичка*, *глав'ичка*, *мом'ичка*, *уст'ичка*, *рак'ичка*.

Как особенность в образовании атрибутивных форм отметим выражение притяжательности с помощью предложно-падежных конструкций типа: *син'о му на Јов'ан*, *на т'атко ми им'от*, *уд зм'ија к'ожа*, *уд п'иле м'есо*.

В говоре с. Чифлиджик имеются две падежные формы — номинативная и общая. Значение дательного падежа выражается при помощи общей формы и предлога *на* + краткая местоименная форма. Подобный тип declinации встречается и «в восточных диалектах, к востоку от линии Куманово — Свети Николе — Неготино — Лерин — Бобоштица...»¹⁸

Формант —м в 1 л. ед. ч. н. в. регулярно регистрируется только у глаголов тематического а-класса: *д'авам*, *гл'едам*; у глаголов е-класса в речи наших информантов встречаются параллельные формы, с аффиксом и без аффикса —м: *'одам*, *к'ажам* и *'ода* и *к'ажа*.

Ударение, во всех трех формах имперфекта морфологически фиксированное, падает либо на корневую морфему, либо на тематическую гласную основы. На слог корневой морфемы ударение падает у тех глаголов, которые в н. в. имеют фиксированное ударение: *'играм* — *'играш* : *'играх* — *'играше*; на тематический гласный основы — у глаголов с подвижным ударением в н. в.: *пл'ета(м)* — *плет'еш* : *плет'ех* — *плет'еше*; у префиксальных глаголов — на тот же слог, что и у производящей основы: *одн'евах*, *над'уваха*.

В форме аориста глаголов о/е-класса безударное —ох спорадически замещается на —ах: *д'ојах*, но и *дојд'ох*. Подобные формы объясняются аналогией с —ах-формами. Они встречаются в более широком серреско-драмском ареале¹⁹.

Семантика запрета выражается сочетанием частицы **немој** (*нем'ој*, *ним'ој*) и форм настоящего времени (*нем'ој вр'авиш*, *нем'ој са ж'алиш*), но мы зарегистрировали и несколько примеров отрицательных форм повелительного наклонения, которые образуются при помощи синтаксической конструкции, состоящей из **ним** и формы презенса в сочетании с частицей **да** (*ним да-каришт'авам ја*). Этот вариант характерен и для кукушского говора²⁰.

Чифлиджикскому говору известны также конструкции с сум/е + глагольная н/т-форма с непереходным значением: *ж'енен сам*, *б'аха д'ојдени*.

Деепричастия в чифлиджикском говоре образуются при помощи аффиксов —**јк'и** и —**шк'ом**: *тарч'ајк'и*, *клич'ејк'и*, *одешк'ом*, *тарчешк'ом*, а глагольные существительные с помощью аффикса —**не**: *венч'аване*, *дарж'ене*, *с'ани* (*сеене*).

Лексика. Лексический материал говора с. Чифлиджик мы разделили на семантические группы согласно «Тематическому вопроснику для сбора материала для македонского диалектологического атласа». Разнообразие материала представляет интерес как в плане семантики, так и в плане деривации.

Число **словообразовательных диалектизмов**, которые совпадают по корневой морфеме с соответствующими словами македонского литературного языка, а различаются словообразовательными элементами — префиксами или суффиксами (*бол'ик* 'бол' 'боль'), *гарбн'ак* 'трб' ('спина'), *к'осме* 'коса' ('волосы'), *г'аја* 'гајда' ('вольнка'), *врапч'ан* 'врабец' ('воробей'), *т'имјан'ика* 'темјанушка' ('фиалка'), *лив'ар* 'левак' ('левша'), *ст'ар-колец* 'стршен' ('шершень'), *сол'арка* 'соларник' ('солонка'); **семантических диалектизмов** — которые по форме, т. е. по словообразовательной модели, совпадают с соответствующими лексемами литературного языка, однако имеют иное значение (*отвур* 'ключ', лит. *отвор* 'отверстие'); *м'акина* 'поезд', лит. 'машина; спортивный автомобиль'; *обл'ак* 'сильный. проливной дождь', лит. 'облако'; *тресн'а* 'прогromеть', лит. 'треснуть, сильно ударить'); **многозначных слов**, которые помимо основного значения развили и переносные, и одновременно указывают на способ развития семантических диалектизмов (*сам'ар* 1. 'устройство, которое используют

строители в своей работе»; 2. 'седло коня, осла'; *чуч'ур* 1. 'сосулька', 2. 'пробка в бочке'; *ка'ур* 1. каурин 'гяур, христианин', 2. 'гроб'; *ка'тр'ан* 1. 'дёготь', 2. 'ад, преисподняя'); а также *диалектных слов с прозрачной внутренней формой* (*акал'и'жа* 'умная женщина'; *туран'ик* 'внутренняя часть желудка'; *гр'ебен* 'расческа'; *барц'алка* 'носовой платок', *старг'ал* 'рубанок; терка', *чук'ал?* 'пестик') действительно велико и показывает все богатство духа и творческих способностей народа.

Кроме того, мы рассмотрели в чифлиджикском говоре около 220 локализмов. Проведенное сопоставление локализмов данного говора с другими македонскими говорами (в особенности с южными и юго-восточными) указывает на сходство и различие в их семантике. При сопоставлении мы учитывали также внешнюю (фонетико-фонологическую и просодическую) структуру.

Напр.: *п'ифка* 'маленький язычок во рту' (с. Чифлиджик) — это название не отмечено в других македонских говорах. В них с этим значением используются следующие лексемы: *ј'азиче, јаз'иче, 'езиче, из'иче* и др.

Барц'алка 'носовой платок' (с. Чифлиджик) — эта лексема с общим значением 'носовой платок' в форме *барц'алка* зарегистрирована в говорах с. Плевна и с. Горно Броди (Драма)²¹, а в области Кукуша (с. Мутулово) встречается в форме *бгрш'алка* 'носовой платок'.

Туран'ик 'внутренняя часть желудка' (с. Чифлиджик) — также форма со значением 'желудок; утроба, брюшная полость, чрево' зарегистрирована в говорах с. Плевна и с. Горно Броди (Драма)²².

Разг'аштен '1. неряшливо одетый, 2. непристойное отношение' — фразеологизм *разгашт'ил са* (с. Чифлиджик), в с. Грбасел (область Кукуша) отмечается прилагательное *ргзг'аштин* со значением 'избалованный'²³.

Тр'офи 'крошки хлеба' (с. Чифлиджик) — это название с тем же значением в различных фонетических вариантах регистрируется в с. Мачево (обл. Берово) — *тр'ои*, в Пехчево (Берово и Двориште) — *тр'оа*, в Делчево (обл. Гоце Делчева), села Сухо и Висока (Салоники), с. Негован (Лагадин) — *тр'оха*.

Губ'ерка 'дебела игла' (с. Чифлиджик) — то же название, в той же форме и с тем же значением отмечено в с. Плевна и в с. Горно Броди (Драма)²⁴.

Сп'ужа 'желудок у птиц' (с. Чифлиджик) — название с тем же значением в форме *т'уж'а* зарегистрировано в районе Драмы²⁵ и в с. Старчиште (обл. Серреса).

Ф'урца 'щетка; кисть' (с. Чифлиджик) — название в форме *ф'урца* с тем же значением отмечено в с. Секавец (обл. Серреса)²⁶; *ф'урца* — в с. Сухо (Салоники) и с. Ранци (обл. Кайлара); *ф'ърча* — в с. Липанци (обл. Кайлара); *ф'урча* — Грбасел и Крецово (обл. Кукуша) (Пеев 1988: 125); *ф'орча* — с. Жерноница (обл. Дебара); *фсча* — в с. Пехчево (Берово).

Периферийный характер говоров Эгейской Македонии, в том числе и чифлиджикского говора, обуславливает изобилие архаизмов, которые с уходом представителей старшего поколения говорящих постепенно исчезают из употребления. Подобные диалектные слова указывают на глубинные связи между славянскими языками, «некоторые из них не встречаются даже в соседних южнославянских языках, мы обнаруживаем их только в далеких восточнославянских и западнославянских языках»²⁷. В диахроническом плане подобные диалектизмы восходят к языковым реликтам праславянского периода, напр.: глагол *бл'уди* 'скитаться, бродяжничать', *гвос* 'небольшой гвоздь', *гран* 'ветвь', *кл'ика* 'громко кричать', *коз'ел* 'козел', *лен* 'ленивый', *п'ора* 'ровесники, возраст', *пеш* 'деревенская печь', *рив'е* 'реветь, рыдать', *цар'уле* 'опинки, обувь из сыромятной кожи' и др.

Присутствие большого числа иностранных слов, прежде всего турцизмов (*ад'ам* 'шаг', *ајл'ас* 'ленивый, неработающий', *бац'а* 'дымоход; очаг', *дув'ар* 'стена', *захм'ет* 'усилие, напряжение, труд', *панч'а* 'ладонь', *саб'ахка* 'вечерняя звезда', *сулц'ан* 'водяной червь', *чин'е* 'челюсть', *шанд'ан* 'подсвечник, канделябр', *шарлаг'аник* 'сосуд для растительного масла') и гречицимов (*арм'асница* 'невеста, обрученная', *ах'ел* 'угорь', *дил'аф* 'кочерга', *кал'еко* 'дядя (муж сестры отца или матери)', *лин* 'кадка для виноградных выжимок', *ламб'ада* 'большая свеча', *пат'ир* 'оконное стекло', *пруск'ефал/пруск'ела* 'подушка', *фил'ија* 'кусочек тонко нарезанного хлеба', *ф'олта* 'удочка'), ясно указывает на тот факт, что турецкий и греческий языки как языки с особым престижем оказали большое влияние на лексический корпус чифлиджикского говора, а также на лексическую интерференцию, которой были подвержены разговоры в Эгейской Македонии.

Библиография

1. Аргировски М. Грцизмите во македонскиот јазик. Скопје, 1998.
2. БЕР — Български етимологичен речник. София, 1971—2002. Т. I—IV.

3. Видоески Б. Континуантите на вокалното р и л во дијалектите на македонскиот јазик // Годишен зборник на Филолошкиот факултет. Скопје, 1970. Кн. 22.
4. Видоески Б. Вокалните системи во македонскиот литературен и дијалектен јазик // Прилози на МАНУ. Скопје, 1978. III.
5. Видоески Б. Фонемата /х/ во дијалектите на македонскиот јазик // Прилози на МАНУ. Скопје, 1981. VI, 2.
6. Видоески Б. Фонемата /г/ во македонскиот дијалектен јазик // Македонски јазик XXXII—XXXIII. Скопје, 1981—1982.
7. Видоески Б. Акцентските системи во македонските дијалекти во Грција (Егејска Македонија) и Јужна Албанија // Македонски јазик. XXXVI—XXXVII. Скопје, 1986.
8. Видоески Б. Говорот на селото Секавец (диј. Сјаковиц, гр. Libadocwпion), Серско // Прилози на МАНУ XV, 1. Скопје (1990), 1991.
9. Видоески Б. Говорот на селата Плевна и Горно Броди, Драмско // Прилози на МАНУ XVII, 2. Скопје, 1992.
10. Видоески Б. Македонските дијалекти во Егејска Македонија (обид за класификација). Посебен отпечаток на МАНУ. Скопје, 1994.
11. Видоески Б. Прашалник за собирање материјал за македонскиот дијалектен атлас. Скопје, 2000.
12. Голомб З. Два македонски говора (на Сухо и Висока во Солунско) // Македонски јазик. XI—XII. Скопје, 1961/1963. XIII—XIV. Скопје, 1963/1964.
13. Ивановџ Й. Български преселнически говори. Говорите от Драмско и Сјарско. Софија: БАН, 1977.
14. Конески Б. Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје, 1981.
15. Конески Б. Историја на македонскиот јазик. Скопје, 1982.
16. Пеев К. За македонската дијалектна лексика // Македонски јазик. XXXI. Скопје, 1970.
17. Пеев К. Дојранскиот говор // Македонистика 2. Скопје, 1979. С. 1—190.
18. Пеев К. Кукушкиот говор. Скопје, 1987. Кн. 1. 1988. Кн. 2.
19. Пеев К. За аспектот многузначност на речничката граѓа од југоисточните македонски говори // Македонски јазик. XL—XII. Скопје, 1995.
20. Симовски Т. Атлас на населените места во Егејска Македонија. Скопје, 1997.
21. Таховски А. Грчки зборови во македонскиот народен говор // Прилог кон етимолошкиот речник на македонскиот јазик. Скопје, 1951.

22. ТРС — Турецко-русский словарь. М., 1977.
 23. Љкалџџ А. Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. Sarajevo, 1989.

Примечания

- ¹ Серрес — город в современной Греции (македонское название Сер) (Здесь и далее примеч. переводчика).
- ² *Ивановъ Й.* Български преселнически говори. Говорите от Драмско и Сярско. София: БАН, 1977. С. 38.
- ³ Кааза — административно-территориальная единица в Османской империи.
- ⁴ *Симовски Т.* Атлас на населените места во Егејска Македонија. Скопје, 1997. С. 89.
- ⁵ *Видоески Б.* Вокалните системи во македонскиот литературен и дијалектен јазик // Прилози на МАНУ. Скопје, 1978. III. С. 81.
- ⁶ *Голомб З.* Два македонски говора (на Сухо и Висока во Солунско) // Македонски јазик XI—XII. Скопје, 1961/1963. XIII—XIV. С. 232.
- ⁷ *Видоески Б.* Говорот на селото Секавец (диј. Сјакавиц, гр. Libadocwrión), Серско // Прилози на МАНУ XV, 1. Скопје (1990), 1991. С. 45; Говорот на селата Плевна и Горно Броди, Драмско // Прилози на МАНУ XVII, 2. Скопје, 1992. С. 13.
- ⁸ *Ивановъ Й.* Български преселнически говори. Говорите от Драмско и Сярско. С. 82—84.
- ⁹ Там же. С. 75.
- ¹⁰ *Видоески Б.* Говорот на селата Плевна и Горно Броди, Драмско. С. 19.
- ¹¹ *Ивановъ Й.* Български преселнически говори. С. 115—118; *Видоески Б.* Говорот на селата Плевна и Горно Броди, Драмско. С. 23.
- ¹² *Видоески Б.* Фонемата /х/ во дијалектите на македонскиот јазик // Прилози на МАНУ. Скопје, 1981. VI, 2. С. 6.
- ¹³ *Видоески Б.* Говорот на селото Секавец (диј. Сјакавиц, гр. Libadocwrión), Серско. С. 51; Говорот на селата Плевна и Горно Броди, Драмско. С. 24.
- ¹⁴ *Видоески Б.* Акцентските системи во македонските дијалекти во Грција (Егејска Македонија) и Јужна Албанија // Македонски јазик XXXVI—XXXVII. Скопје, 1986. С. 20.
- ¹⁵ Там же. С. 20.
- ¹⁶ Там же. С. 22.

¹⁷ Видоески Б. Говорот на селото Секавец (диј. Сјакавиц, гр. Libadocwгion), Серско. С. 63.

¹⁸ Видоески Б. Вокалните системи во македонскиот литературен и дијалектен јазик // Прилози на МАНУ. Скопје, 1978. III. С. 27.

¹⁹ Ивановџ Й. Български преселнически говори. Говорите от Драмско и Сјарско. С. 157; Видоески Б. Говорот на селото Секавец (диј. Сјакавиц, гр. Libadocwгion), Серско. С.71; Он же. Говорот на селата Плевна и Горно Броди, Драмско. С. 54.

²⁰ Пеев К. Кукушкиот говор. Скопје, 1987. Кн. 1. С. 258.

²¹ Видоески Б. Говорот на селата Плевна и Горно Броди, Драмско . С. 68.

²² Там же. С. 67.

²³ Пеев К. Кукушкиот говор. Скопје, 1988. Кн. 2. С. 99.

²⁴ Видоески Б. Говорот на селата Плевна и Горно Броди, Драмско. С. 69.

²⁵ Там же. С. 72.

²⁶ Видоески Б. Говорот на селото Секавец (диј. Сјакавиц, гр. Libadocwгion), Серско. С. 78.

²⁷ Пеев К. За македонската дијалектна лексика // Македонски јазик XXXI. Скопје, 1970. С.123.

А. Евстратова,
ИСл РАН, Москва

Основные тенденции македонской литературной критики начала 2000-х годов

В конце XX — начале XXI в. самый живой интерес у македонских критиков продолжает вызывать национальная литературная классика. В то же время заметно стремление поколения исследователей, рождённых в 1960-е годы, взглянуть на классическую литературу по-новому, с точки зрения актуальных теоретических проблем.

В 1999 г. выходит в свет работа Наташи Аврамовской «Травестия устной истории», посвящённая творчеству Петре М. Андреевского. Это первая попытка рассмотреть все прозаические произведения выдающегося писателя в их связи друг с другом и в контексте той коммуникативной ситуации, которая была характерна для литературы и общественной жизни Македонии во время их появления. Стремясь показать взаимосвязь новеллистики и романов Андреевского, критик ставит в центр исследования проблему жанра, причём смысловое различие жанров строится на дихотомии «устное—письменное». По мнению Аврамовской, эта оппозиция является продуктивной матрицей для повествовательного кода в македонской литературе и коммуникации вообще, а особенно — в историческом романе (не только у Андреевского, но и у Чинго, Ташко Георгиевского, Яневского и др.).

Творчеству национального классика посвящена и работа Ясины Мойсиевой-Гушевой «Своеобразие поэтики Чинго» (2001). Новизна книги не только в том, что исследовательница впервые рассматривает весь корпус текстов писателя (рассказы, романы, драмы, в том числе и опубликованные посмертно), но и в самой методологии. Мойсиева-Гушева стремится при изучении разных аспектов поэтики Чинго привлекать материал, разработанный различными научными дисциплинами и школами, интегрировать опыт психологии, социологии, гносеологии, теории рецепции, герменевтики, структурализма и постструктурализма. Как считает учёный, интердисциплинарный подход должен послужить наиболее полному и всестороннему освещению предмета исследования, «поскольку

«Истина — интегральное понятие» [Моисиева-Гушева: 7]. Наиболее важной для Моисиевой-Гушевой оказывается проблема самоидентификации автора и идентификации мира автором, которые неразрывно связаны и лежат в основе художественного произведения.

Тот же вопрос идентификации и самоидентификации является ключевым при жанровом осмыслении автобиографии в работе Н. Аврамовской «Автобиография в македонском литературном XIX веке» (2004). «Распространение автобиографического дискурса связывается с возникновением чувства гражданской идентификации и новой, гражданской концепции памяти. При этом Аврамовская отмечает, что гактанты диететского универсума современного повествования: народ, государство и знание — в автобиографии македонского литературного XIX в. появляются в видоизменённом облике как народ, церковь, право на народную письменность, в противоположность чуждому государственному и культурному доминированию и власти (то есть в их рамках)» [Аврамовска 2004: 11]. Исторический и социальный контекст рассматривается исследовательницей как метанаррация, которая обеспечивает общественную легитимность автобиографическому «я».

Интердисциплинарный подход, о котором уже шла речь, характерен и для других современных македонских критиков, в частности для театрального критика Мишеля Павловского. В его книге «Театр и миф» (2004) в фокусе внимания автора оказывается «встреча» мифа и фольклора с театром. Соответственно, к исследованию привлекаются и методы театроведения, и методы тех научных дисциплин, которые изучают миф (философии, этнологии, литературоведения, антропологии, социологии). Павловский ставит вопрос о том, корреспондируют ли мифопоэтические элементы современной македонской драматургии с архетипами мифологического мышления, появившимися во времена формирования и мифологического сознания, и театральных форм. При этом разбираются, в частности, такие произведения, как «Ветка на ветру» Коле Чашуле и «Яне-баламут» Горана Стефановского, уже ставшие национальной классикой.

Под новым углом зрения рассматривает национальную и зарубежную классическую литературу и Соня Стойменская-Элзесер. Её книга «Игрись. Эссе о литературном лудизме» (2004) определяет лудизм как литературный метод, который не только весьма часто появляется в творчестве современных писателей, но и лежит в основе значительного сегмента

художественного творчества вообще. Исследовательница находит игровые элементы как в постмодернистском рассказе (у Крсте Чачанского, Васе Манчева, Венко Андоновского), так и у Блаже Конеского, в ранних рассказах Славко Яневского (сборник «Клоуны и люди»), у Живко Чинго. Так, о рассказе Конеского «Песня» учёный пишет: «Речь идёт о классически написанном рассказе, который всё-таки “играет” с возможностями поэтического выражения. Он осуществлён как лирическая песня с фольклорными напевами в качестве лейтмотива, без развития наррации в прямом смысле слова, что заставляет многих критиков это произведение считать стихотворением в прозе» [Стојменска-Елзесер : 140—141].

Как мы уже видели, для современных македонских критиков важен мультикультурализм как переkreшивание разных типов культурной деятельности: он становится и предметом изучения, и основой методологии. Однако весьма актуальна и тема мультикультурализма как слияния разных культур. Это проявляется в новом взгляде на творчество Ацо Шопова, характерном для исследований Александра Прокопиева и Лорель Георгиевской-Яковлевой. «Кочевничество» поэта, по определению Прокопиева (в статье «Кочевник Ацо Шопов»), т. е. его интерес к иным культурам, — это тоже своеобразный поиск самоидентификации и идентификации мира. Георгиевская-Яковлева в статье «Шопов и Африка» пишет: «Встреча Шопова с Африкой — это встреча с Другим, с отличающимся, неподатливым... но одновременно это и встреча с собой, потому что под покрывалом различий всё одинаково. Одинаковость не уничтожает различия, но даёт осознать, чем мы являемся и чем можем быть. При этом творческое сотрудничество с Другим предоставляет шанс использовать то, чем мы могли бы быть...» [Георгиевска-Яковлева: 106]. По мысли исследовательницы, «африканские мотивы в поэзии македонского классика, лирический герой которого чувствует себя частью двух сообществ, разрушают стереотип о культурной гнeпереводимости».

Подводя итог нашего небольшого обзора, скажем, что заметными тематическими направлениями у современных исследователей македонской классики являются, во-первых, эволюция сознания соотечественника (его самоидентификация и неразрывно связанная с ней идентификация мира) и, во-вторых, мультикультурализм в самом широком смысле слова. При этом мультикультуральный подход зачастую определяет не только тематику и проблематику, но и методы исследования.

Библиографија

1. *Аврамовска Н.* Травестија на усната историја. Скопје, 1999.
2. *Аврамовска Н.* Автобиографијата во македонскиот литературен 19 век. Скопје, 2004.
3. *Георгиевска-Јаковлева Л.* Шопов и Африка // Спектар. 2003. № 41—42.
4. *Мојсиева-Гушева Ј.* Чинговата апартна поезика. Скопје, 2001.
5. *Павловски М.* Театарот и митот. Скопје, 2004.
6. *Прокопиев А.* Номадот Ацо Шопов // Прокопиев А., Постмодерен Вавилон. Скопје, 2000.
7. *Стојменска-Елзесер С.* Игропис. Есеи за книжевниот лудизам. Скопје, 2004.

Ю. Созина,
ИСл РАН, Москва

Македонско-словенские литературные связи в 2000-е годы

Спустя десятилетие и больше после распада СФРЮ (да и всего социалистического лагеря) можно говорить о том, что весьма интенсивное развитие литературных связей между Македонией и Словенией в XXI веке носит характер искреннего, не затененного какими-либо конъюнктурными интересами внимания двух культур друг к другу. Наиболее удаленные по географическому положению, различные по уровню экономического развития, две бывшие республики Югославии оказываются во многом близки друг другу. Их связывает открытость, готовность к восприятию новых идей, опыт «малых», «пограничных» культур, напряженное стремление к сохранению национальной специфики. Может быть, здесь уместно вспомнить понятие «славянская взаимность»: то самое чувство «тылов», о котором известный словенский поэт, один из учредителей международной центральноевропейской литературной премии «Виленица» Вено Тауфер сказал: «...как будто у тебя за спиной нет никого, кто бы мог тебе угрожать; напротив, ожидаешь оттуда понимания, кого-то, кто тебе ... в чем-то близок, ожидаешь бескорыстной симпатии, любопытства и даже интереса...»¹

Современные литературные связи между Македонией и Словенией широки и разнообразны. Это переводы произведений маститых и совсем молодых литераторов, книги отдельных авторов, антологии, публикации и подборки в журналах, а также рецензии, научные статьи и — что особенно отраднo — студенческие работы.

Значительный вклад в развитие македонско-словенских связей в 2000-е гг. вносит сравнительно молодое периодическое издание «Апокалипса» («Апокалипсис», журнал «о прорыве в живую культуру»). В 2000 г. здесь публикуется подборка из 36 стихотворений 16 македонских поэтов младшего поколения (1967—1977 г.р.), то есть 23—33-летних авторов. Их стихотворения несут дух нового поколения, вступающего в культурный диалог с поколением отцов, с национальной традицией, со всем миром

Эта поэзия представляет иное видение мира, особую атмосферу мятежности, смены ценностных ориентиров или даже их отсутствие. Как призналась себе и всему человечеству Александра Николова (р. 1975) в своем стихотворении «Поэтические наблюдения»:

Нет этики в современной поэзии.
 Лабиринт медитаций,
 наблюдений, поминаний, мастурбаций.

Так, например, в стихотворении Николы Маджирова (р. 1973) «Он все ищет продавца семечек» своеобразным символом хода человеческой истории и отказа от прошлого становится футбольный матч, куда отец привел сына, но непонимание между поколениями, возникшее в результате исторической смены ценностных ориентиров — или ухода этих ценностей, — вызывает грусть, иронию и... обиду².

В публикации задействованы и авторы албанского происхождения, как, например, Теута Арифи (р. 1969), чей первый поэтический сборник был написан на албанском языке, а второй был двуязычным. Среди молодых македонских поэтов на момент публикации уже трое — лауреаты премии «Студенческое слово», и произведения всех представлены в антологии «Двадцать молодых македонских поэтов», появившейся в Македонии в этом же году. Составителем обеих публикаций, автором идеи и вступительного слова является Лидия Димковская (р. 1971). Переводы на словенский язык были осуществлены Франце Вурником и Клариссой М. Йованович.

Опыт журнала «Апокалипса» оказался весьма удачным, поэтому издание обращалось к македонской теме еще не раз. Так, в 2005 г. на его страницах появляются хайку семнадцати македонских авторов в переводе Алеша Мустара, а в 2006 г. — подборка македонской прозы в переводах Намиты Субиотто и Сони Должан.

2003 год ознаменован двусторонним проектом по взаимному переводу и изданию македонской и словенской краткой прозы. Проект осуществлен двумя крупными журналами — македонским «Културен живот» («Культурная жизнь») и словенским «Содобност» («Современность»). В первом номере журнала «Културен живот» за 2003 год были опубликованы пять рассказов известных словенских писателей среднего поколения (1945—1963 г.р.) в переводе Л. Димковской. Это Эвальд Флисар, Вин-

ко Мёлерндорфер, Майя Новак, Яни Вирк и Андрей Блатник. Некоторые произведения этих писателей переведены и на русский язык.

В ответ «Содобност» в вдвоенном майско-июньском номере помещает подготовленную той же Л. Димковской подборку произведений 13 македонских писателей (1951—1980 г.г.) в переводах А. Мустара. Публикация не только отличается большим поколенческим разнообразием, но и составлена так, что каждое из представленных произведений отличает неповторимый дух, все они являются разными по содержанию и эстетическим критериям: от традиционных до ультрасовременных. Принцип разнообразия был соблюден и с формальной точки зрения. Далеко не все авторы являются членами Союза македонских писателей, произведения некоторых из них впервые переводились на иностранный язык, а у самого молодого, Жарко Куюнджиского, на тот момент не вышло еще ни одной книги. В его рассказе «Низкий полет над детством» через незатейливую историю исподволь раскрывается тонкий внутренний мир художника, противящегося неделикатности, нечуткой простоте внешнего мира.

Одну из главных ролей в осуществлении этого проекта, как хорошо видно, играла Лидия Димковская, замечательная македонская писательница, поэтесса, эссеист, литературовед, большой энтузиаст в деле развития македонско-словенских литературных связей. Наряду с коллективными проектами, только благодаря ее переводам в течение 2000-х гг. в Македонии были опубликованы пять поэтических сборников таких известных словенских поэтов, как Юрий Худолин (2002), Бране Мозетич и Алеш Дебеляк (оба в 2004), Светлана Макарович (2006), Алеш Мустар (2007), а также книга рассказов Андрея Блатника (2005). В периодике появляются также ее рецензии.

В Словении многие произведения Л. Димковской переводит и публикует (в том числе в журналах «Апокалипса» и «Литература») Алеш Мустар. Отдельными книгами выходят в 2004 г. ее четвертый поэтический сборник «Нобель против Нобеля» (2001) и в 2006 г. роман «Скрытая камера» (2004), принесший писательнице национальную премию «Признание Рацина» — за лучшее прозаическое произведение года в Македонии³. Выход этих книг был отмечен рецензиями Л. Зелич-Степанчич в «Содобности» и Дж. Стрсоглавец в «Младине» («Юношество») соответственно.

В декабрьском номере за 2004 год журнал «Содобност» публикует еще одну поэтическую подборку — 31 стихотворение семи македонских авто-

ров. На этот раз авторитетный журнал о культуре и литературе печатает произведения уже широко известных македонских поэтов (1931—1957 г.г.), лауреатов различных литературных наград. Основные темы, затрагиваемые представленными стихотворениями, — это родина и женщина (Светлана Христова Йоич), магия земли и ветра (Науме Радический), пустота существования, чувство страха и вины (Васил Тоциновский), разговор с вечностью (Методия Манев) и вечный вопрос «зачем?» (Петре Бакевский). Открывают подборку прекрасные военные стихи Радована П. Цветковского. Таким образом, как в тематическом плане, так и в духовном представлен очень широкий спектр македонской поэзии. Публикация была подготовлена Ранко Младеноским, переводы осуществлены Намитой Субиотто, которая в 2003 г. защитила докторскую диссертацию по македонской прозе с акцентом на творчестве прозаика и сценариста Ташко Георгиевского (р. 1935) «Лингвостилистические особенности прозы Ташко Георгиевского» (руководили ее работой Владимир Осольник и Драги Стефания, исследование было подготовлено на философском факультете Люблянского университета).

Из словенских периодических изданий, которые также обращались к македонской поэзии, можно упомянуть «Нову ревию» («Новый журнал», ежемесячный журнал о культуре) и «Приморска сречанья» («Приморские встречи»).

Отдельными книгами вышли поэтический сборник Ристо Г. Ячева (р. 1942) «Каменная подушка» (2001, перевод Бистрицы Миркуловой), двуязычный сборник хайку Николы Маджирова «Асфальт, но небо» (2005, переводчики Примож Репар, Алеш Мустар и Македонка Божиновская), роман Гоце Смилевского (р. 1975) «Разговор со Спинозой: роман-паутина», лауреат премии за лучший роман года в Македонии в 2002 г. (2005, пер. А. Мустара), сборник стихов Ристо Лазарова «Геракл» (2006, пер. А. Мустара). В 2007 г. коллектив «Штудентской заложбы» («Студенческое издательство») выпускает в свет антологию современного македонского рассказа, куда вошли произведения Славко Яневского, Влады Урошевича, Петре М. Андреевского, Драги Михайловского, Димитрие Дурацовского, Александра Прокопиева, Ядранки Владовой, Эрмиса Лафазановского, Венко Андоновского, Оливеры Кёрвезировской и Игора Исаковского (редактор и переводчик — Н. Субиотто).

Наряду с журналом «Культурен живот» лишь немногие издания обращаются к словенской литературе. Вместе с тем осуществлено более 20, кроме выше названных, самостоятельных публикаций. Это книги Вено Тауфера, Томажа Шаламуна, Бране Мозетича, Владо Жабота, Эдварда Коцбека и других. Среди переводчиков — известные македонские поэты и писатели Ефтим Клетников, Ристо Василевский, Игор Исаковский и другие.

Особый вклад в развитие македонско-словенских литературных связей внес и философский факультет Люблянского университета. Здесь ведется работа по нескольким направлениям: это перевод и издание македонских художественных и фольклорных произведений, научные контакты и подготовка молодых специалистов. Кроме уже названной докторской диссертации Н. Субиотто, здесь были написаны восемь дипломных работ, посвященных поэтическим переводам, развитию драматургии, развитию современной прозы, проблемам национальной идентификации. И все они осуществлены на македонском материале.

В 2002 г. при поддержке македонского культурного общества «Македония» философским факультетом был подготовлен и опубликован сборник «Македонские драматические тексты». В него были включены шесть пьес значительных македонских драматургов Томе Арсовского (р. 1928), Бошко Смаковского (р. 1938), Горана Стефановского (р. 1952) и Йордана Плевнеша (р. 1953). Сборнику весьма повезло и с переводческой командой, куда вошли пять человек, среди которых известные словенские писатель и драматург Драго Янчар и поэт Иван Минатти.

Студентами факультета были подготовлены две книги: в 2006 г. вышло издание македонских народных преданий «Сестра солнца», а в 2007 г. — сборник македонской фантастики «Свет в лунном свете», заслужившие признание читателей.

В 2000-е годы продолжают свою работу и двусторонние македонско-словенские научные форумы. Вслед за первой конференцией «Словенский и македонский язык и литература в современной общественной ситуации», состоявшейся в Охриде в 1997 г., в 2000 г. выходит сборник материалов по результатам ее работы. В октябре 2000 г. вторая конференция с тем же рабочим названием состоялась в Любляне. Третья конференция «Македонско-словенские языковые, литературные и культурные связи» прошла в Охриде в сентябре 2007 г.

Эти научные встречи позволяют ученым обеих стран обмениваться актуальной информацией, сравнивать достигнутые результаты, ведь порой исследования ведутся в схожих или сопоставимых направлениях.

Лауреатом международной литературной премии «Виленица», учрежденной в Словении в 1986 г. и упоминавшейся нами в начале, в 2007 г. стал македонский писатель Горан Стефановский. Основными принципами «Виленицы» являются «терпимость, неагрессивность, понимание, плюрализм, т. е. интеграционный принцип различий». Македонско-словенские литературные связи в XXI столетии весьма интенсивны, глубоки и интересны. Они продолжают развиваться, что подтверждает статус «открытости» обеих национальных литератур и — шире — культур, их равноправие и оригинальность.

Примечания

¹ *Тауфер В.* Из опыта жизни «на границе» // Словенско-русский альманах. М., 2001. С. 153—160.

² Папа меня брал с собой на футбольные матчи
а я ходил ради семечек
папа брал с собой газету чтоб на нее сесть
а я чтоб доразгадать нерешенные кроссворды
Папа постоянно вставал тогда
когда вставали все остальные
а я лишь когда видел продавца семечек.

На стадионе воцарилась тишина
Присутствующие пялились на меня
пока я грыз семечки
(главный арбитр прикусил язык сигнала свистком).

Злюсь на отца
ведь он оставил меня одного.

³ О романе Л. Димковской «Скрытая камера» у нас писала М. Б. Проскурнина.

III. Россия и Македония: культурные и научные связи

Н. Боронникова,

Пермский государственный университет

Русско-македонские языковые, литературные и культурные связи

О сборнике материалов Третьей македонско-русской научной славистической конференции

Сборник «Русско-македонские языковые, литературные и культурные связи: Материалы Третьей македонско-русской научной славистической конференции» (под ред. проф. М. Каранфиловского; Скопье, 2006) содержит тексты докладов, прочитанных на названной конференции, проходившей 9–11 августа 2001 г. в г. Охрид (Р. Македония).

Традиция проведения македонско-русских научных встреч была начата в августе 1995 г., когда в Македонии (г. Охрид) состоялась первая совместная конференция, организованная в рамках договора о сотрудничестве между Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова и Университетом имени свв. Кирилла и Мефодия (г. Скопье, Р. Македония). Ответная встреча проходила в сентябре 1998 г. на филологическом факультете МГУ. По результатам обеих конференций были опубликованы сборники докладов. Третья же македонско-русская конференция состоялась в нелегкое для Македонии время, в период македоно-албанского межэтнического вооруженного конфликта 2001 г. поэтому, по объективным причинам, сборник материалов вышел из печати только в 2006 г. Несмотря на все трудности, связанные с подготовкой и публикацией сборника, данный коллективный труд представляет особый интерес для широкой научной общественности и является серьезным вкладом в дело укрепления македонско-русских научных и культурных связей.

Сборник состоит из 54 статей ученых из России и Македонии. Статьи распределяются по трем основным разделам: «Лингвистика», «Литература», «История и культура», а внутри разделов статьи группируются по тематическим блокам.

В лингвистическом разделе сборника опубликованы материалы, касающиеся истории славянской письменности, современного состояния македонского языка, контрастивного изучения славянских языков, языковой ситуации в Македонии, историографии славистики, прикладных аспектов лингвистики и др. Так, в статье Петара Хр. Илиевского «Из истории славянской письменности («случайные ошибки» или намеренные интерполяции в «Кратком житии св. Климента» Хоматиана)» речь идет о первых македонско-русских культурных контактах, объединяющим фактором в которых, несомненно, была славянская письменность. Анализируя «Краткое житие св. Климента Охридского», созданное в XIII в. греком Димитрием Хоматианом, автор рассуждает о проблеме истории глаголической и кириллической письменности.

Проблемам грамматики современного македонского языка посвящены статьи Елены Верижниковой и Наталии Боронниковой. В статье Е. Верижниковой речь идет о расширении сферы использования будущего времени в македонском языке, о семантике так называемого будущего реферативного времени, которое в ряде случаев используется вместо настоящего исторического и настоящего реферативного. Н. Боронникова анализирует дискурсивную семантику показателей определенности—неопределенности в тексте Евангелия от Иоанна на македонском языке.

Контрастивное исследование вопросов грамматики представлено в работах Рины Усиковой, Марии Найческой-Сидоровской, Ясминки Деловой, Германи Шокларовой-Лёровской. В статье Р. Усиковой «Македонские да-конструкции и их русские эквиваленты» дается детальный анализ семантики да-конструкций в македонском языке в зависимости от их синтаксических функций, автор показывает, что в каждом из своих значений да-конструкции имеют соответствующие русские эквиваленты. М. Найческая-Сидоровская рассматривает функции и значения глаголов с префиксами *об-* и *от-* в македонском языке в сопоставлении с их русскими семантическими эквивалентами. Работа Я. Деловой посвящена анализу семантики и функций предлога *од* в македонском, русском и чешском языках. Г. Шокларова-Лёровская предлагает контрастивное исследование семантики временной последовательности на формально-синтаксическом уровне на материале македонского, польского и русского языков.

Анализ лексических особенностей македонского и русского языков показан в статьях Бориса Маркова, Лиляны Миновой-Гюрковой, Любицы Станковской, Элки Ячевой-Улчар. Так, Б. Марков сопоставляет тематические группы германизмов в русском и македонском языках. Л. Минова-Гюркова в работе «Язык во времени» ставит актуальную проблему традиции именования в македонском и русском языках лиц, участвующих в военных действиях, а также тех, кто оказывает им всестороннюю поддержку и помощь. Проблемы ономастики рассматриваются в статьях Л. Станковской («Македонско-русские ономастические связи») и Э. Ячевой-Улчар («Ономастика “Слова о полку Игореве”»).

К. Пеев в своем анализе обращается к работе русского слависта Н. И. Толстого о македонско-русских изолексах, опубликованной в сборнике материалов Первой македонско-русской славистической конференции (Скопье, 1998. С. 9—11). Публикация Димитара Пандева «Селищев о Пологе» посвящена трудам А. М. Селищева по проблемам исторической диалектологии македонского языка.

В статье Светланы Клейн проводится анализ языка македонских СМИ с точки зрения отступления от литературной нормы на лексическом, грамматическом и синтаксическом уровнях. В двух работах (Ружица Янчулева, Донка Роус «Перевод языкового гротеска в “Похождениях бравого солдата Швейка во время мировой войны” Ярослава Гашека»; Кирил Трайковский «Переводная литература с русского на македонский и ее языковые характеристики в первые годы становления македонского литературного языка») рассматриваются проблемы теории перевода.

К вопросу межъязыковой омонимии и полисемии в преподавании русского языка в македонских школах обращается Красимира Илиевская. Об изучении русского языка в Республике Македонии говорит Максим Каранфиловский, проблему использования русского языка в туристическом бизнесе Македонии рассматривает в своей статье Вера Димзова.

В разделе, посвященном проблемам литературоведения, также можно выделить несколько тематических блоков. Представлениям о грехе в южнославянском фольклоре и народных верованиях уделяет внимание Елена Якушкина. Проблемы публикации, анализа и перевода средневековых рукописей рассматриваются в докладах Веры Стойчевской-Антич «Новгородские листки и Остромирово Евангелие как пример македонско-русских средневековых связей», Вангелии Десподовой «Упоминания рус-

ских святых в македонских средневековых прологах», Добрилы Миловской «Южнославянско-русские литературные связи в XI—XII вв.», Или Велева «Македонские средневековые рукописи в сборнике Алексея Ивановича Хлудова» и Майи Якимовской-Тошич «Перевод и распространение палей в южнославянской и русской книжных традициях». О влиянии традиционных древнерусских житийных канонов на светскую биографию XVIII в. на примере «Своеручных записок» княгини Н. Б. Долгорукой говорит Вера Муравьева.

Особый блок составили доклады, посвященные компаративному изучению славянских национальных литератур. Так, Васил Тоциновский в своей работе «Любомир Весов и русские поэты» пишет о влиянии русской поэтической традиции на творчество поэта македонского модерна Любомира Весова, а Науме Радический повествует о воздействии русской литературы на формирование воззрений Николы Вапцарова. Нада Петковская сопоставляет элегическое восприятие жизни в поэзии А. С. Пушкина, Ф. Прешерна и К. Миладинова. Образы древнерусской иконописной традиции в современной македонской поэзии рассматривает Владимир Мартиновский.

В статьях македонских литературоведов Атанаса Вангелова «Московская сага Аксенова», Димитара Бошкова «Великие мелочи, или МИФ Смердякова», Ядранки Владовой «Диалог времен в “Мастере и Маргарите” Михаила Булгакова», Сони Стойменской-Элзесер «Принцип игры в русской краткой прозе XX века», Кристины Николовской «Философские “сети” в поэзии Геннадия Айги» предлагается новая трактовка произведений и образов русской литературы. Мито Спасевский говорит о публикации русской литературы для детей в Македонии, Славица Србиновская — о воспоминаниях Надежды Мандельштам и их восприятию в македонской культурной реальности. А современное состояние македонского литературного процесса отражено в работе российского исследователя Марии Проскурниной «Парадоксы македонского постмодернизма: в поисках национального своеобразия».

Отдельный блок статей посвящен литературным дискуссиям, развитию общеевропейской и славистической научной литературной и культурной мысли. Отношение русского и македонского славистов Петра Драганова и Кузмана Шапкарева к вопросу о национальной самобытности македонских славян рассматривается в работе Томислава Тодоровско-

го. Вклад Милана Гюрчинова в изучение и становление русской литературы в Македонии обсуждается в докладе Димитрии Ристеского. Катина Кюлавкова говорит о диалогизме у В. Волошинова и М. Бахтина с точки зрения теории литературных дискурсов, Весна Мойсова-Чепишевская обсуждает архитектурность и интертекстуальность в диалоге П. Зографского и Б. Конеского и русской литературно-языковой научной и культурной мысли. Литературные дискуссии в Македонии 50 — 60 гг. XX в. анализирует в своей работе Анна Евстратова. В работах Александра Прокопиева «О луддизме в прошлом и настоящем» и Ангелины Банович-Марковской «От Гутенберга до ИнтеЛнета (кибер-теории Михаила Эпштейна и Умберто Эко)» рассматриваются современные философские концепции.

Последний раздел сборника содержит статьи по проблемам истории и культурологии. Статьи исторической проблематики охватывают различные периоды жизни славянских народов. Соня Зонович в своей работе рассматривает отношения между древнейшими южнославянскими племенами березитов и дрогудитов и восточнославянскими дреговичами. Александр Атанасовский говорит о влиянии России на создание Самуилова царства и о церковно-дипломатических связях Самуила с Киевской Русью.

Периоду освободительной войны советского народа против фашистской Германии (1941—1945) и его восприятию руководителями народно-освободительной борьбы в Македонии посвящена статья Владо Ивановского. Виолета Ачковская рассуждает о советском влиянии на историческое образование в Народной Республике Македонии в 1945—1948 гг.

В статье Ольги Исаевой «Исторические перипетии формирования македонской нации» рассматривается основополагающий для становления македонской нации период — конец XIX — начало XX в. Автор пытается выяснить те обстоятельства и факторы, которые прямо или косвенно повлияли на процесс формирования македонской нации. Основой для написания статьи послужили свидетельства российских консулов в Македонии, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи, которые являются ценнейшим источником, приближающим к достоверному изучению истории македонского народа.

Четыре работы сборника посвящены проблемам культурологии. Российско-македонские музыкальные связи представлены в статьях Виктории

Коларовской-Гмыри и Гоце Коларовского. Сашо Огненовский в своей работе рассматривает произведения русской драматической литературы, поставленные на сцене Битольского народного театра. А Благица Петковская говорит о влиянии русской письменной иконографической традиции на македонские ерминии XIX в.

Таким образом, рассмотренный сборник представляет достаточно широкий спектр точек зрения на проблему взаимодействия русской и македонской научной мысли в области языка, литературы и культуры. Многие из вопросов, поднятых в этом сборнике, до сих пор не утратили своей актуальности и вызывают живейший интерес у широкой научной общественности. А практика организации совместных конференций не только позволяет знакомиться с исследованиями коллег и информировать их о своей работе, но и открывает пути для научного сотрудничества. Надеемся, что традиция проведения российско-македонских конференций, так успешно начатая в 1995 г., будет продолжена и в будущем.

М. Проскурнина,
ИСл РАН, Москва

Славянские научные взаимосвязи

(О пятом выпуске «Филологических заметок».
Скопье—Пермь—Любляна—Загреб, 2007. — Филолошки
студии: 5/ 2007. — Скопје:
Институт за македонска литература;
Филолошки факултет «Блаже Конески», 2007. —
2 св. 300 стр.)

Пятый выпуск межвузовского сборника научных трудов «Филологические заметки», вышедший в 2007 г. в Институте македонской литературы при Университете имени свв. Кирилла и Мефодия (Скопье, Р. Македония), ознаменовал собой продолжение и расширение славянских культурных и научных взаимосвязей.

Предыдущий выпуск этого издания, осуществленный в г. Перми (Россия) в год 90-летия Пермского государственного университета, 25-летия Института македонской литературы и 60-летия филологического факультета имени Б. Конеского (Университет им. свв. Кирилла и Мефодия), включал статьи российских, словенских и македонских исследователей и представлял собой проект, на трех языках освещавший актуальные филологические, культурологические, лингвистические, методические, литературоведческие проблемы.

Новые «Филологические заметки» объединяют научную мысль уже четырех славянских стран: к ученым России, Словении и Македонии присоединились исследователи из Хорватии. В четырехсторонний международный проект включились ученые, преподаватели, аспиранты филологического факультета и факультета современных иностранных языков и литератур Пермского государственного университета (ПГУ, Россия); филологического факультета Пермского государственного педагогического университета (ПГПУ, Россия), философского факультета Университета в Любляне (Словения), гуманитарного факультета Приморской

университета (Копер, Словения), филологического факультета имени Б. Конеского Университета имени свв. Кирилла и Мефодия (Македония), философского факультета Университета в Загребе (Хорватия), Института хорватского языка и языкознания (Загреб, Хорватия), а также исследователи из Института македонской литературы (Македония), Института национальной истории (Македония), Института македонского языка имени К. Мисиркова (Македония), Института фольклора им. М. Цепенкова (Македония) и Института славяноведения РАН (Россия). Не может не радовать тот факт, что этот международный проект, начатый несколько лет назад в Пермском государственном университете как российско-словенское научное издание, с течением времени не только не угас, но расширился и приобрел ярко выраженную славистическую окраску, что является редкостью в современном российском научном пространстве.

«Филологические заметки»—5 представляют собой двухтомное издание, состоящее из 53 статей, традиционно распределенных по следующим разделам:

Философско-культурологические проблемы.

История и филология.

Слово в историко-культурологическом контексте (сопоставительный аспект).

Современный социум в культуре, языке, литературе.

Речеведение. Лингводидактика.

Рецензии. Информация.

Адресованный специалистам-гуманитариям и широкому кругу читателей, интересующихся славистической проблематикой в разнообразных ее аспектах, сборник предлагает многокрасочный спектр научных проблем, актуальных в современной филологической науке России, Словении, Македонии и Хорватии.

Хорватские авторы обратили свое внимание как на философско-культурологические проблемы, так и на сугубо филологические. Так, статья З. Ковача (Университет в Загребе) посвящена «Культурному экуменизму» И. Штроссмайера и восприятию этих идей европейскими культурами, работы А. Пети-Станич (Университет в Загребе) «Порядок слов у С. Шкрабца и Т. Маретича», З. Еласки (Университет в Загребе) «Критерии определения синонимов», Б. Ковачевич (Институт хорватского языка и языкознания, Загреб) «Сравнительный двуязычный словарь идиом» обращены к различным аспектам лингвистики. Исследование же И. Латко-

вича (Университет в Загребе) «Словенский новый исторический роман: основано на анализе романа словенского писателя Витомила Зупана «Менуэт для двадцатипятизарядной гитары».

Большая часть статей коллег из Словении оказалась сосредоточена в разделе «Философско-культурологические проблемы». Это работы Т. Герна (Университет в Любляне) «“Триумф смерти” Янеза Вайкарда Вальвазора», где идет речь об итальянском влиянии в иконографии, Р. Краньчец (Университет в Любляне) «Влияние ожиданий на успех», рассматривающей методические проблемы с позиции так называемых психологических эффектов Пигмалиона и Галатеи, М. Потоццо (Приморский университет, Копер) «Воображаемое и словенская культурная идентичность», Я. Рошкер (Университет в Любляне) «Язык и логика: проблема восприятия и интерпретации в теории Джанга Донгсана», В. Страховника (Университет в Любляне) «Моральный реализм, интуитивизм и феноменология морали», Т. Страра (Университет в Любляне) «Несколько слов о поиске правды в психологической науке», М. Визьяк-Павшич (Любляна) «Получение информации из текстов и иллюстраций», Н. Новак (Университет в Любляне) «Формирование первых образцов юридических текстов в словенском языке и их практическое употребление». М. Пинтарич (Университет в Любляне) обратился в статье к проблемам перевода классика словенской литературы Ф. Прешерна на английский язык.

Проблемам национального литературного языка на разных этапах его развития посвящен целый ряд статей ученых из Македонии. Это работы А. Полёской (Университет им. свв. Кирилла и Мефодия) «Лексемы *strupiga / shtrigë* в македонских и албанских диалектах», М. Каранфиловского (Университет им. свв. Кирилла и Мефодия) «Статус македонского литературного языка в начале XXI в.», И. Пановской-Димковой (Университет им. свв. Кирилла и Мефодия) «Хабитуальные морфосинтаксические структуры», Л. Макариёской (Институт македонского языка им. К. Мисиркова) «О лексике гимнографических текстов македонской редакции», Л. Спасова (Университет им. свв. Кирилла и Мефодия) «Периодизация македонского письменного языка и его стандартизация в XX в.», Л. Тантуровской (Институт македонского языка им. К. Мисиркова) «Традиции и новации в языке законов», Л. Гушевой (Институт национальной истории) «Заговоры и молитвы о здоровье в македонских лечебниках XIX в.»

Философские и историко-культурные проблемы рассматриваются на национальном материале в статьях научных сотрудников Института национальной истории М. Ангеловской-Пановой «Историко-культурный контекст богомилства», А. Шукаровой «Античная и римско-ромейская Македония — политическая сокровищница мировой истории», Б. Ристовской-Йосифовской «Об именовании династии Мрнявчевичей в македонской и сербской традиции и историографии», Я. Мойсиевой-Гушевой (Институт македонской литературы) «Балканский диалог с Другим», Я. Котеской (Университет им. свв. Кирилла и Мефодия) «Женщина без зубов», Л. Стоянович-Лафазановской (Институт фольклора им. М. Цепенкова) «История жизни в тупике: между сказкой и иллюзией».

Несколько статей посвящены специфике развития македонской литературы. Так, статья В. Тоциновского (Университет им. свв. Кирилла и Мефодия) «Македонский поэтический кружок в Старой Загоре» рассказывает о литературном кружке, созданном в 1930-е годы в Болгарии молодыми македонскими поэтами Х. Огняновым, С. Григоровым, К. Коняровым, Х. Христовым и др. Исследование С. Стойменской-Элзесер (Институт македонской литературы) «Тенденции литературной игры (луддизма) и прагматизма в македонской прозе» обращено к постмодернистским явлениям в национальной литературе, а Л. Георгиевская-Яковлева (Институт македонской литературы) в статье «Македонский роман и переходные явления» анализирует специфику понятия «переходность в культуре» на материале новейших произведений таких македонских писателей, как Э. Лафазановский, Л. Димковская, П. Авирович, Й. Плевнеш, А. Прокопиев.

Помещенные в раздел «Философско-культурологические проблемы» статьи российских исследователей обнаруживают широкий круг интересов ученых, обращающихся и к малоизвестным аспектам лингвистического творчества П. А. Флоренского (статья Л. М. Алексеевой (ПГУ) «Языковое провидение П. А. Флоренского»), и к проблемам имагологии (статья А. А. Арустамовой (ПГУ) «К вопросу о восприятии США русской общественно-философской мыслью 1840-х гг.»), и к постструктуралистским концепциям (статья Н. И. Берсеневой (ПГУ) «Проблема бесконечности языка (текста) в постструктуралистском подходе»), и к рассмотрению языкового знака как ментального образования (статья Т. И. Доценко (ПГПУ) «К проблеме внутренней структуры словесного знака»), и к по-

лемике по поводу основных направлений современного языкознания (статья Ю. А. Левицкого (ПГУ) «Еще раз о мейнстриме в лингвистике»).

Размышления культурологического характера о том, как повлиял на развитие национальной культуры тот факт, что Древней Русью был выбран византийский вариант христианства, названный в дальнейшем, после раскола Византийской и Римской церквей, «православием», содержатся в работе Б. В. Кондакова (ПГУ) «Византийские истоки русской духовности». Осмыслению евангельской темы Распятия в связи с трагической судьбой народа в творчестве А. Ахматовой посвящена статья С. В. Бурдиной (ПГУ) «Апокалиптический миф “Поэмы без героя” А. Ахматовой». Феномен сериальных техник в поэзии исследуется в статье В. Н. Железняка (ПГУ) «Сериальная строфика в поэзии И. Жданова», а в статье Е. А. Князевой (ПГУ) «Что в имени тебе моем? Роль анаграммирования в постмодернистской игре автора с читателем» говорится об одном из аспектов проблемы автора художественного произведения. В круг интересов российских авторов попала не только отечественная, но и зарубежная литература. Так, Б. М. Проскурнин (ПГУ) в статье «Джордж Элиот и Дэвид Герберт Лоуренс: так ли далеки викторианство и модернизм?», посвященной все еще недооцененному вкладу Джордж Элиот в сокровищницу английской национальной литературной традиции, утверждает вслед за М. Беллом, что даже в конце жизни «Элиот оставалась своего рода критерием» в искусстве слова для Лоуренса.

Раздел «Современный социум в культуре, языке, литературе» включает статьи, посвященные проблемам социолингвистики (статьи Т. И. Ерофеевой (ПГУ) «Речевой портрет города в экспериментальном исследовании», Е. В. Ерофеевой (ПГУ) «Вероятностные подходы в социолингвистике»), перцептивного аспекта речевой деятельности (статья И. Г. Овчинниковой (ПГУ) «Классификация как метод изучения вариативности восприятия текста»), диалектологии (статья И. И. Русиновой (ПГУ) «Образ человека в дневнике диалектоносителя»), стилистики (статьи Е. А. Баженовой (ПГУ) «Прагматические единицы научного текста» и М. П. Котюровой (ПГУ) «Виды внимания при редактировании погрешностей в научных текстах»).

Последний раздел «Филологических заметок» содержит рецензии и информацию о научной жизни в организациях-партнерах. М. Б. Проскурнина (Институт славяноведения РАН, Москва) рассказала о перево-

дах и восприятии македонской литературы в России и русской литературы в Македонии, отметив, что русская культура и литература в Македонии представлены гораздо шире, чем македонская — в России, и что одной из важных задач российской македонистики на сегодняшний день является не только сближение российской и македонской филологических наук, но и пропагандирование македонской культуры и литературы.

В. Мартиновский (Университет им. свв. Кирилла и Мефодия) представил рецензию на пятый выпуск журнала «Литературный контекст», выпускаемый Институтом македонской литературы, а Б. Ристовская-Йосифовская (Институт национальной истории) проинформировала о международной научной конференции «Переходность в истории и культуре», которая состоялась 30—31 октября 2006 г. в Скопье. Е. Н. Полякова (ПГУ) написала рецензию на книгу старшего научного сотрудника Отдела исторической лексикографии и исторической грамматики Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН Л. Ю. Астахиной «Слово и его источники. Русская историческая лексикология: источниковедческий аспект» (М., 2006), высоко оценив это глубокое исследование проблем лингвистического источниковедения, его современного состояния и русской исторической лексикологии. На новую книгу македонского литературоведа доктора Н. Аврамовской (Институт македонской литературы) «Мы во времени» (Скопје, 2007) обратила внимание читателей Я. Мойсиева-Гушева (Институт македонской литературы), подчеркнув, что в этой книге представлен взгляд исследовательницы на существенные проблемы истории македонской литературы, связанные с актуализацией ее национальной специфики.

Н. В. Боронникова (ПГУ) предложила рецензию на учебное пособие старшего научного сотрудника Института македонского языка имени К. Мисиркова, доктора Л. Тантуровской «Упражнения и игры: учебное пособие по изучению македонского языка как иностранного», изданное кафедрой македонского языка и южнославянских языков филологического факультета им. Б. Конеского при Университете им. свв. Кирилла и Мефодия (Скопје, 2005). Н. В. Боронникова отметила, что пособие Л. Тантуровской представляет собой значимое для македонской учебной литературы событие, отвечает основным требованиям к современным пособиям коммуникативно ориентированного типа и послужит прекрасным дополнением к базовым учебникам по грамматике македонского

языка, «а игровая форма упражнений и оригинальные названия игр и глав помогут учащимся почувствовать не только “душу” македонского языка, но и душу народа, говорящего на нем» (с. 282).

Наконец, завершила сборник статья Т. И. Доценко (ПГПУ) и Н. В. Боронниковой (ПГУ), посвященная юбилею доктора филологических наук, профессора, заведующей кафедрой общего и славянского языкознания филологического факультета Пермского государственного университета, ведущего специалиста в области общего языкознания и социолингвистики, современного русского языка, лексикологии и лексикографии Почетного работника высшего образования Российской Федерации, Заслуженного работника высшей школы Российской Федерации Тамары Ивановны Ерофеевой.

Международное издание «Филологические заметки» — это уникальный проект, появление и плодотворное развитие которого на научной арене сразу четырех государств не может не радовать. Остается надеяться, что это начинание, задуманное и осуществленное учеными из России, Словении, Македонии и Хорватии, будет углубляться и расширяться, представляя поистине многообразный спектр актуальной научной мысли в славянских странах.

Оглавление

От редколлегии	3
I. К 100-летию журнала К. П. Мисиркова «Вардар» (1905)	
Б. Ристовский	
Место и значение журнала «Вардар» К. П. Мисиркова в македонистике и славистике	7
Г. Тодоровский	
Крсте Мисирков о славянских соседях Македонии.	19
Г. Старделов	
Великий странник	23
Р. Усикова	
Типология литературного языка К. П. Мисиркова по материалам журнала «Вардар» (к столетию издания)	29
М. Каранфиловский	
Элементы эниджевардарского говора в журнале «Вардар» (Перевод Н. Боронниковой)	38
С. Веновская-Антевская	
Крсте Мисирков и язык журнала «Вардар» (Перевод Н. Боронниковой)	44
А. Шешкен	
Крсте Мисирков и Кочо Рацин: два этапа борьбы за македонский язык и македонскую литературу.	51
II. Россия и Македония: от прошлого к будущему	
О. Исаева	
Проекты решения македонского вопроса в начале XX века	61
М. Ямбаев	
Национальная идеология Димитрия Чуповского	76
Н. Учаева	
Македония в период Балканских войн 1912—1913 годов глазами российских представителей	90

Я. Войтова	
Позиция Коминтерна по македонскому национальному вопросу после подписания Майского манифеста (1924–1925 годы).....	100
П. Искендеров	
Албанский фактор в истории Македонии.....	111
А. Плотникова	
Этнолингвистические методы изучения македонской народной духовной культуры.....	117
Е. Узенёва	
Специфика македонской свадьбы в балканославянском контексте.....	124
Е. Верижникова	
Место конструкций <i>ќе + да + verbum finitum</i> в модально-темпоральной системе македонского глагола.....	132
У. Гайдова	
Литературный язык и исследование македонских диалектов (Перевод Н. Боронниковой).....	145
В. Лаброская	
О консонантной системе говора села Кула (обл. Серреса) (Перевод Н. Боронниковой).....	154
С. Давкова-Гёргиева	
О говоре села Чифлиджик (Перевод Н. Боронниковой).....	163
А. Евстратова	
Основные тенденции македонской литературной критики начала 2000-х годов.....	181
Ю. Созина	
Македонско-словенские литературные связи в 2000-е годы.....	185
III. Россия и Македония: культурные и научные связи	
Н. Боронникова	
Русско-македонские языковые, литературные и культурные связи (О сборнике материалов Третьей македонско-русской научной славистической конференции).....	193
М. Проскурнина	
Межславянские научные взаимосвязи (О пятом выпуске «Филологических заметок», Скопье—Пермь—Любляна—Загреб, 2007).....	198

Научное издание

РОССИЯ И МАКЕДОНИЯ:
ОТ ПРОШЛОГО К БУДУЩЕМУ

К 100-ЛЕТИЮ ЖУРНАЛА «ВАРДАР» (1905)

Материалы международной
научной конференции.

13 сентября 2005 г. Москва

Сборник статей

Сборник подготовлен к печати
в отделе редакционной подготовки рукописей
Института славяноведения РАН

Подписано в печать 01.04.2008. Печ. л. 13,0.

Тираж 300 экз. Цена договорная.

